РГЮ
ОМАН-
АЗЕТА ДЛЯ
НОШЕСТВА
4 . 1990
МАГА УВОДИТ СТАЮ

Виктор Александрович Потиевский родился в 1937 году в Москве. Окончив среднюю школу, поступил учиться в артиллерийское военное училище. Служил офицером на Крайнем Севере и в Карелии. Тема мужества и романтики, связанная с природой и людьми Севера, стала одной из главных в его творчестве.

После увольнения из Советской Армии трудился на Онежском тракторном заводе сменным мастером, затем — старшим контрольным мастером на ремонтно-механическом заводе. С 1968 года работал старшим редактором на студии телевидения. За эти годы окончил заочно историко-филологический факультет Карельского государственного педагогического института.

Первая книга стихотворений автора «На грани» вышла в свет в 1965 году. Затем выходили новые сборники его стихов.

Последние годы В. Потиевский много работает в жанре прозы, создавая серию повестей о жизни обитателей северного леса. В настоящее издание включены повести «Мага уводит стаю» и «Риса».

Живет писатель в Петрозаводске.

Виктор Потиевский

МАГА УВОДИТ СТАЮ

Леонид Крохалев

ДЕНЬ ПОЗАДИ, ДЕНЬ ВПЕРЕДИ

МОСКВА
1990

ББК 84Р7
П64

Художник В. Сафронов

Потиевский В. А.
П 64 Мага уводит стаю/В. Потиевский. День позади, день впереди/Л. Крохалев; Худож. В. Сафронов.— М.: Худож. лит., 1990.—272 с. (Серия «Роман-газеты» для юношества.)
ISBN 5-280-01800-7

В книгу вошли две повести В. Потиевского — «Мага уводит стаю» и «Риса», а также рассказы Л. Крохалева «День позади, день впереди».

П $\frac{4702010201-376}{028(01)-90}$ без объявл. ББК 84Р7

ISBN 5-280-01800-7

ПОМОГИТЕ ИМ!..

Помню, несколько лет назад мы в редакции «Роман-газеты» задумались над одним письмом, пришедшем из Кузбасса. Бывалый шахтер написал нам: «Наработаешься под землей, наглотаешься пыли, насмотришься в темноту и рвешься наверх к свету, цветам, солнцу. Охота броситься в траву, погладить зайцев и белок, полюбоваться на их вольные лесные забавы. Товарищи писатели! Пишите больше про природу, про зверей. Останутся они — останемся мы».

Мудрое и тревожное письмо, с заботой о нас, о себе и о природе, о всем живом, что нас окружает. А забота эта предполагает знание или хотя бы первичное знакомство с окружающей природой и ее полномочными представителями — дикими зверями, имеющими такие же права на жизненное пространство и свободу, как человек. Оный присвоил себе горделивый сан — царь природы. Смею сказать, что монарх оказался деспотом и тираном по отношению к тем, кого с помощью ружей, капканов, сетей, клеток решил подчинить, покорить и даже уничтожить. А кем же руководить после этого, над кем царствовать? Над пустыней, безмолвием, над тьмой.

Нет, пожалуй, если не образумится человек, если не поймет «братьев наших меньших», если не протянет руку спасения, если не сложит с себя незаслуженный монарший сан — быть беде (она уже есть), быть катастрофе (она уже близится).

«Давайте поймем их, почувствуем их радости и горести, оградим от беспощадных браконьеров!» — призывает людей Виктор Потиевский.

Его повести «Риса», «Большой Уг», «Мага уводит стаю», «Бес» вроде бы уводят нас от потрясений и катаклизмов человеческого общества, обещают перенести в уютный мир зеленой чащи и неотравленного воздуха. Но, к сожалению,

сегодняшний мир зверей — это тоже мир страха, мир потрясений, мир тяжелой борьбы за выживание. И в этот мир злой человек принес длинноствольную смерть, неожиданную отраву, научно-техническое коварство.

Писатель приглашает нас вглядеться пристальнее и зорче в этих обреченных, и мы вдруг ощущаем, что у них проявляется часто безответное и непонятное еще нами стремление дружить, потрясающее умение ладить и не приносить вреда, тоска по другу — человеку.

Потиевский — писатель зоркий, внимательный, наблюдательный. Он еще и прекрасный натуралист, знающий естественные законы природы, повадки диких зверей. Он умеет распознавать в поведении зверей их ощущения, а может быть и чувства. Он умеет читать следы, видеть недоступные нам знаки жизни животных. По его книгам можно многое постигнуть, узнать, увидеть в лесной круговерти, на опушке, в темной чаще. А главное — он призывает нас быть друзьями природы и животных, заботливыми братьями тех, кто с обреченной тоской шествует в заповедную Красную книгу. И остановить эту гибель может только гомо сапиенс, разумный человек. Разумный!

Нота тревоги, даже смертельной опасности слышится в повестях В. Потиевского. Она звучит пронзительно и явственно, не дает нам покоя: звери в беде, природа гибнет!

Помогите, люди! Помогите им. И вы спасете себя!

Валерий Ганичев

Виктор Потиевский

МАГА УВОДИТ СТАЮ

(Повесть о волках)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ВОЛЯ

1. РАСПРАВА

Вожак был зол. Злоба, жестокая, неудержимая, переполняла широкую грудь, клокотала внутри, перехватывала горло жгучими спазмами и вырывалась наружу низким, хриплым и грозным рычанием. Желтозеленые яркие глаза остекленели от гнева. Он не мигая смотрел на врага, и казалось, только краткий миг отделяет его от нападения, от стремительного прыжка, после которого противник будет смят, уничтожен, растерзан... Но от броска его удерживал огромный опыт, умение в бою не подчиняться гневу, разумно и точно выбрать момент боевой удачи.

Старый опытный Вой хорошо знал своего врага. Это был Чужак, принятый им самим в стаю две недели назад. Семья шла тогда по следу двух лосей всю ночь. На рассвете волкам удалось настигнуть сохатых и окружить молодого быка. Несмотря на свою молодость, сильный и смелый лось упорно оборонялся, не подпуская волков, не давая им зайти сзади, все время угрожал смертоносными передними копытами. И в тот самый момент, когда матерая волчица в очередной раз отскочила от быка, увертываясь от удара, на лося из-за сугроба внезапно прыгнул незнакомый крупный волк, молниеносно рванул зубами, вырвал большой кусок мяса из ляжки. Кровь брызнула на снег, хлестнула алой струей — как сигнал, как призыв к всеобщему нападению.

Стая мгновенно кинулась на жертву... Волк-чужак не был отвергнут — он помог овладеть добычей. Три дня волки жили возле туши, пока не было съедено

все, кроме нескольких костей. Присутствие и участие в трапезах Чужака они принимали мирно и молча.

Вожак не возражал. Его стая, его семья — небольшая, состоявшая всего из пяти волков,— пополнилась еще одним сильным и опытным бойцом.

И вот теперь он, Чужак, стоял напротив — ощетинившийся, озлобленный, готовый к борьбе с ним, вожаком, подчинение которому — закон для стаи.

Остальные четверо волков настороженно ждали, что будет дальше. Это была семья Воя. Волчица, матерая, умная Мага. Много зим она была его подругой, много раз приносила ему щенков. Именно так — «Ма-а-г-х-к-г-га» — подзывал он ее к себе, когда ложился на дневку, чуть поодаль от молодых, и хотел, чтобы волчица, свернувшись клубком, как и он, улеглась в шаге от него. Негромкое, едва различимое мычание раздавалось тогда из его приоткрытой пасти, и волчица тотчас являлась на этот зов.

Она стояла ближе всех к своему повелителю и другу, внимательно, очень внимательно наблюдая за выражением его морды, за движениями: не подаст ли знака, не призовет ли?.. Но кроме внимания, настороженности и готовности в ее глазах нет-нет да и загорался огонек любопытства, интереса: сумеет ли ее Вой справиться с врагом, повергнуть его? А вдруг нет?

В семье было два переярка: самец Ва (он всегда начинал вой именно с этого четкого звука «Ва») и самка Зуа (зевая, она сладко потягивалась, широко раскрывала пасть, кольцом изгибала язык и звонко вытягивала: «Зу-а-а»). Эти крупные и сильные волки-двухлетки стали уже неплохими добытчиками для семьи. Оба переярка стояли рядом с матерью-волчицей, на полшага дальше, чем она, от вожака.

Пятым в стае был единственный молодой прибылой волк. Вернее даже — волчонок, родившийся прошедшей весной. Набрасываясь на еду, он успевал несколько раз причмокнуть, сухо и четко издавая странный звук: «Ко! Ко! Ко!» Волчонку Ко еще не исполнилось года, он был худощав и недостаточно силен, но высок и осанкой напоминал отца. Можно было надеяться, что он, единственный оставшийся в живых из последнего помета, впоследствии станет таким же могучим, как вожак-отец.

Стоило Вою подать сигнал, и стая бросилась бы

иа Чужака, ио ои ие мог этого сделать: победить, повергнуть врага должеи был ои сам.

Уже девять иочей стае не везло. Охота никак не удавалась. По приказу вожака последние трое суток волки промышляли даже днем, ио кроме мелочи — трех зайцев — иичего ие удалось добыть. Волки были очень голодны и озлоблеиы. И когда на рассвете Вой после короткого отдыха снова поднял стаю, Чужак оскалил клыки и пошел на вожака. Чужак восстал против его власти, ие подчинился... Видимо, он сам иедавно был вожаком и уже отвык подчиияться. Победа над иим была теперь уже иеобходима Вою как подтверждение своей силы и власти.

Чужак стоял, обиажив в оскале длиниые, чуть иачавшие желтеть клыки. Ои был моложе Воя, но пять или шесть трудиых зим, оставшихся позади, сделали его сильиым и опытным. Чужак хотел хоть иемиого испугать вожака перед боем, поколебать его волю, его решимость.

Одиако старый вожак был ие из тех, кого можио взять иа испуг. Многое повидал он иа своем веку, миогое пережил. Сейчас он сделал вид, будто замешкался и, словио растерявшись, повериулся вполоборота, подставив шею врагу.

Такой возможности Чужак пропустить не мог. Ненавистная и совсем иезащищенная гривастая шея была почти рядом. Достаточио рваиуть ее клыками, как хлыиет теплая кровь вожака, и сразу можио стать хозяииом стаи, пусть ие своей, не родиой, но все равно хозяином, повелителем. И разъяреиный Чужак взметнулся в броске...

Вот тогда иастороженииая стая увидела и коварство, и силу, и молниеносиость действий старого волка. Отскочив в сторону, Вой оказался сбоку от врага и тут же глубоко вонзил клыки в его загривок, ударив грудью. Из рваных, словно ножевых ран на шее противника хлынула горячая дымящаяся кровь, и он, сбитый вожаком, рухнул в сугроб.

Старый волк гордо и спокойио стоял в стороие, не поворачивая головы, одиако боковым зреиием внимательно иаблюдал, как стая быстро и жестко расправлялась с ослушииком.

Рассветиые сумерки рассеялись, первые лучи алого зимнего солнца, предвещавшего светлый и ие холодиый деиь, легли на белые сугробы. Вожак стоял слов-

ио в задумчивости, собираясь увести семью иа дневку, подальше от этих мест, которые вызывали у него тревогу.

Опять в его стае было пятеро вместе с иим. Совсем иедавио оии потеряли шестого. Это был самец-переярок. Ои погиб во время охоты. Могучий лось ударил его передней ногой в голову и убил. Он так и остался лежать на снегу с раздроблениым черепом. И снег запорошил его, закрыл белым сугробом, словно и не было иа свете этого волка никогда. А стая ушла дальше. Нет, далеко ие всегда волки рвут, уничтожают побежденного, раиеииого или убитого своего сородича. Это случается только по приказу вожака. Как наказание, как расплата за нарушение великого и единого закона стаи.

Вой все стоял, вслушиваясь в тишииу. Волки уже обступили его, ожидая приказа. Ему достаточно было повернуться в стороиу высокого старого сосняка и сделать два шага, как семья мгиовенно расположилась походным строем — матерая Мага впереди, вслед за ней Ва, Зуа и Ко, оставляя ответствеиное, главное место замыкающего в строю вожаку. Оии двинулись след в след, уверенные в безопасности своего тыла, где старый волк старательно охранял стаю.

Прошло иесколько дней. Стая уже подкормилась иа удачиой лосиной охоте и спокойио дневала в густом темиом ельиике. У самых корней кряжистого дерева, свериувшись в клубок, спала Мага, каждый ее выдох теплым паром клубился над ней, тотчас оседая белым иием иа иизкой еловой ветке. Рядом в сугробах лежали другие волки.

Внезапио все пятеро вскочили словно по комаиде — невдалеке звонко залаяла собака.

Одии только миг вожак раздумывал. Бесшумно и быстро следом за иим волки пошли на этот лай легким иаметом. За оврагом, у молодого осинника, откуда слышался лай, вожак остановился. По иаправлеиию движения собаки, по тому, как она лает, старый волк уже зиал, что пес гонит зайца. Человек, охотиик, должеи был иаходиться по другую сторону осиииика. Лай приближался, и вожак понял, что путь гоиа пройдет здесь. Он вмиг выбрал место для засады. Лег. Семья последовала за ним, поняв его замысел.

Заяц, испуганный и стремительный, несся, прижав длинные уши, и ничего не видел и не слышал вокруг, кроме этой оглушительной, неотвратимой, гавкающей смерти, преследующей его по пятам. Но волкам сейчас нужен был не заяц. Лишь оба переярка и волчонок Ко проводили беляка глазами, но не шелохнулись. Опытная Мага на зайца даже не взглянула. Она знала, что вожак ждет собаку.

Увлеченный охотой крупный ярко-рыжий гончий пес легко бежал, добросовестно облаивая зайчишку, и вдруг учуял острый, леденящий его собачью душу запах стаи. Он попытался резко остановиться, уперся всеми четырьмя лапами и, бороздя снег, заскользил. Но было поздно. Крупный старый волк уже бросился на него.

Вою случалось и раньше нападать на собак. И каждый раз к его обычной охотничьей злобе словно прибавлялось свирепое чувство мести за постоянный страх перед человеком, перед собачьим лаем, за которым всегда следует человек.

Охотник ясно, отчетливо услышал последний, хрипло-надрывный, оборвавшийся лай и понял все. Он что есть духу заскользил через осинник, стреляя на ходу вверх, чтобы напугать волков. И — напрасно. На месте волчьей засады он увидел лишь утоптанный и густо забрызганный кровью снег...

Волки уходили спокойным шагом, мерно натаптывая свой бесконечный след по лесным тропам, по снежной целине.

Они шли, разрушая девственную гладь снегов и впечатывая свои следы — однообразный и четкий рисунок волчьей бродячей жизни — как право на эти просторы, на волю, на добычу.

День был светел — от снегов, от белых стволов берез, только волки, идущие ровной цепью, казались издали черными точками.

2. НАБЕГ

Старый вожак встал. Следом один за другим поднялись остальные. Стряхивая снег, они не спеша потягивались, разминая крепкие тела.

Вой глянул мельком на родичей, мгновенно заметил все мелочи: кто куда смотрит, кто к кому ближе.

Бодры, сильны ли? Готовы ли к бою, к охоте? Приседая на задинх ногах, сладко, сонио потянулся. В мышцах ног и спины приятио защемнло, он отчетливо услышал негромкое похрустывание в старых суставах.

Большая круглая луна лежала иа вершниах дальних елей, словио иаколовшнсь иа их острия. Мелкие колючне звезды рассыпались иа черном небе. Вой, стоя иа снежиом бугорке, разглядывал яркую луну, в свете которой глаза волков поблескивали оранжевыми огонькамн. Неведомая сила, волиующая его широкую грудь, заставляла всматрнваться в огромиый таинствеиный диск, ие отрывая от него глаз ни на мгиовеиье. Вот он подобрался, закииул голову. Из его приоткрытой пасти вырвался, понесся в иочной простор мощный, звонкнй и тягучий вой, будто прорвалась через горло волка, выплеснулась в ночь вся тоска, которая иакопнлась, наболела. Озаренная луиой снежная дорога уходнла от опушки в поле и дальше — к человеческому жнлью. Волки зиалн эту дорогу н шлн по ней быстро, размеренно, без остановок.

Не часто старый вожак выводнл их на этот путь. Ои поимал, какую смертельную опасность танл в себе запах человека, его жилья. Одиако в трудиые времена, когда с голоду подводнло животы, стая становнлась иа этот тревожиый путь, полиая решнмости и осторожности. Волкн шли по обочиие саниого путн, время от времени на ходу задирая крупные головы к звездам, вслушнваясь в ночь.

В середние иочн зверн подошлн к нзбам. Вблизн человеческого жилья вннманне вожака, и без того острое, удванвалось. Напряженный, скорый на решення, готовый мгиовенно нсчезнуть, раствориться вместе с послушной стаей во мгле, ои быстро, точио н беззвучно вел волков к намеченной цели. Его особеииая, чуткая настороженность передавалась остальным. Но ннкто нз стан, даже верная Мага, ие зиал, какой велнкнй тайиый трепет испытывал старый волк перед человеком. Это чувство роднлось не сразу, далеко не сразу... Тревожиое вннмание к человеку, осторожиость в борьбе с иим за свою волчью жизнь, за волю, за добычу с течением времеин перерастали в великнй этот трепет перед его оружнем, мудростью, перед его вездесущностью и властью иад лесом и иад

полем. Может быть, из-за этого чувства вожаку удавалось сохраниться самому и сберечь семью.

Деревня лежала на холме, окруженном лесами, луна высвечивала каждый дом, тяжелой махиной чернеющий на фоне яркого, светящегося снега. Волки обошли деревню, внюхиваясь в сложные запахи людского жилья. Только в одной избе светились окна — словно огромные огненные глаза с пугающе неподвижным взглядом. Звери держались подальше от этой избы. Черные дома с погашенными огнями казались им менее опасными.

К жилью подошли с подветренной стороны, чтобы собаки не подняли панику и не оставили стаю без добычи. Вой остановился невдалеке от крайней избы, принюхиваясь и приглядываясь. Остальные замерли рядом. Только Мага, озабоченная безопасностью стаи, осталась немного в стороне, как бы охраняя семью.

Место подхода выбрали удачно — собак в крайнем дворе не оказалось. Старый Вой бывал в этой деревне и раньше, но каждый раз все равно приходилось осматривать, вынюхивать, изучать все заново: там, где в прошлый набег удалось беспрепятственно утащить овцу, сейчас могли оказаться целая свора псов и люди с оружием.

Вожак оставил стаю за околицей и быстрой тенью скользнул вдоль изб. Сонная тишина деревни дышала запахами собак, людей; пахло коровьим навозом, молоком, загадочным и тревожным внутренним теплом изб. Но вот потянуло соблазнительным овечьим духом: в ближайшем хлеву овцы! Вой остановился, подавил голодные спазмы. Внимательно следившие за вожаком волки через миг уже были рядом. По узкой тропке вдоль забора он прошел к хлеву, остальные черными тенями двигались следом, и только осторожная Мага осталась на страже.

Вой знал, что, едва учуяв волков, овцы поднимут шум. В деревне начнется паника. Действовать надо было молниеносно. Ему приходилось влезать в хлев и через крышу и подкапывать заднюю стенку, но сейчас это казалось опасным — двор был чуть ли не в середине деревни. Надо проникнуть к овцам через дверь. Далеко не всегда хлев закрывают прочными запорами.

И Вой, оттянув лапой дверь на себя, просунул в щель морду. Овцы всполошились, суматошно, истери-

чески заблеяли. Теперь только в крике о помощи и оставалась для них надежда на спасение.

Но крик этот был недолгим. Вожак просунул в щель вторую лапу, крепче уперся в землю задними ногами и что было сил надавил на дверь.

Вздулись, окаменели его мощные мускулы, огненные круги поплыли перед широко раскрытыми глазами. В горле пересохло. Натужный, короткий хрип вырвался из гортани. Вою казалось, что еще немного — и он не выдержит, отступит, так и не открыв дверь. Но тонкая проволока, скручивавшая петли, лопнула.

И в тот же миг деревня проснулась: безудержно залаяли собаки, засветились окна домов, захлопали двери. Люди выскакивали с ружьями на улицу, но не знали, куда бежать, где случилась беда. Овцы молчали...

А стая уже уходила, унося добычу.

Вой и оба переярка тащили по овце. Еще одну зарезанную овцу поднял и проволок несколько шагов волчонок Ко, но унести не смог.

Грохнули два запоздалых и бесцельных выстрела, а волки уже скрылись в лесной чаще.

Недалеко от деревни состоялась трапеза. Вожак поглощал свою добычу один. Рядом, у второй туши, расположилась Мага и волчонок Ко. За третью овцу принялись молодые самец и самка, оттащив ее чуть в сторону.

Черные тени скользили по залитому лунным светом снегу, снег поскрипывал, хрустел под ногами зверей, довольное урчание нарушало сонную тишину ночи. И только старый вожак знал, что за зло, причиненное человеку, их ждет расплата.

Разделавшись с добычей, волки ушли. Вожак долго уводил их, возвращаясь на свой след, путая и усложняя следы.

Два раза он выходил со стаей на проселочную дорогу, ведущую от деревни к городу. Ночью она была пустынной и не сулила опасных встреч, но главное — помогала затерять следы. И все-таки опытный вожак, вновь направляясь в лес, подавал стае пример, предусмотрительно мощным броском перелетая через высокую снежную бровку в кювет, откуда с дороги совсем не было видно волчьих следов. Стая строго следовала за ним.

Звери шли почти всю ночь. Только к рассвету был разрешен отдых...

И все равно, несмотря на долгий и сложный путь, Вой не был спокоен.

Для отдыха он выбрал место на низком, густо заросшем берегу лесного озера. Старый волк знал, что резким шуршащим шелестом тростник выдаст любого, кто ступит в его пределы. И стая залегла на дневку в самой середине тростниковых зарослей.

До полудня звери отдыхали. Сухие тростинки чуть слышно звенели, словно убаюкивали волчью семью, словно успокаивали своим легким шелестом, что надежно охраняют безопасность стаи. Вой дремал, выставив настороженно уши, дыхание его было ровным и глубоким.

Однако в середине дня отдых был прерван: волки вскочили, услышав крик раненого зайца. За тростником, на самой окраине лесной опушки — вожак сразу это определил,— лисица или рысь неловко цапнула длинноухого, дав ему возможность крикнуть. Звери готовы были рвануться к чужой добыче, но вожак не трогался с места, и все остальные, искоса с недоумением поглядывая на него, стояли в напряженных позах.

В другое время старый волк тоже бросился бы на крик подранка, однако сейчас он медлил.

Крик зайца повторился — резкий, раздирающий тишину, надрывный и жалобный. И тогда Вой быстро и почти бесшумно, несмотря на густые заросли, побежал вдоль берега — совсем не туда, куда стремилась стая. Не приближаясь к опушке, он вел ее, скрывая в тростниках.

Волк хотел подойти к тому месту, где кричал заяц, скрытно и проверить, какие запахи приносит ветер оттуда.

Прежде чем покинуть тростниковую защиту, Вой остановился. Мага, чуткая и настороженная, стояла рядом. Они уже чувствовали опасность, коварный подвох в этом крике. И потому дальше двинулись осторожным, крадущимся шагом.

На снежный лесной склон вожак поднимался медленно, все время тщательно нюхая ветерок, приносящий запахи. Большая голова зверя была приподнята и чуть повернута в сторону, откуда он ждал опасности. Так же внимательна была Мага. Ее тонкое чутье ничуть не уступало обонянию вожака.

И они оба одновременно уловили то, что их особенно пугало: отчетливый запах человека... Засада!

Быстрыми мощными прыжками отдохнувшая стая понеслась прочь от опасного места, не особенно выбирая дорогу. Снежная целина недолго сдерживала ее бег. Вырвавшись на ледяной простор озера, волки помчались длинными размеренными бросками — легко и неутомимо.

3. ПОСЛЕДНЯЯ НОЧЬ

Тревожный звук шагов раскатывался по лесу. Снегопад, начавшийся около полудня, скрадывал звуки, но шаги слышались ясно, отчетливо. Вой уловил их еще в состоянии дремоты. Мгновенно вскочил, отряхнулся от снега. Белые крупные хлопья, бесконечной лавиной летящие с неба, тут же снова запорошили его серую шерсть.

Шаги приближались. Вой услышал, как человек остановился на миг, снова пошел — громко, уверенно, не таясь. Вожак различил тонкий хруст ветки, сломавшейся под ногой человека. Дальнейшее промедление грозило опасностью. Вой поднял стаю.

Быстрым наметом, однако спокойно, без всякой паники волки уходили в сторону от человека. Старый волк уводил семью по самой неудобной и трудной дороге: по открытому месту, по глубокому снегу. Он знал: так безопаснее.

Много зим назад молодым переярком Вой впервые увидел человека, впервые узнал, что такое загон. Отец Воя уводил тогда семью под прикрытием деревьев и кустарников в противоположную от шумно идущего человека сторону, уводил, выискивая натоптанные тропы, чтобы быстро и легко бежать.

И когда уже казалось, что опасность позади, что человек, который долго и упорно гнал стаю, отстал, навстречу ей вдруг ударили выстрелы.

Вой видел, как уткнулся окровавленной пастью в снег вожак-отец, как, захлебываясь кровью, упала, вытянулась на снегу мать-волчица...

Одаренный от рождения находчивостью и быстрым, острым умом, Вой отполз тогда в сторону.

Он полз долго и упорно, распластавшись по промерзшей и жесткой заснеженной земле, полз, пока не затихли голоса людей и скрип снега под их ногами там, где они топтались у поверженной, уничтоженной семьи Воя. Удалось ли уйти еще кому из стаи, он не знал.

Того страшного урока было достаточно, чтобы он понял, разгадал секрет спасения во время такой охоты.

С той давней поры он уже не раз уходил сам и уводил стаю от загонщиков, выбирая самый трудный путь по открытым местам, по глубоким сугробам, где идти очень тяжело, где нельзя бежать. Он знал, что там безопасно, что засады ждут его именно в лесу, в удобных проходах, у опушек, где мало снега, на тропах.

Волки шли, с трудом пробивая глубокую снежную целину, время от времени перестраиваясь в цепочке: уставшего переднего подменял следующий. Только волчонок Ко все время оставался в середине — он не был еще так силен, как остальные.

Люди выследили стаю еще до снегопада, и когда пошел снег, поторопились с облавой, так и не окружив участок, где оставались волки, флажками. Впрочем, они все равно не остановили бы Воя: он был хорошо знаком и с этой грозной хитростью человека, умеющего использовать в своих целях даже волчью осторожность. Он не боялся кроваво-красных лоскутков и умел проводить через них стаю.

Семья уходила все дальше и дальше — вожак спас ее и на этот раз.

Когда снегопад прошел, день уже клонился к вечеру. Холодные лучи зимнего солнца, проскользнув из-за туч, коснулись дремлющей стаи. Тревожное напряжение, не покидавшее Воя даже в полусне, стало постепенно спадать. Он дремал, свернувшись клубком, и перед его мысленным взором вставали, наслаиваясь друг на друга, видения: то озаренные луной черные дома деревни, то вспышки давних выстрелов, заливавших все вокруг белым жгучим огнем, то разъяренно лающие собаки.

Подобные полусны-полувидения приходили к вожаку, когда нервы его были взвинчены, измотаны постоянными облавами, преследованием, пугающим запахом человека. В такие дни чувство опасности не покидало

его ни на миг — ни наяву, ни во сне. И тогда он уводил стаю в далекую лесную глушь, куда не забредали охотники и туристы, где человек не бывал никогда. Волки уходили две или три ночи кряду, иногда шли даже днем.

На долгое время прекращались набеги, охота на домашних животных. Семья ловила зайцев, нападала на лосей и кабанов. Случалось, что пищи не хватало и волки голодали, но вожак твердо выдерживал любые трудности и только к весне приводил стаю в родные места, чтобы у знакомых озерных берегов подготовить логово для новых щенят, для новой волчьей жизни.

Вожак еще отдыхал, но в его голове уже зрело решение: пора уходить в свои глухие угодья, спрятаться в глубине дальних чащоб лесного края. А перед уходом еще раз сделать набег на деревню — вряд ли люди ждут их повторного нападения на свой скот так скоро.

Едва сумерки длинными хмурыми тенями легли на сугробы, вожак поднял стаю и повел к деревне. Нет, в его сердце не было злобы на людей, да и голод сейчас не мучил его семью, но старый волк привык действовать неожиданно. Именно так он запутывал своих врагов, не позволяя им угадывать его действия.

К деревне подошли глубокой ночью. Луны не было, и дома выглядели совсем не так, как в прошлый раз. Теперь они словно срослись с темными снегами, словно затаились, соединенные воедино густой, непроницаемой чернотой ночи. Но волки достаточно хорошо видели и во тьме. Хотя они любили лунные ночи, но темные для набегов были надежней — темень скрывала от чужих глаз.

Оставив стаю у околицы, Вой двинулся в глубь деревни. Он чаще всего именно так начинал нападение. Но на этот раз, сделав несколько шагов, вожак замер. Жгучая тревога сжала сердце, больно кольнула под ложечкой. Шестым чувством волк уловил: деревня не спит, деревня ждет его...

Он стоял не шелохнувшись. Дома, черные и тяжкие, еще были укутаны мертвой тишиной, которая вот-вот прервется... Но вожак уже знал, что надо делать, чтобы спасти семью.

Стая была в нескольких шагах. Волки уловили

его короткое тнхое рычанне н поняли все. Замешательство, возникшее в стае, длилось мнг, н она тотчас ринулась прочь от деревнн.

Сразу же, словно по команде, зловещая тишнна раскололась выстрелом. Надрывно залаялн собакн... Семья старого Воя уходнла, но он знал, что у края леса ее может ждать засада, хнтрая человеческая засада, смертельно опасная для его родной стан. И он остался, чтобы отвлечь врагов.

Метнувшнсь к ближайшей избе, он проскользнул вдоль забора н звучно, грозно взвыл. Сразу же грохнулн два выстрела. Собаки, заливаясь злобным лаем, бросились на голос волка, за собаками спешнлн людн.

Вой знал расположение деревни н на бегу прнкннул, где можно будет выйтн к лесу. Наткнувшись на глухую стену, которой прежде не было, он рванулся в сторону, обежал двор и почти вплотную столкнулся с людьми. Волк круто повернулся. Трн человека с ружьями наперевес гналнсь за ннм. Им была очень нужна, просто необходима его волчья жизнь...

Вой помчался к двум сараям, между которымн был узкнй длнnный проход на улнцу, ведущую к лесу. Вот он уже в знакомом коридоре между чернымн высокими стенамн сараев, впередн — свобода! И вдруг опытный бесстрашный волк оцепенел. Он понял: наступнл его конец — выход нз коридора был плотно забит досками...

Вожак повернулся лицом к смертн, грозно оскалнв клыки.

«В темноте не стрелять!» — крнкнул однн нз людей.

Все трое стоялн, полностью закрывая проход, направив ружья во тьму. Волк, конечно, не понял значения слов, но голос человека словно ударил его по ушам. Он стоял, загнанный в ловушку, обманутый, все тело его трепетало от злобы и бесснлня.

Вожак знал, что стая ушла, потому что в отдалении не было слышно выстрелов, н теперь сам прнготовился встретить последнюю свою пулю.

Внезапно яркий свет ослепил зверя — его осветили фонариком.

— Стой! Не стрелять! — крикнул тот же голос.

— Это почему?

— Ну н волчище!..

— Будем брать живым.

— Здоров он больно...

— Уж не боишься ли?

— Да брось, не болтай...

— Ребята, ждать иельзя, давай сразу!

И три мужика, здоровеииых и по-крестьяиски крепких, едва успев иадеть рукавицы и выдернуть поясные ремии, одновременно быстро и решительно навалились на старого волка.

Ои отчаяиио, свирепо сопротивлялся, пытался отшвырнуть врагов, исступленно напрягал свои могучие мускулы, на миг отбросил одного, второго человека, но оии тотчас навалились снова. Вой рвал зубами все, что мог, захлебывался от иадрывиого рычания, словно проклинал людей, деревию, свою волчью неудачную судьбу.

Наконец, после долгой и упорной борьбы, его удалось связать.

Люди стояли усталые, в изодраиной одежде, окровавленные...

— А он не бешеный?! А то ведь смотри: всех нас искусал, изранил, гад.

— Здоровый. Не беспокойся. Не бешенее нас с тобой.

Сбегались люди, везде мелькали огии карманных и переиосных фонарей. И в шумной толчее два мужика тяжело несли иа плечах толстую жердь, к которой был привязан матерый волчище. Ои висел, опутаииый ремнями и веревками, измучеиный, несдавшийся, молчаливый. И только глаза его проиизительно сверкали жгучим огнем иепримиримости, иеистощимой виутренней силы, даниой ему родиым лесом, и иеиависти.

Блики фонарей метались, выхватывая из тьмы углы домов, заборы, лица людей, собак, которые рычали, гавкали, но все-таки ие решались подойти вплотиую к связанному волку... А люди спокойио несли его, разговаривая; курили, смачно посасывая сигареты; громко сплевывали на сиег. Их голоса, резкие, иенавистные, иглами впивались в мозг зверя; запах людей, табачный дым наполияли его грудь, вызывая удушье. Но он молчал, сжав могучие челюсти. Свисая вниз головой, покачиваясь в такт шагам людей, старый вожак смотрел в бездониое беззвездиое иебо, раскинувшееся иад деревией, над лесом, над бесконечными снежными дорогами. В чериое иебо последней вольной ночи. Ночи перед великими испытаниями.

4. МАТЬ-ВОЛЧИЦА

Трое суток стая не уходила от деревни. Дневали в лесу, неподалеку, выбирая для отдыха кустарники на открытых склонах и опушках, чтобы подойти к ним незаметно было невозможно.

Отлежавшись, отдохнув днем, волки всю ночь бродили вокруг деревни. Мага не подводила стаю близко к домам, но и покинуть страшное место не могла. Беспокоясь о безопасности семьи, мать-волчица пыталась пресекать даже вой. Но волки все равно выли. Первым теперь начинал волчонок Ко. Вспомнив отца-вожака, он вдруг как-то отчаянно взвывал, тонко, печально, словно плакал. Тотчас подхватывали остальные — они выли громко, протяжно, всей своей волчьей душой зазывая вожака обратно в стаю. Тут и матерая Мага, забыв об осторожности, поднимала голову к небу и присоединяла свой голос к призывному вою стаи. Но только дальний и злобный лай деревенских собак был откликом на этот зов.

На четвертый день волчица увела семью. Дальше оставаться возле деревни было опасно.

Многому научил подругу старый Вой. И хотя у нее не было его силы, его стремительности и воли, но мудростью и осторожностью она обладала.

Мага уводила стаю подальше от деревни, однако в пределах своих угодий, своего охотничьего участка. Ва был ее первым помощником. Он пытался заменить вожака и шел в походном строю замыкающим, как почти всегда ходил отец.

Две ночи волки следовали за Магой, пытаясь попутно охотиться, но серьезных удач не было, и старая волчица шла дальше, расширяя и углубляя поиск, готовя стаю к первой большой и серьезной охоте без отца-волка.

Зимний рассвет уже окрасил снега розовато-сиреневым цветом, когда волчья семья пересекла сосновый бор и вышла к опушке. Тут Мага остановилась. Подняв морду, долго и тщательно нюхала воздух, резко повернувшись к своим, издала едва слышный хриплый звук, какой всегда в таких случаях исходил от вожака.

Звери вмиг рассыпались веером и, чуть отставая от матери-волчицы, двинулись развернутой цепью, крадучись, почти совсем бесшумно огибая горбатую малоснежную опушку. Там, пониже, в кустах, у края

молодого осинника, рылись в мерзлой земле кабаны... Мага учуяла их издалека, и это позволило ей подвести стаю незаметно.

Довольно большое стадо охраняли два огромных клыкастых секача. Один из них был, несомненно, вожаком. Время от времени он поднимал густо обросшую бурой щетиной голову, прислушивался, нюхал воздух... Не обнаружив опасности, снова устремлял рыло в землю, негромко похрюкивая.

Движением головы Мага подала сигнал, и проворный Ва скользнул по склону, прополз через узкую лощину к осиннику и залег сбоку от стада. Остальные волки притаились с другой стороны.

Особенно беспокоил стаю секач-вожак. А он тем временем старательно поддевал клыками мерзлую землю. Она не поддавалась, твердая, будто окаменевшая; кабан раздраженно всхрюкивал, нажимал, оледенелый грунт лопался, и зверь смачно, с удовольствием, причмокивая и похрустывая, жевал добытый с трудом кусок корня.

Но вот вожак кабаньего табуна, как видно старый и опытный, вновь подняв клыкастую морду, насторожился. Он озирался, видимо уловив первые признаки тревожного запаха.

Маленькие глаза смотрели исподлобья внимательно и зло. Зверь нервно подергивал своим чувствительным пятачком, шумно втягивая воздух...

Ва понял: секач сейчас поднимет тревогу и табун бросится прочь. Нельзя терять ни мгновения, необходимо объявиться первому, испугать стадо и направить его бег туда, где притаилась Мага, Зуа и Ко.

До кабана было несколько прыжков, сбоку от него, ближе к переярку, кормилась молодая свинья. Ее-то и выбрал волк для нападения. Быстрый и сильный молодой зверь кинулся на свинью. То ли она шарахнулась в сторону, то ли сам секач заслонил ее — так или иначе, вожак кабаньего табуна оказался напротив волка. Густая седая щетина на крутой кабаньей холке стояла дыбом. Длинные кривые клыки уже были нацелены на врага.

Двухлетний Ва впервые столкнулся нос к носу с секачом, мгновенная заминка едва не стоила ему жизни. Однако в последний момент ловкий Ва стремительно вильнул в сторону, и тяжелое живое бревно, вооруженное страшными клыками, пронеслось мимо.

Табун убегал, гулко топоча по тропе, тревожно хрюкая... Секач бросился вслед за своим стадом, услышав кабаний визг где-то впереди. Это выскочившие из засады волки овладевали своей добычей. Ва сделал свое дело! А догонять секача — хлопотно и опасно: переярок уже узнал силу и неустрашимость этого могучего лесного зверя. И он поспешил туда, где началось пиршество. На снегу лежали две свиные туши. Быстрым и неожиданным оказалось нападение волков на убегающий табун, да и вожака-секача отвлекли вовремя... Это была первая удачная охота после потери отца-волка.

Прошло две недели. Зима бушевала певучими метелями. Минувшей ночью намело особенно много снега, и волкам приходилось протаптывать новые тропы с подветренной стороны крутых сугробов.

Стая выискивала место дневки. Волки вышли на заснеженный лед озера. Поземка кружилась, плоскими свистящими кольцами металась по белой озерной глади. На этом, замерзшем теперь, большом лесном водоеме летом звери иногда ловили ондатр или норок, а весной даже случалось выхватить у берега щуку во время нереста... Как неуютно было здесь зимой! Как манил защищавший от ветра лес, пропахший мерзлой хвоей, пронизанный мягким молочно-белым светом! Скорее туда — к месту отдыха. Но заспешившая стая не успела далеко отойти от берега. Вслед ей большими прыжками несся и вскоре догнал крупный сильный волк. Издалека Маге показалось, что бежит Вой, и потому семья сразу остановилась, сбившись в ожидании в кучу. Вскоре волки разглядели, что пришелец был меньше Воя, да и бежал он иначе: голову на ходу держал чуть выше, чем вожак, и прыжки его не были такими плавными, как у старого волка.

Мага была спокойна, и стая принюхивалась к чужому, не проявляя враждебности. Мать-волчица внимательно изучала гостя. Хотя самец имел за спиной всего четыре зимы, но это был уже многоопытный, хорошо знающий лесную жизнь волк. И он мог стать для Маги, вовсе не собиравшейся отдавать власть над стаей кому бы то ни было, более надежным помощником, чем переярок Ва.

Пришлый сразу понял, кто руководит этой не-

большой стаей, и проявил к Маге знаки уважения и внимания: не стал, как это принято по отношению к самкам, обнюхивать ее, а, подойдя к волчице, доверчиво повернулся боком, подставил беззащитную шею, признавая главенство Маги, ее власть.

Пока Пришлый знакомился с остальными, Мага присматривалась к нему. Он независимо, но дружелюбно, чтобы не создавать конфликта, обнюхал настороженного Ва; виляя хвостом, потыкался носом в шерсть стройной Зуа; по-отечески снисходительно оглядел волчонка и спокойно встал в стороне, высокий, красивый, выжидающе глядя на волчицу-хозяйку. Да, он был не так уж прост, этот Пришлый.

Волки еще немного потоптались и двинулись вслед за Магой.

Приближался февраль — время гона, время любви. Может быть, Пришлый потерял подругу или даже целую стаю? Может, он был волком-одиночкой еще с лета и ему опостылело одиночество? Волчицу ли он искал себе или вообще хотел жить в стае? Так или иначе, но он умно, осторожно входил в чужую семью.

Волки продолжали путь, и последним, замыкающим, теперь был Пришлый. Его уже приняли в стаю. Пока он еще не стал вожаком, он был только главным помощником хозяйки стаи, матери-волчицы, но уже занял в строю место отца-вожака. Идущий предпоследним Ва не оглядывался на Пришлого, не проявлял агрессивности, но был насторожен. Чужой и незнакомый волк на месте отца, воспитывавшего Ва со щенячьего возраста, раздражал своенравного переярка, вызывая в нем устойчивое недоброжелательство, проявить которое он не решался — боялся ослушаться мать-волчицу и видел несомненное преимущество в силе Пришлого.

Теперь в семье снова было пятеро, и Мага обрела бо́льшую уверенность: стая может рассчитывать на удачу в охоте, на более сытую и безопасную жизнь.

5. ПЛЕН

Было тихо и темно. Вокруг царил ядовитый, ненавистный запах человека, его жилья. Вой лежал связанный, его даже не отвязали от жерди — так и бросили в сенях на пол.

С тех пор, как его скрутили в том роковом простенке между сараями, прошло совсем немного времени. Была еще середина ночи. Вой отчетливо слышал, как за деревней выла его стая, упорно не уходя, посылая звучный, надрывный зов своему вожаку. Он хорошо различал каждый голос: его семья уцелела, ей удалось уйти!

До утра он пролежал на деревянном полу, слушая далекие голоса волков своей стаи. Преданность семьи вселяла в него новые силы, уверенность в себе, бесстрашие перед будущим.

Незадолго до рассвета пришли люди. Они обступили волка, снова осветили его фонарями. Он пытался оскалиться, но и этого не смог — только зарычал и чуть приподнял верхнюю губу — голова его была крепко связана... Два мужика подняли жердь, к которой был привязан старый вожак, и понесли его во двор, к машине.

— Ты положил сено в кузов?

— Ничего, обойдется. Не ангела везем, а волка.

— Нет, не обойдется. Я должен привезти его живым и здоровым.

Волк слушал людскую речь. Чуждые, отрывистые звуки терзали его слух, были по-прежнему ненавистны и мучительны.

Несколько часов старого Воя везли в тряском грузовике. Он лежал на мягком сене, вдыхая знакомый запах сухой травы, забивавший едкий дух машины. И это давало возможность дышать, не захлебываясь гарью и смрадом грузовика.

Около полудня приехали в город. Воя снова подняли и понесли. Он озлобленно рычал, хотя уже знал, что такое передвижение неприятно, но не опасно.

Волка внесли в сарай, где было светло, но не так, как на улице, чуть темнее. Положили. Наклонившись, люди подергали его путы и сразу быстро вышли из сарая. Натяжение веревок заметно ослабло, волк почувствовал, что они уже не сдавливают его тело. Какое-то время он лежал, прислушиваясь, потом шевельнулся — ничто не сдерживало движений. Зверь быстро встал — веревки упали, они были перерезаны...

Бесшумно и быстро старый вожак обследовал сарай: в прочных стенах щелей, даже малых, он не нашел. Одну из стен заменяла тонкая стальная сетка.

Зверь захватил зубами три соседиих проволочиых ячеи, иапрягся, ио сомкнуть челюсти ие смог. Сетка оказалась достаточно прочной. Он не отступал, сиова и сиова пытаясь порвать, перекуснть, раздвннуть проволоку.

Вскоре ои поиял, что грызть сетку бесполезио, ио все равно грыз ее — от бессннля, от нетерпення, от ненавистн. В это время и послышалнсь шагн человека. Вожак метиулся в дальннй угол, замер, ощетннившись.

Человек молча подошел к сетке, наклоиился. Волк рычал, скалясь в своем углу, ждал, что будет дальше. Человек открыл малеиькое окошечко в самом иизу н продвииул мнску с едой и еще одиу — с водой. Вой был голоден, хотел пнть, ио пнщу и воду не тронул.

Человек прншел только иа другой день. При его появлеинн зверь сиова оскалнлся и злобно зарычал. Пнща н вода оставалнсь иетронутымн. Можно лн есть нз рук человека?! Ведь это опасно! Вожак ие поннмал: зачем он здесь? Ему казалось, что его должны были убнть. Почему же не сделалн этого сразу?

Три дня волк не подходнл к еде и пнтью. Вечером на третий деиь, уткиувшнсь мордой в мнску, ие нюхая, не прнглядываясь, одним духом выпил воду. Тут же отошел в сторону. У него было такое ощущенне, словно он проглотил что-то опасное, ядовитое. Но вода была водой — он утолил жажду.

Старый вожак, нсходнвшнй тысячи вольных дорог, увереино воднвшнй стаю, властнтель, учнтель, прнмер для подражания молодым, теперь целымн днямн лежал, смотрел на пустой угол двора, куда выходнл его вольер. Он вндел иебольшой край дома, голый куст незнакомого растення и заснеженную землю. Даже следов, кроме человеческих, не было — он хорошо разлнчал это издалека. Сарай иемиого напомннал ему большую пещеру. Только выхода нз нее не было.

Вой смотрел иа двор, а перед его взором стояли леса, заснеженные в эту пору, долгие, озаренные луной тропы. И стая. Родная, последняя его стая. В прошлом случалось, что семья Воя разрасталась, в ией бывало и по десять и по одниадцать волков. Теперь многие нз инх сами давно уже стали матерыми, у ннх были свои стаи, свон щенки, свон переяркн.

Многие погибли. И только верная Мага постоянно была рядом. А сейчас и ее не стало...

Человек появился опять — он приходил раз в день,— волк, как и раньше, злобно встретил его. Человек палкой с крючком вытащил миску из-под воды, налил свежей и снова продвинул на место. В другой посудине появилась еда — и не какая-нибудь: миска до краев была заполнена кусками свежей лосятины! Не покидая своего угла, Вой видел это мясо, но его, даже голодного, не привлекала никакая еда.

На следующий день, увидев нетронутую пищу, человек впустил в вольер кролика. Но и кролика волк не тронул.

На пятый день на рассвете у вольера появились люди. Дверь в вольер, все эти дни прочно закрытая, распахнулась, и Вой увидел поставленную к ней впритык клетку. Длинной палкой люди понуждали его покинуть свой угол. Вначале Вой огрызался, пытался вырвать палку, но вскоре понял, что его не оставят в покое. Под одобрительные возгласы он перешел в клетку. Вечером ее погрузили в вагон, и вот уже Вой ехал в громыхающем поезде, удаляясь от родных мест все далее и далее.

Именно в поезде на одной из ночных стоянок при свете, едва проникающем в щели закрытого багажного вагона, волк, почувствовав страшный, неодолимый голод, нашел миску с лосятиной и мигом проглотил все мясо.

Утром, едва поезд остановился, двери вагона открыли и стали выгружать клетку. Вой вновь увидел человека, который приходил к вольеру, приносил ему мясо, воду и кролика.

Потом клетку с волком долго, почти полдня, везли в закрытой грузовой машине. Длительная дорога измотала вожака. От резких едких запахов его тошнило, кружилась голова, отвратительный удушливый комок подкатывался к горлу. Особенно донимала зверя тряска. Он лежал на полу клетки, как мертвый, расслабленно вытянувшись и закрыв глаза. Но вот наконец грузовик въехал в какие-то ворота и остановился.

Клетку сняли с машины, и волк долго отлеживался, успокаиваясь и присматриваясь к новой обстановке. Место, куда его привезли, было тихим, спокойным. Лишь заснеженные березы негромко шумели на ветру

тонкими ветками, напоминая Вою о далеких лесах, о вольной жизни.

Вольер с небольшой будкой в углу, где жил теперь Вой, стоял в стороне от дорожки, которая вела к другим зверям. Об их близости Вой знал по долетавшим до него звукам и запахам. Но соседство зверей-невольников не радовало его. Наскоро проглотив мясо и выпив воду, что приносил человек, доставивший его сюда, и показав человеку (в который раз!) желтые страшные клыки, Вой прятался в будку и дремал в ней. Он теперь не тратил напрасно силы на единоборство с железной решеткой, хотя тоска о воле не оставляла его ни на один миг. Временами он не выдерживал своего заточения и начинал отчаянно метаться по вольеру, бросаясь к решетке и обратно, пока не сваливался в полном изнеможении.

Однажды в солнечный день, когда лежавшего возле будки Воя ласкали слабым теплом лучи неяркого зимнего солнца, у решетки вольера появились люди. Вожак не бросился в укрытие, не позволил себе на глазах у людей убегать от них. Он только вскочил, приоткрыл пасть и зарычал. Он знал, что они не войдут в клетку, не нападут на него, но все равно не мог быть спокойным рядом с людьми. Волк стоял, пронзая их неотрывным ненавидящим взглядом, и ярость клокотала в его горле. Рычание зверя, глубинное, исполненное сурового мощного напора, встревожило людей.

— Ну и зверюга...

— Да...

— Что — «да»? Что ж ты мне привез?

— Привез хорошего волка. Разве сам не видишь?

— Да это же дичь таежная! Как я с ним работать буду! Он ведь сожрет меня вместе с ассистентами и оператором!

— Тебя сожрешь... Даже он подавится.

— Ну, ну!

— Да нет, я к тому, что... В общем — снимать его можно.

— Я же просил тебя: дре-сси-ро-ван-но-го!

— А где я тебе возьму дрессированного? Да еще крупного, выразительного! Так ведь ты говорил?

— Говорил...

— Вот я и привез тебе уникальный экземпляр...

— Да, хорош зверь! Огромен. Свиреп. И в глазах

что-то такое, что даже холодок по спине пробегает. Ненавидит он нас.

— А за что ему нас любить? За мясо, которое я ему даю? Так он и в лесу не голодал.

— Уж конечно...

— Вожак!

— Старый... черт!

— Да не очень. Но и не молод. Как раз тебе для самых эффектных кадров.

— Пожалуй. Но снимать придется в клетке. Иначе — как же... Этот, я думаю, на контакт, на элементарное даже послушание не пойдет. Нечего и время зря терять. Такие не приручаются.

— Это точно.

— Посмотри, какие глаза... И не умолкая рычит, кипит весь. Давно его поймали?

— Недели две.

— Две недели? Ну и ну... А оскалился, будто поймали сегодня.

— С первой минуты так. Ничуть не отмяк.

— Жди. Уж он отмякнет... Но красив — слов нет!

— Потому и привезли.

— Да, я понимаю. Спасибо тебе за этого злодея...

Люди ушли, а старый вожак долго не мог успокоиться. Он чувствовал, что они говорили о нем. И не только потому, что стояли рядом и все время глядели на него. Они реагировали на его рычание, на его взгляд, и он замечал это. Волка раздражала, приводила в бешенство та бесцеремонность, с которой люди приближались к нему, рассматривали его. И он ходил по клетке — быстро, нервно, то и дело поглядывая вслед ушедшим людям. Он был непримирим. В этом человек не ошибся. Зверь все время, каждый миг своего заточения, ждал возможности для побега. Он был полон неудержимого стремления вырваться из ненавистного плена и мчаться, лететь туда, где охотится в снежных лесах его стая, его семья, его братья-волки.

6. ПРИШЛЫЙ И ПЕРЕЯРОК ВА

Красное зимнее солнце последними лучами озарило вершины сосен и увязло где-то за горизонтом в дальних синих сугробах.

Мага уже не спала, но, продолжая в полудреме отдыхать, дожидалась близких сумерек. Наступала

пора охоты. Темые теии заползали в лощины и овраги, тесиились у стволов деревьев, будто старались скрыть от волков долгождаииую добычу.

Мага чувствовала себя тревожио. Казалось бы, для этого не было причии: люди давно не преследовали стаю, удача часто сопутствовала волкам в охоте. Но волчицу беспокоили отношения в самой стае. Фактически вожаком была Мага. Одиако Пришлый во время общей охоты все чаще перехватывал у иее иициативу и в какие-то момеиты полиостью управлял стаей. Мага прииимала это спокойио. Оиа поиимала, что рано или поздио ои стаиет полиовластиым вожаком, как и положеио взрослому и сильиому самцу-волку. Ее беспокоило другое: отиошеиие к Пришлому переярка Ва. Молодой волк явио иедолюбливал иового вожака. И хотя подчинялся, как и все, ио в его подчинении сквозило раздражеиие.

Переярок не мог не видеть, как иеожидаиио иаходил Пришлый точный ход в тактике охоты, стремительио действовал, четко подавал сигиал стае. Не подчиниться — зиачит погубить охоту, оставить стаю без добычи.

Но молодой волк постояино следил за Пришлым, иаходился вблизи от иего, словио ждал команды матери-волчицы, чтобы иапасть иа Пришлого. Это ей ие иравилось. Не то чтобы Мага боялась за иового вожака — оиа ие могла допустить в семье раздора. Ведь из-за потери осторожности, из-за иесобраииости и разобщеииости стаи люди могут вмиг уничтожить всех...

Сумерки еще ие иаступили, а обеспокоеииая волчица уже поднялась. Тотчас встали и остальиые. Вскоре волки уже были готовы к охоте. Стаю, как всегда в последнее время, возглавляли Мага и Пришлый.

Первым иа след лося иапал иовый вожак. Ои едва слышно заурчал, подзывая мать-волчицу. Обиюхав четко отпечатавшиеся следы крупных лосиных копыт, Мага тут же свериула в сторону. Без очеиь опытиого вожака нечего было и думать о преследоваиии этого могучего и свирепого быка-одиночки. Волчица сразу узнала, что здесь прошел Большой Уг. Когда-то, еще при Вое, стая ие смогла одолеть его даже с помощью ловко задуманной засады. Лось ушел, убив при этом сильиого и смелого самца-переярка.

Волчица-мать двинулась дальше. Пришлый пытал-

ся задержать ее, еще и еще раз подзывая к лосниому следу, но когда понял, что бесполезио, побежал догонять стаю.

Раздался короткнй резкнй крик зайца. Ои сразу же оборвался. Это Зуа, подняв косого с лежки, быстро и удачио перехватнла его. Рядом был Ва, онн мгновеиио разделались с беляком. Волкн расширялн поиск — отходя в стороиу, сиова возвращалнсь на след стаи, старались не упускать из вниду Прншлого: он уже показал себя хорошим охотиником. Вскоре мать-волчница обиаружила иовые лосиные следы и, следуя за ними, длииными прыжками спустилась вместе со стаей с холма. Выйдя иа лосиную тропу, поиеслась по ней, увлекая за собой семью.

За оврагом тропа вновь подиималась иа холм, н тут Пришлый, бегущий последиим, виезапно отделился от остальиых и стал огибать холм по сиежиой целине.

Мага поняла н оценила его маиевр. Ои догадался свериуть иаперерез лосям.

Когда волки вышли иа вершииу холма, они увидели молодого лося-бычка, которого уже гнал иавстречу стае Пришлый. Ему удалось отбить лосенка от стада, и ои гиал свою жертву увереиио и неотступно.

Дальиейшее произошло очеиь быстро — лосю ие прншлось долго сопротнвляться...

Звери жадио кормилнсь, отрывая кускн от добычи. И так уж получилось, что у одного большого куска мяса оказались Пришлый н Ва. Едва быстрый Ва воизил крепкне молодые зубы в добычу, как Прншлый строго, как подобает вожаку, зарычал н снльно рваиул кусок к себе — вожак должеи есть один!

Переярок поиял это действие как вызов и тотчас вызов прннял. Отступнв иа шаг в стороиу, подражая отцу — старому Вою, чуть присел иа заднне лапы, пригнул книзу голову, оскалнлся н зарычал.

Осторожный и хнтрый Прншлый вынуждеи был тоже прнготовиться к бою. Не осталась безучастной н Зуа. Спокойио, не рыча н не скалясь, оиа проскользиула между двумя березамн, отделявшнми ее от ссорящихся, и встала рядом с переярком Ва. Он был ее братом и ровесинком, давннм товарнщем по охоте, и оиа ясио заявила, что вступает в бой иа его стороие. Дело прнннмало опасный оборот. Но Мага была иа страже. Быстрый прыжок волчнцы — н Ва, едва не сбитый ею, отскочил в стороиу и замолчал. Ои ие смел

ослушаться волчицы-матери. Его верная подруга Зуа, делая вид, что ищет что-то в снегу, отошла в сторону. Когда-то так же сурово и решительно пресекал ссоры отец-волк.

Внимательно, с острым интересом смотрел волчонок Ко на все происходящее. Он познавал жизнь, познавал отношения внутри стаи, познавал своих собратьев и себя. Смотрел, запоминал, учился.

Ссора была прекращена, все как будто бы успокоились, но недовольство внутри стаи оставалось. И любой повод, любая самая малая искра могли вызвать новый пожар вражды. Мудрая Мага понимала это.

— Карл!

Звери подняли головы. Это был знакомый всем в округе старый ворон. Он давно присмотрел лакомый кусок, спрятанный в снег одним из волков, и с нетерпением ждал, когда насытившаяся стая покинет место трапезы. Но волки задерживались — они затеяли ссору.

— Карл! — сказал он еще раз раздраженно, напоминая серым бродягам, что их ждет дорога (а его — мясо!).

После потери старого вожака семья близко к жилью человека не подходила. Нападения на домашних животных были прекращены совсем. Волчица выбирала для охоты и отдыха места удаленные, глухие, труднопроходимые для человека и даже для волка. Потому и оставили люди стаю в покое.

Но сегодня, после двух переходов вслед за лосями, волки вновь оказались невдалеке от людского жилья. По многим признакам было ясно, что деревня недалеко: временами стая улавливала запах дыма, несколько раз пересекла натоптанную человеком тропу.

Но вот Мага встала как вкопанная. Одновременно остановились все. За бугром, совсем рядом с волками раздавалась отчетливая человеческая речь... Голоса приближались. Волчица поняла, что люди идут по петляющей между деревьями тропе. Она еще стояла какое-то мгновенье перед тем, как броситься прочь от этих пугающих звуков. И тут на бугре неожиданно появились люди.

Только миг волчица смотрела на них. И за этот миг поняла, что это детеныши человека, они безопасны, у

них нет ружей, они не собираются нападать на волков. Но у них был тот же пугающий человеческий запах, волки уже уловили его и — по железному закону стаи — рииулись в глубь леса.

И Мага, и Пришлый, и молодые волки привыкли избегать человека, уходить при виде его, ие теряя ии мига, без раздумий и колебаний. Это правило осторожности было основиым условием сохранения жизни.

Длинными мощными прыжками перелетая сугробы, мать-волчица уводила стаю. После утраты Воя она была особенио осторожиой.

Две девочки, которые, весело разговаривая, шли из деревни в деревию по знакомой лесной тропе, тоже увидели замерших иа мгиовеиие зверей и тоже встали как вкопанные. Испугались. Вериее — даже не успели толком испугаться, как стая стремительно сорвалась с места.

— Волки...

— Ой!.. А оии нас не съедят?..— зубы у ребенка стучали.

— Да убегают они! Разве не видишь? — успокоила вторая девочка, бледиая от испуга (она была постарше).

— Вижу...

— И вообще,— тоном учительницы добавила старшая,— волков ие надо бояться. Мой дедушка говорит, что он не знает ни одного случая за всю свою жизнь, чтобы волки иапали у нас на человека.

— Разве твой дедушка зиает про все на свете?

— Может, и не про все, но про нашу деревню и про наши леса знает. Ведь он здесь самый старый. Про него говорят: «старожил».

Потеряв волков из виду, девочки пошли дальше. Они говорили о разиом, ио в их детской памяти осталась яркая картина: настороженно замершие среди сугробов волки, только одно мгиовение во все глаза смотревшие иа иих...

Встреча с людьми напомнила волкам об общей опасиости. Эти умные звери, тонко чувствующие обстаиовку, умеющие действовать не по привычке, ие по шаблону, а исходя из обстоятельств — смело, разумно, подчас неожиданно, вновь, пусть на время, сплотились в единую семью.

7. АРЕНА

Ясным зимним утром, когда старый волк лежал в шаге от сетки, наслаждаясь теплом солнечных лучей, произошло событие, наполнившее новыми сильными впечатлениями его истомленное неволей звериное сердце.

Сначала к сетке подошли люди и, разговаривая, разглядывали его. Вой сразу же поднялся и ушел в будку. Он уже не рычал при появлении человека, он устал бесполезно рычать и скалиться, убедившись, что люди по ту сторону сетки не боятся его рыка. Он стал молчалив и еще более угрюм.

Потом к вольеру приставили щиты, образовавшие узкий коридор с высокими стенами, и открыли зверю выход в него. По будке постучали палкой, выпроваживая волка вон. Возбужденный и раздраженный, со вздыбленной на загривке шерстью, Вой выскочил из будки и рванулся в отворенную из вольера дверь...

В несколько прыжков он проскочил длинный коридор и оказался на небольшой арене, огороженной такой же высокой стеной, как и коридор. Снег здесь был истоптан, пахло людьми, собаками, лошадьми и машинами. Вой быстро обежал площадку вдоль ограды. За все время заточения он впервые ощутил какое-то подобие свободы. И это возбудило его, вызвало желание двигаться, действовать, бороться за свое освобождение.

Старый волк, чуткий и внимательный, вдруг заметил, что сверху, над самой его головой, нависла площадка, на которой стояли двое людей. Площадка с людьми была поднята машиной. Ее неприятный гул слышался из-за забора. Он сразу вспомнил тот страшный день, когда уходил от стрелявшего по нему вертолета. Воя тогда спас не быстрый бег — он понял, что от этой летающей машины не убежать, от нее можно только спрятаться. И он устремился в очень густой можжевеловый кустарник и затаился в нем.

Площадка с людьми, поднятая киносъемочным краном, сразу напомнила волку вертолет, но здесь не было того оглушительного грохота да и выстрелов не слышалось. Зверь понимал свою беззащитность. Тем не менее он оскалился, зарычал и отбежал подальше, прижался к стене. Люди на площадке не только не последовали за ним, они даже переместились немного

в сторону. Это успокоило зверя. Но тут внезапно в заборе открылась дверь, и на арену втолкнули трех собак. Крупные серые лайки западно-сибирской породы при виде волка мгновенно ощетннилнсь, злобно залаялн. Увидев, что здесь, внутри ограждения, нет людей, нет их надежной поддержки и защнты, тотчас сбились в кучу подальше от зверя.

Старый вожак спокойно стоял в стороне, настороженно наблюдая за людьми наверху н искоса поглядывая на собак. Лайкн были ему совсем не страшны. Но людям, очевндно, нужна была драка между собакамн и волком, и они втолкнули еще двух лаек...

Собаки осмелели и, развернувшись фронтом, стали с яростным лаем приближаться к зверю, осторожно, медленно наступая на него. Сейчас их было пятеро — целая стая, а волк стоял на голой площадке однн-одинешенек.

Но старый Вой оставался совершенно спокоен.

Ни люди, нн нх крепкие и хорошо обученные собакн не знали, что за волк был перед ними. Они виделн, что он более чем вдвое крупнее каждой из лаек, однако это было далеко не самым главным его достоинством н преимуществом.

Псы осторожно приближались, захлебываясь надрывным лаем, с каждым шагом распаляясь все больше н больше.

Старый вожак все еще выжидал, понимая, что за стеной-забором полным-полно людей, что он, как и прежде, в плену н нападать на собак — значит навредить себе. Но спокойствие покидало его. В нем уже начинала бурлить острая злоба на этих наглых, шумных н трусоватых зверей, так преданных человеку. Он не мог нападать на ннх, но и не обороняться тоже не мог. И он ждал момента, чтобы достойно отразить нападение.

Люди на площадке откровенно восхищалнсь могучим лесным зверем — выдержанным, бесстрашным, умным. Вой услышал, как у ннх наверху что-то защелкало, заметнл краем глаза, что площадка, однако, не перемещается, находнтся там же, где и была. Это оператор уже снимал уннкальные кадры...

Негромкое стрекотание камеры ободрило собак и еще более обозлнло волка. Он, продолжая оставаться внешне спокойным, не удержался и переступил на ме-

сте передними ногами. Тотчас две собаки из пяти стремительно отпрыгнули назад. Псы были в трех шагах от него...

И вот настал момент, когда самый злобный, самый смелый из них рванулся к волку, чтобы вцепиться ему в загривок...

Старый Вой знал, что за первым сразу же кинутся остальные, он ждал этого момента и готовился к нему. Волк был не только сильнее и умнее собак, его движения были быстрее, стремительней чуть ли не вдвое... Едва пес метнулся к нему, как волк перехватил собаку в прыжке, вскинул над собой, резко встряхнул и, бросив, отпрыгнул далеко в сторону.

Пес рухнул с переломанным хребтом, распластался на снегу, предсмертно хрипя...

Будто незримая сила отбросила собак. Они еще лаяли, но в их лае уже слышались испуг и растерянность, они звали человека на помощь. А старый волк и не собирался на них нападать. Убийство пса было вынужденным: Вой должен был показать и людям, и своре свою силу, свое умение постоять за себя.

— Стоп! Всё! Великолепно! — сказал человек сверху.— Уберите собак! На сегодня — всё!

Волк с опаской косился на людей, не ожидая от них ничего хорошего. Но вот снова открылась дверь в заборе, и собаки как ошалелые кинулись прочь с арены. Одновременно открылся проход в коридор, по которому он пришел сюда. Вожаку не хотелось идти обратно в клетку, но здесь оставаться было опасно, и он неторопливо усталым шагом проследовал в свой вольер.

Когда старый волк улегся на полу, привычно свернувшись клубком, покой и сон долго не приходили к нему.

А рядом, в ста шагах от Воя, в небольшом домике, сидя за чашкой кофе, люди решали судьбу зверя.

— Ну и работка сегодня была! У меня такое ощущение, будто волк этот все понимает и просто не хочет перед нами раскрываться. Потому и на собак — ноль внимания. Раз ахнул, чтоб знали свое место, и снова — молчок.

— А наш-то лопух, твой «пожарник», куда смотрел? Стоял с брандспойтом и спал, что ли?

— Да не спал... Слишком уж быстро волк все это сделал...

— Быстро, быстро! А мы должны еще быстрей. Собаку не уберeглн! Ну, теперь иам будет...

— Да. Это уж точно. А волк, пожалуй, н вправду все понимает. А?

— Может, так... А может, н не так...

— Ты — режнссер, ты и должен знать.

— А я не знаю... И никто, скорее всего, достоверно ие знает. Ну, а как кадры?

— По-моему, должно быть здорово! Из проявки выйдет, я позвоию, сразу и посмотрим. Что ты дальше-то с ннм будешь делать?

— А дальше вот что: завтра мы его выпускаем.

— Как?

— А вот так.

— Непонятно.

— Надо отсиять момеит стремительного бега зверя. Мне иужен его бег! А в условнях неволн, на ареие, это невозможно. Ты же сам говорнщь, что этот тнп иам навстречу ие пойдет. Прндется нам пойти ему навстречу.

— Ну и как ты это мыслншь?

— Завтра с утра, если будет погода (а если ие будет, то послезавтра), ты берешь второго оператора, ассистентов, ставите в разных местах трн камеры — я покажу где,— н, когда я дам комаиду его выпустнть, сннмаете сразу тремя камерами. Потом смоитнруем. Возьмите трансфокаторы. Надо быть готовымн достать его в любой момент. Если он рваиется на волю, этнм кадрам цены не будет. Удивнтельный, уникальный зверь!

— Но ведь тогда его ие поймать!

— Конечно.

— Прндется за воротамн поставить стрелков с ружьямн.

— Нет. Я работаю честио. Если ему воля, значит — воля. И потом, кто тебе сказал, что здесь можно стрелять? Здесь хоть и пригород, ио еще не лес.

— Лес ведь рядом!

— И рядом лес — не лес, а зелеиая зоиа, там тоже стрелять н с ружьем ходнть нельзя.

— Так сбежит ведь!

— Ну и пусть сбежнт! Ои свое иам отработал и завтра последнее отработает. А гонорара мы ему ие платнм. И вообще, чего ты ерепеиишься, что это, тигр, что лн? Если б ои был первым волком, выпускаемым

в лес, я бы задумался. А то их там и без него хватает. Пусть будет одиим больше. Разве он не заслужил хотя бы за сегодняшние съемки? Шучу, коиечио. Просто мне нужеи его бег. Не моитаж иа соплях, а иастоящий могучнй, выразительный бег крупиого волка-вожака. Понял?

— Поиял.

— Вот н действуй.

— Ох, смотри, комаидир, достается тебе. Отвечать придется за этого волка.

— Да поиимаю я! Что ж поделаешь? Работа такая.

— Ты мне должен молоко выписать. Я снимаю фильм во вредных условиях.

— Фильм снимаю я. А ты только иажимаешь на кнопку кииокамеры,— засмеялся режиссер.— Поэтому довольствуйся пока кофе.

— Знаешь, стариаа, ты, коиечио, в зверях разбираешься лучше, чем я, ио не иравится мне эта затея. Плохо это может кончнться... Прислушайся к доброму совету.

— А ты, дружнще, лучше берегн здоровье и думай за себя, а ие за меия. Пей кофе.

На этот раз старому вожаку повезло. Ему не пришлось лишиий деиь дождаться съемок: погода выдалась тихая, солнечная.

Пришел человек, убрал посуднну нз-под еды, прниес миску с водой и оставнл дверь в клетку приоткрытой. Вой насторожился.

Находясь в плену, зверь каждое мгиовение ждал беды, подвоха, а может быть, и гибелн. Поэтому, увндев незапертую дверь, не броснлся вои из клетки, ие рваиулся иа свободу, такую желаииую н как будто бы близкую. Нет ли ловушки за этой дверью? Ои пртанлся у входа, прннюхнваясь н прнслушиваясь. Все было спокойио.

Быстро выскользнув из клетки, вожак прижался к стене и сиова замер, осматриваясь. Его как будто не вндели. Ои быстро, крадучись, двииулся вдоль стены, прошел мимо двух других клеток, в которых зверей не было.

Дальше вдоль стены ндтн было нельзя: она поворачивала под прямым углом в глубь двора, а его путь лежал к воротам, через толстые железиые прутья которых он видел вдалеке деревья. Чуткнм ухом зверь

уже слышал, как там, в отдалении, шумит под слабым ветром дорогой его сердцу лес.

Волк решительно шагнул из-под прикрытия стены и пошел к воротам. Сделав два-три шага, вдруг рванулся, вкладывая в рывок все силы, все свое безудержное стремление к свободе...

Три кинокамеры, из разных углов двора нацеленные на него, работали, запечатлевая на пленку стремительный бег вольнолюбивого лесного зверя. Он уже почувствовал за собой наблюдение, и это еще более подхлестнуло его.

Тем, кто видел его в эти мгновения, казалось, что зверь летит, распластавшись в воздухе. В каждом движении сквозил, в каждом броске вырывался наружу необузданный напор воли, внутренней силы старого вожака.

Железные ворота были заперты, но калитка рядом с ними — открыта. Волк промчался через нее и бросился к лесу.

До самых деревьев он несся не переводя духа и все ждал и ждал погони, выстрела... Но вот лес спасительным своим пологом прикрыл старого волка. Он был густым, настоящим, хотя исхоженным. Сильный дух человека перемежался здесь со знакомыми запахами зайца, лося, белки, хоря, мышей...

Теперь-то он найдет путь к родным местам, к стае, спасенной им ценой своей неволи...

Вой торопился. Целый день и почти всю ночь он то шел, то бежал одному ему вéдомыми путями. Под утро прилег отдохнуть, устроившись в мягком пушистом сугробе. Впервые за много дней он хорошо спал, не вздрагивая во сне, не вскакивая вдруг от постоянной напряженности.

Леса были людными, всюду пролегали тропинки, лыжни и даже наезженные дороги. Пока снегу было немного, Вой шел по целине, стараясь обходить места, отмеченные человеческим запахом. Но утром повалил крупный снег, и идти по целине стало очень трудно — волк проваливался по грудь. Взбодренный сном, он еще долго шел, упорно одолевая снежную преграду, потом вдруг вышел на лыжную трассу и смело побежал по накатанной лыжне.

Внезапно впереди показался лыжник. Он шел навстречу волку, шел быстро, размахивая палками, его лыжи с легким свистом скользили по снегу. Это был,

конечно, не охотник, не враг, он торопился, занятый своими человеческими делами. Вой и прежде встречал лыжников в лесу, но видел их издалека, а сейчас, ближе узнав людей, понял, что лыжник видит его, но не обращает особого внимания, видимо, приняв за собаку... И старый волк продолжал спокойно идти навстречу человеку, потом так же спокойно, с достоинством отступил в сторону, пропуская лыжника.

— Мерси! — сказал тот, промчавшись и обдав зверя облаком мелкой снежной пыли. Вот он уже исчез за поворотом лыжни, глубоко убежденный, что встретил овчарку, отставшую от хозяина...

А старый волк продолжал свой путь, и встреча на лесной лыжне стала для него еще одним уроком, обогатившим его и без того немалый жизненный опыт.

8. МАГА УВОДИТ СТАЮ

Тихим солнечным утром стая переходила отлогий безлесный холм. Снега здесь было немного, и волки двигались быстро и легко. Уже все взбежали на плоскую вершину холма, когда волчица первой уловила в небе далекий рокот, похожий на раскат грозы. Но Мага знала, что это не гроза. И не только потому, что гроза бывает летом. Волчице был хорошо знаком этот рокот, одинаковый и летом, и зимой. Она никогда не смогла бы спутать его с грозовыми раскатами. Это был вертолет.

Далекий звук услышали все и вопросительно обернулись к Маге. Только она, опытная мать-волчица, знала, что надо делать в таких случаях. Ее научил мудрый старый вожак. Он, едва заслышав звук вертолета, бросался в чащобу, стремительно уводя стаю туда, где можно спрятаться, затаиться, переждать... Следуя его примеру, Мага торопливо повела волков в молодой густой сосняк, пробралась в самую чащобу и залегла, прижимаясь к снегу, в середине стаи, побуждая волков сделать то же. Когда вертолет застрекотал над сосняком, они уже лежали, вжавшись в снег под деревьями, и сверху их нельзя было заметить.

Вертолет улетел, но волчица знала, что он может вернуться, и потому лежала. Глядя на нее, лежали все.

Второй раз страшная грохочущая машина летела совсем низко, чуть ли не задевая верхушки деревьев.

Шум был такой, что каждому хотелось бежать куда глаза глядят, лишь бы подальше от этого грозного оглушительного вихря... Но Мага знала, что встать — означает погибнуть. Спасти могла лишь выдержка. Она чувствовала, что звери испытывают неудержимое желание вскочить, удариться в бег. Но прежде они обязательно поищут ее глазами, посмотрят на нее, на мать-волчицу, на предводительницу стаи. Потому она и легла так, чтобы все могли видеть, что она здесь, что она лежит, не убегает и запрещает убегать им.

Грохочущая смерть улетела. Утих, растворился в морозном воздухе страшный рокот, но волки еще долго лежали не шелохнувшись. Вынужденная остановка переходила в дневку, успокоившиеся звери уже дремали, набираясь сил для очередного ночного поиска. Вначале Мага присоединилась к общему желанию остаться на дневку здесь, но потом, еще выждав и убедившись, что вертолет не вернется, решила все-таки перейти для отдыха в другое место. Хотя вокруг было спокойно, осторожной Маге укрывший стаю сосняк не казался теперь таким уж безопасным...

Она подняла волков, пересекла с ними глубокий овраг, провела через две лощины и выбрала для лежки место в самой середине густых и высоких зарослей ивняка.

Период гона, любви у волков еще не настал, но Пришлый заигрывал с Магой все чаще и чаще. Он ходил кругами вокруг нее, иногда игриво кусал за спину, призывно урчал. Зуа и Ко принимали это как должное — Пришлый занимал в стае место вожака и почти уже стал вожаком. Иногда он рыком одергивал кого-либо из волков, и Мага молчаливо поддерживала его. Но переярка Ва Пришлый не трогал. Не хотел раздражать его. А переярок вел себя довольно хитро и агрессивно. При матери-волчице Ва был сама кротость, но стоило ей отойти в сторону, как он уже крутился возле Пришлого и ждал малейшего предлога, чтобы затеять ссору. Пришлый видел это, понимал и избегал стычек. Тем более, что за последний месяц Ва заметно вырос, стал еще более сильным и самоуверенным.

Однако злоба копилась и у Пришлого. Ва уже настолько был ненавистен ему, что он не мог спокойно дневать, если переярок отдыхал рядом. Но чувства

свои иовый вожак вынужден был прятать еще глубже, чем его недруг. Против Пришлого встали бы все, кроме Маги, да и оиа ие одобрила бы его драки с переярком.

Последиее время Ва очеиь не иравились ухаживания иового вожака за матерью-волчицей. Он привык видеть в роли ее друга и повелителя только отца-волка и никого более не мог признать ии настоящим вожаком, ии близким другом Маги. Тем ие менее другой уже заиял место старого Воя и настойчиво пытался вытесиить память о нем в волчьей стае.

Это не удавалось — слишком силеи был здесь авторитет пропавшего старого волка, и это еще больше беспокоило, злило Пришлого. Стая теперь уже не была такой моиолитиой, целеустремленной, как прежде. Каждый норовил жить сам по себе, несмотря иа все усилия мудрой, опытной Маги.

Самка-переярок и волчонок не могли не видеть сложиых отиошений между Пришлым и Ва, и это накладывало отпечаток и иа их поведеиие. В стае иакапливалось взаимное иедовольство, раздражение, злость...

Ночь выдалась тихой, безлунной. Чериые тучи затянули все небо, и тягучая мгла окутала деревья, кусты, легла иа сугробы.

Волки переходили замерзшую реку, свежий сиег лежал иа льду тонким слоем, и идти было легко. Еще с середины реки Мага, идущая впереди, уловила отрадиый дух лосиного мяса. Ближе к берегу его почувствовали и остальные. Стая ускорила шаг. Вскоре волки иашли лосиную тушу. Она оказалась замерзшей — лось был убит давио.

Старый Вой иикогда ие разрешал есть мясо животных, которых убили не сами волки. К своим запасам Вой возвращался в голодиые времеиа, и стая подкармливалась за счет старой добычи, хотя спрятаииое мясо порой оказывалось уже полуразложившимся. А к тушам, вот так беспризорно лежавшим у дорог или в лесу, неизвестио кем брошеииым, старый вожак стаю ие подпускал. Ои сам осматривал иаходку, затем, подняв заднюю ногу, презрительно ставил «метку», своим пренебрежительным отношением предостерегая волков. И иикто из его семьи ие ел такого мяса даже в самые худые времена, хотя волки из других семей в подобных случаях охотно насыщались. Мага не поимала поведения вожака, но ослушаться

его не смела да и не хотела. Она, как и вся стая, не подходила туда, куда не разрешал Вой.

Другое дело, когда стая натыкалась на отбросы возле человеческого жилья. Тут вожак не возражал против поживы, но тоже проявлял крайнюю осторожность.

Сейчас Воя не было рядом, н волчнца решнла подойтн поблнже к лосиной туше вместе со всей стаей. В этом была ее ошибка. Когда она, постояв некоторое время невдалеке от убитого лося, повернула обратно, волкн не последовали за ней. Стая осталась на месте и, словно не замечая, что мать-волчнца уходнт, рннулась к туше.

Матерая Мага не знала, чем опасно найденное мясо, да и опасно ли оно вообще. Но она знала другое: чтобы выжить н сохраннть стаю, необходнмо строго выполнять все законы, установленные старым Воем.

Волкн тем временем обнюхивали мясо, не обращая на нее ннкакого вннмания. Рассерженная нх неповнновением волчнца тотчас метнулась обратно к туше и, не дав ннкому прикоснуться к мясу, ударнла грудью, отшвырнула вначале Ва, затем Прншлого. Остальные, увидев ее гнев, самн отскочнлн в сторону.

Но переярок не уходнл. Отстанвая свое право на самостоятельность, он оскалил клыкн и зарычал. Пршлый мгновенно сориентнровался: за неподчннение матерн-волчнце строптивого Ва можно сурово наказать. Еще мнг, и он напал бы на переярка. Но не успел — Зуа уже стояла рядом с братом, да и Мага спохватнлась н зарычала на нового вожака.

Волчнца заставнла стаю подчнннться, но то, что пронзошло, очень встревожило ее. Она теперь ясно вндела, что стая становится неуправляемой, что нет, давно уже нет того порядка и послушання, что были при старом вожаке. Может быть, приход Пришлого в семью сыграл свою роль в возникшем разладе? Теперь ей придется постоянно и вннмательно следнть за каждым. Только так можно уберечь семью от беды.

Ссора у туши отвлекла Магу от охотннчьего поиска. Совсем неожнданно для нее невдалеке раздался резкнй скрнп снега. Волки бросились вперед, мгновенно преодолев расстоянне в десяток прыжков. Поздно! Крупная рысь с добычей в лапах уже сндела высоко на дереве, словно дразня волков. Риса (это была она) не раз уходнла от стаи Воя н Маги. Вот и сейчас,

вовремя заметив врагов, она прервала ужин и, не расставаясь с пойманным зверьком (каким именно, Мага так и не смогла разобрать), стремительно пробежала по снегу и влезла на дерево. Стае не оставалось ничего другого, как проследовать мимо более удачливой соперницы.

Тихая зимняя ночь словно вслушивалась в негромкий мерный хруст снега под ногами волков. Звери шли на охоту. Мага вела их по знакомым местам, где не раз она и старый вожак загоняли лосей, кормили стаю.

Деревья застыли, стояли не шелохнувшись, будто во сне. В чуткой тишине гулко разносился по лесу малейший скрип или хруст. В такую ночь трудно неслышно подобраться к жертве. И вышедшие на охоту звери должны были проявить особую находчивость, осторожность, выдержку. Не обладая этими качествами, выжить в суровом зимнем лесу просто невозможно.

9. ВЫДРА

С утра падал крупный пушистый снег, заметая тропы, и к полудню Вой, утомившись, прервал свое путешествие. Старый волк устроился в неглубокой яме среди бурелома на крутом склоне холма. Отдыхал он до сумерек, когда снегопад наконец прекратился. Пора было снова двигаться в путь. Но прежде следовало подкрепиться — в течение двух суток, с тех пор как он ушел из плена, Вой ничего не ел, кроме маленькой куропатки, на лунку которой наткнулся совсем случайно. Волк жадно съел птицу, оставив только несколько перышек. Но все равно остался голоден.

Поглотал снегу, утолив немного жажду, спустился к озеру, к открытой воде. Здесь в большую полынью впадал быстрый в устье, незамерзающий ручей. Волк попил, осмотрелся: нельзя ли чем-нибудь поживиться? А вот и заинтересовавший его след — глубокая полукруглая борозда в снегу. Конечно же, здесь еще утром прошла в свою нору выдра.

Может быть, к ночи она покинет убежище и двинется обратно через озеро к другому незамерзающему ручью, который она должна навещать?

Не приближаясь к следу выдры, старый волк повернул назад, к зарослям ивняка, и залег за кустом.

Надо было выжидать. Если выдра выйдет ночью, он обязательно ее перехватит.

Давно миновали сумерки, мгла стала густой, едва проницаемой. Потом появилась луна, круглая, яркая, и озарила озеро, берег, ближайшие деревья пронзительным, призрачным светом. Стало видно как днем.

Подмораживало. Вожак все лежал не шелохнувшись, то не спуская глаз со следа выдры, то полагаясь на слух, не менее надежный, чем зрение.

Не всякий хищник способен так долго и терпеливо выжидать в засаде, как старый Вой. Он пролежал всю ночь, ни на миг не ослабляя сосредоточенного внимания, не поддаваясь ни дремоте, ни усталости. Собранный, настороженный, уверенный в удаче.

Только под утро, когда луна утратила свою оранжевую яркость, а звезды поблекли и выцвели, волк услышал негромкий, но отчетливый плеск. Он напряженно впился взглядом в полынью.

Выдра выбралась на край льда, быстро и ловко отряхнулась, постояла, подняв морду вверх, вслушиваясь в тишину зимней ночи. Ее гладкое тело поблескивало и серебрилось в сиреневом сумеречном свете рождающегося утра.

Не заметив опасности, выдра пошла по льду, все более удаляясь от полыньи. Она легко скользила на своих коротких ногах, бороздя снег массивным хвостом.

Вожак все еще выжидал, готовый к прыжку, к нападению. Пусть выдра отойдет подальше от воды.

Старый Вой сорвался с места и понесся длинными прыжками. Увлеченный азартом охоты, он не заметил небольшой можжевеловой ветки, зацепился передней лапой за нее, споткнулся, перевернулся через голову, но это его не остановило и даже не задержало.

Чуткая выдра стремглав бросилась обратно к воде. Но вожак рассчитал все заранее: путь к полынье был ей отрезан. Выдре оставалось только защищаться. Вой, однако, был настороже и предусмотрительно уклонился от ее зубастой пасти. Он метался вокруг зверька, пытаясь схватить за спину, но выдра все время поворачивалась к нему мордой.

Улучив момент, она приблизилась к полынье. Теперь оставалось сделать один длинный бросок, и выдра была бы спасена. Но для этого надо было повернуться спиной к волку. Это означало погибнуть.

Оиа пыталась пятнться, но ей мешал длииный толстый хвост. Вой сразу же разгадал маневр протнвника и больше не давал зверю сделать нн шагу, все время стараясь зайтн со спнны.

Вожак взял выдру у самой воды. Он сжал свои мощные челюсти так, что хрустнули позвонки жертвы, н поиес ее легко, без уснлнй. Неужелн этот небольшой зверек, свнсающий сейчас нз его пасти, сопротивлялся ему, огрызался, даже угрожал своими зубами?..

Теперь старый волк мог продолжать путь. Ои был отиосительио сыт и остаток иочн, а потом и часть дия шел туда, откуда его увезли люди — к своим родиым лесам н озерам. Слабо шумели отягощенные снегом деревья. Мороз отпускал. По залитым солицем сверкающнм сугробам в нужиом Вою направлении бежала твердая лыжия. И зверь пошел по ией. Зачем же тратить впустую снлы и время, пробираясь по снежной целиие? Ведь иедавио даже встреча на лыжне с человеком обошлась без последствнй... И только Вой вспомнил эту встречу, как иа повороте показался лыжник. Как и в прошлый раз, ои несся иавстречу зверю. И хотя вожак ожидал этого, появлеиие человека было иеприятиым н пугающнм. Тот заметил зверя, но, видимо, тоже принял за собаку, потому что никакнх призиаков беспокойства не проявлял. Волк очеиь внимательио иаблюдал за инм. Человек был безоружеи. Кроме лыжных палок у него ничего не было.

Старый Вой постороинлся, пропуская лыжиика. И в этот момеит, скользя мимо, человек бросил взгляд на зверя. Глаза его округлнлись.

— Во-о-о-лк! — закричал он громко и, остановнвшись, обороиительио замахал лыжиымн палкамн.

— Ребя-а-а-та-а! Во-о-о-лк! — Он звал кого-то, кто шел за ним сзади.

А старый вожак уже мчался, пробнвая шнрокой грудью верхушкн сугробов. Теперь он зиал: его будут преследовать. Не сегодия, так завтра людн с ружьямн пойдут по его следу. А раз так — надо долго, упорно, без остаиовкн уходить.

И ои уходил. Бесстрашио выбирался на шнрокую наезженную дорогу, изрядно пробежав по ией, спрыгивал в блнзко подходившнй к обочиие кустарник, прятал, маскировал следы. Стремительиый этот уход от возможиого преследования утомил Воя.

Ои залег под утро иа сиежиой вершиие холма,

под крутым сугробом, с подветренной стороны. Ветер гнал поземку по склону к вершине, а вместе с поземкой и все лесные запахи. По ним Вой знал обо всем, что происходит за гребнем сугроба. Другой склон холма был в поле его зрения. Волк сладко дремал, уткнувшись мордой в густую шерсть своего горячего бока. Свист поземки баюкал, пробуждая в памяти картины былой жизни в кругу родной стаи. Он вспоминал свою волчицу, их многочисленных общих волчат, так быстро растущих. В последних своих переярков, Ва и Зуа, Вой успел вложить немало охотничьего опыта. Своего опыта — богатого, надежного, изощренного. Теперь, без отца-вожака, этот опыт, наверное, очень пригодился им. Не напрасно поощрял он и добрые отношения между переярками. С его одобрения хитрая Зуа со щенячьего возраста, с первых выходов на охоту бывала рядом с братом, следовала за ним, помогала ему, с ним играла.

Привязанность переярков друг к другу, симпатии внутри семьи укрепляли стаю, делали ее сильней.

Ветер подвывал и посвистывал, поземка накручивала снежные спирали, а вожак отдыхал перед новым большим переходом.

10. КРУГ СМЕРТИ

Последняя охота была удачной. Благодаря опыту Маги, хитрости и находчивости Пришлого удалось отбить, отогнать от лосиного стада молодую корову. Волки ожидали, что отбитая лосиха, гонимая страхом перед хищниками, побежит по тропе, все больше удаляясь от своего стада.

Но неожиданно для всех корова поняла свою ошибку и повернула назад напрямик по снегу, неглубокому в этом месте, пытаясь вновь соединиться с остальными лосями. Осуществи она свою попытку — охота намного усложнилась бы.

Лоси стояли в оборонительной позиции, и подступить к ним было очень трудно, почти невозможно.

Но на пути устремившейся к стаду лосихи вырос стремительный, сильный Ва, и судьба коровы была решена...

Насытившуюся стаю Мага увела на дневную лежку в густой молодой сосновый лес.

Остаток ночи волки отдыхали спокойно, но едва забрезжил пасмурный рассвет, как мать-волчица почувствовала тревогу. Она сама не понимала причины своего беспокойства и поэтому продолжала лежать, свернувшись клубком, хотя то и дело поднимала голову, внимательно вслушиваясь в тишину, внюхиваясь в запахи леса.

Но Мага все-таки подняла стаю. Волки вставали неохотно, недоуменно поглядывая на мать-волчицу. А она, встревоженная, быстрым шагом повела их из рощи. Пробираясь сквозь чащобу, Мага осторожно лавировала между сухими нижними ветвями деревьев, чтобы не треснуть веткой, не издать звука, не выдать путь стаи. Остальные повторяли ее движения, и семья шла совсем бесшумно.

Когда молодой Ко, нарушив строй, отбежал в сторону, мать-волчица оскалила клыки и так взглянула на него, что он мгновенно встал на свое место.

Выйдя на бугорок, Мага уловила запах человека...

Она повернула вправо, прошла немного — запах усиливался. Двинулась влево — там тоже пахло человеком. Продолжая уводить стаю, волчица шла против ветра, все больше ощущая людской запах. Звери выбрались из сосняка, пересекли неглубокую лесистую лощину, и Мага замерла, остановив всех... Невдалеке на невысоких кустах была натянута веревка, на ней угрожающе мелькали на ветру обжигающие глаза флажки... Они пугали, на них было страшно смотреть и еще страшней — подходить к ним. Но Мага подошла. Очень внимательно обнюхала один за другим несколько флажков и вспомнила, как еще в детстве она оказалась в роще, огороженной веревкой с такими же флажками. Вся ее стая потопталась тогда у веревки и пошла обратно. А потом, когда начался шум, раздались крики и выстрелы, Мага лежала, умирая от страха, вжавшись в сугроб... Она пролежала целый день, вздрагивая от ужаса при каждом скрипе шагов человека, и ушла только ночью. От стаи осталось трое: отец-волк, самец-переярок и она. Отцу и старшему брату удалось прорваться через человеческую засаду, и потом она отыскала их по следам.

Она и после встречала эту хитрую ловушку — протянутую по кругу веревку с флажками. Знала, что это круг смерти, панически боялась красных

флажков. Но опытный и мудрый Вой всей своей властью и волей заставил ее пройти под этой веревкой. И она преодолела жгучий, душащий страх и, подчиняясь вожаку, прошла за ним.

Несколько раз старый Вой уводил стаю из оклада, спасая от облавы, от смерти. Мага потом уж не так боялась флажков, уверенная, что Вой проведет стаю через ограждение, и смело шла за ним. Но — за ним! А сейчас его не было.

Поздний рассвет все ярче высветлял снежный покров леса. На белом фоне лоскуты флажков на шнуре виделись особенно отчетливо и человеческий запах от них с каждым мгновением казался все пронзительнее. Было очень тихо в лесу.

Мать-волчица стояла в шаге от веревки. Она колебалась, хотя и знала, что обязательно надо пройти под ней, как бы не было страшно.

Снежная шапка, сорвавшись с еловой лапы, с глухим стуком упала совсем рядом. Сухо чиркнув по суку, скользнула в снег шишка. И упавший ком снега и шишка словно отсчитывали мгновения, отпущенные Маге на раздумье. Короткие, дорогие мгновения между жизнью и смертью.

Мать-волчица приняла решение. Она быстро подошла к стае, стоявшей в ожидании невдалеке, встала, как обычно, впереди и спокойно двинулась к флажкам. Волки — за ней.

Линию смерти вслед за Магой смело переступили Ва и Зуа, идущий вслед за переярками молодой Ко заколебался. Ему было очень страшно. Он еще ни разу в жизни, в отличие от Ва и Зуа, не переходил через такую преграду. Но мудрая Мага знала, что с ним может случиться такое. И едва только волчонок замедлил шаг, как мать-волчица повелительно-строго зарычала, и он быстро нырнул под веревку. Идущий последним Пришлый тоже не заставил себя ждать. Теперь спасение стаи зависело от быстрого бега. И волки помчались за Магой что было сил. Когда усталость уже подкашивала ноги, звери переходили на шаг, потом снова стремительным галопом продолжали уходить от страшного места, едва не ставшего местом их гибели.

Когда солнце, выглянувшее из-за туч, уже склонилось далеко за полдень, только тогда стая остановилась. Перед тем как расположиться на отдых, каждый

долго кружился на месте, утаптывая снег, устраиваясь поуютнее, поудобнее...

Ночь залила снега лунным призрачным светом. Звери не были голодны, но хотелось куда-то идти, торопиться. Их влекла извечная тяга к дороге, к походу, к поиску. Влечение это было особенно сильно в такие светлые тихие часы.

Поздней ночью поднятая волчицей стая готова была снова двинуться в путь. Сбившись вокруг Маги, волки стояли на залитой пронзительным лунным светом опушке. За ними темной стеной высился замерший лес. Мать-волчица всматривалась в звездное небо, в яркую луну. Казалось, она вот-вот завоет. Раньше первым подавал свой голос отец-вожак. Пришлый не решался на это. Может быть потому, что рядом, как всегда, стоял настороженный Ва, внимательно за ним наблюдавший.

Мага запрокинула голову и завыла. И всем вдруг показалось: она снова зовет вожака — настоящего вожака стаи, отца-волка, старого могучего Воя.

Тягучий, пронзительный, печальный вой безудержно летел над притихшим зимним лесом, над заснеженными полянами.

Громко и высоко подтянул волчице Пришлый. И переярок Ва завыл, как отец-волк когда-то: чуть с хрипотцой, раскатисто, всей грудью.

11. ШКВАЛ

В стае, во время общей охоты, старый Вой нередко прибегал к своему излюбленному способу добычи лосятины. Былой опыт особенно пригодился ему сейчас, когда он был один.

Волк бесшумно подобрался к лосям. Осторожно, не спеша, ползком он приблизился вплотную к стаду.

Бык, корова и два молодых бычка спокойно жевали тонкие осиновые побеги. Внезапно между ними вырос огромный свирепый волк. Он точно рассчитал, в каком месте надо выскочить, чтобы сильней испугать молодых лосей. Вой полагался единственно на их испуг, потому что только испуганный молодой бычок может поступить безрассудно, бросившись бежать от волка куда глаза глядят из-под защиты взрослых.

Старый волк не ошибся: один из бычков, обезумев от страха, рванулся в сторону... Корова издала вслед ему надрывный, жалобный, останавливающий стон. Но испуганный бычок ничего уже не слышал, уносясь все дальше, гонимый матерым вожаком...

Теперь Вой был сыт, но не собирался на отдых. Он упорно продолжал свой путь. В сумерки вышел к железной дороге, поднялся на насыпь, предварительно убедившись, что поблизости нет людей, не слышно и поезда. Грохот состава даже издалека всегда был ему неприятен. Словно кто-то чужой и очень сильный пробегал через лес, громко заявляя о своей силе и власти... Быстро перебежав железнодорожное полотно, Вой углубился в лес по одной из тропинок.

Было уже темно. На черном небе робко мигали звезды. Старый вожак неожиданно вышел к жилью человека. Яркий свет немногочисленных фонарей на столбах вдоль единственной широкой улицы ослепил вожака, вышедшего из тьмы. Он постоял, сверху, с холма, наблюдая за улицей, за домами. Решал — как идти.

Поселок широко раскинулся на его пути. На обход уйдет немало времени. А идти через поселок — очень опасно. Но он выбрал все-таки краткую дорогу.

Вой побежал по краю большака, у обочины, мелкой трусцой, как обычно бегают собаки. Навстречу прошли несколько человек, не обратив на него ни малейшего внимания. А он, будто век ходил собачьими тропами, то и дело встречаясь с людьми, настороженный, хитрый, упорный, следовал своим путем.

Неожиданно на улицу высыпала толпа людей — кончился вечерний киносеанс в клубе... Вой забеспокоился.

Ему хотелось броситься по дороге со всех ног и как можно быстрее скрыться в лесу. Но лучше было не выдавать себя — авось не узнают...

Так уж получилось, что ему, невезучему, на этот раз повезло: люди приняли его за собаку, а настоящих собак он не встретил.

Когда Вой вышел на опушку, шум от поселка уже не долетал до него. Стояла звонкая морозная тишина. Луна, сиявшая над снежными просторами, навевала смутное беспокойство. У него вдруг засосало под ложечкой. Совсем плохо было одинокому волку!

Он потоптался на снегу, глубоко вдохнул чистый жгучий воздух, запрокинул вверх голову и завыл.

На его голос, мощный, грудной, хрипловатый, тотчас отозвались незнакомые волки.

И он бросился к ним, как человек, проплутавший долго в лесу, бросается к первым встреченным людям...

К стае, расположившейся неподалеку за холмом, Вой подошел спокойно, с достоинством. Волки внимательно наблюдали за ним. Зачем явился сюда этот чужак? Они уже по голосу поняли, что это вожак, видимо лишившийся своей, убитой людьми, стаи.

Чуть впереди семьи стоял отец-волк. Высокий, крупный, чуть моложе и меньше Воя, он не проявлял никаких признаков враждебности, хотя гость был полностью в его власти, потому что за отцом стеной стояли рослые сильные переярки и неподалеку — волчица с нескладным волчонком. Увидев их, Вой невольно вспомнил свою стаю, и ему еще сильнее захотелось разыскать ее. Он не сделал попытки познакомиться с волчьей семьей, которая явно ожидала этого. С недоумением смотрели волки на странного пришельца, который, едва глянув на них, прошел мимо.

Не поддаваясь усталости, старый волк продолжал свой путь до рассвета. Наступающий день сулил ему отдых, сон, теплую лежку...

Однако еще с половины ночи безотчетная тревога возникла в его сердце. Перед самым рассветом она усилилась. Захотелось куда-то залечь, поглубже зарыться в снег, спрятаться от надвигающегося тревожного рассвета.

За бугром он увидел край солнца. Оно было необычным — словно окруженным ободком инея. Это тоже испугало Воя.

Он быстро залег среди бурелома, забравшись в яму, заваленную старыми, полусгнившими, до сердцевины промороженными стволами.

Было очень тихо. Солнце поднималось над лесом, рассеивая утреннюю мглу. Небо светлело. Казалось, мир и покой царили в природе.

Но Вой не верил этой пугающей тишине, и предчувствие не обмануло его.

Шквал пришел внезапно сильным ударом ледяной воздушной волны, срывая с деревьев снежные их покровы. Холод стал пронзительным.

А в душе зверя тревога прошла, и он отдыхал, защищенный от шквала и стужи снежным укрытием.

Он слышал, как порывы ветра остервенело обрушивались на деревья, кусты, словно хотели сломить стойкость скрюченных, черных и обмороженных растений.

Сосны раскачивались, снег слетал с деревьев, увлекаемый шквалом, и белая мутная сыпучая пелена стелилась по лесному простору.

12. ЯГЕЛЬ-КЛАДОНИЯ

В трудные, голодные времена Вой нередко уводил стаю далеко на север. Мага хорошо помнила путь в те места, где когда-то охотилась на оленей вместе со старым вожаком. Добывать их было значительно легче, чем лосей. В охоте на них волки не подвергались серьезной опасности.

Вот и сейчас — не желавшая приближаться к жилью человека, но вынужденная искать добычу для семьи — мудрая Мага повернула на север. Стая быстро преодолела большое расстояние, и вскоре волки уже обнаружили оленьи следы. Они привели к стаду.

Олени паслись, тщательно выкапывая из-под снега серовато-серебряный лишайник. Они так смачно сжевывали его, словно не было в лесу ничего вкуснее, чем этот нежный ягель-кладония (который иногда называют оленьим мхом).

Стадо располагалось так, что к нему нельзя было подойти незаметно. С одной стороны раскинулось примыкавшее к озеру открытое болото, с другой — редкий лесок. Но деревья не могли служить прикрытием — ветер на оленей дул именно оттуда. Наверное поэтому стадо чувствовало себя в полной безопасности. Оно мирно, спокойно кормилось, но их предводитель — крупная самка, чутко подняв голову, украшенную высокими рогами (только самка северного оленя — единственная из всех оленух мира — носит корону), была постоянно на страже.

Некоторое время волчица-мать, стоя в отдалении, из-за деревьев наблюдала за стадом. Желанная добыча — вот она, рядом, но пока — недоступна.

Когда Мага резко повернулась к стае, все поняли: решение принято. По ее знаку Пришлый и переярок Ва помчались в сторону болота. Сама волчица вместе

с волчонком и хитрой Зуа двинулась напрямую к оленям.

Олени сразу же обнаружили подходящих хищников — волки шли по ветру. Но когда олениха-предводительница подала сигнал и олени насторожились, это вовсе не обеспокоило волчицу, не нарушило ее ровного хода. Все шло именно так, как было задумано.

Однако стоило оленям сорваться с места, как опытная Мага понеслась следом, развернув веером двух своих помощников, чтобы направить бег стада к озеру.

Одновременно со стороны болота бросились на стадо два самца-волка. Для оленей теперь оставался один путь — на лед озера.

Он зеркально поблескивал впереди под лучами низкого утреннего солнца. Недавний сильный ветер сдул со льда снежный покров, и поверхность озера оставалась теперь голой и скользкой...

Олени бежали быстро, и волки стали отставать, но лед озера, гладкий, коварный, был уже рядом. Олени несколько раз пытались повернуть в сторону, и тогда хищники ловко перекрывали пути отхода. Стадо приближалось к сверкающей глади льда...

Первым зарезал оленя Пришлый. Он опередил переярка, который был совсем рядом.

Ва готовился напасть именно на этого оленя, но соперник перехватил облюбованную добычу. Разгоряченный и злой Ва едва сдержался от нападения на собрата — надо было продолжать охоту, не упустить момента. Он перемахнул через поверженного оленя и тотчас настиг другого. Молодой крупный бык рухнул грудью на лед, подогнув передние ноги...

На льду олени были беззащитны. Они не могли быстро бежать: копыта скользили, ноги разъезжались в стороны, и волки резали их умело, быстро, уверенно.

Добыча была богатой. Чуть ли не половина небольшого стада осталась лежать на льду озера.

Голодная стая торопливо насыщалась. Переярок Ва остервенело дергал тушу, словно сводил счеты с ненавистным Пришлым. Он то и дело кидал на нового вожака полные сдерживаемого бешенства взгляды. Ему казалось, что он уже достаточно силен, чтобы схватиться с Пришлым.

Побаивался Ва только раздражать мать-волчицу. Ссоры самцов утомляли ее, отвлекали от охоты, грозили бедой всей стае. Мага уже не раз огрызалась и

на Пришлого, и на переярка, едва случался к этому повод.

И сейчас, когда переярок злобу на своего врага срывал на безжизненной туше, он понимал, что, сделай он только шаг в сторону Пришлого — волчица-мать не станет церемониться...

Насытившись, звери кусками растащили свою добычу по кустам. И все-таки две оленьи туши остались на льду, едва тронутые хищниками. Волки убили больше, чем им было нужно. Убили, захваченные азартом охоты, жадностью, страхом перед голодом.

На этот раз удачная охота не погасила враждебности между взрослыми самцами стаи. И, уводя семью на дневку, волчица-мать вынуждена была постоянно поглядывать на них, чутко вслушиваясь не только в звуки утреннего леса, но и в шорох шагов стаи.

13. НОРА

До самого рассвета старый волк шел не останавливаясь. Бледный месяц скользил за деревьями, словно сопровождал вожака в его нелегком пути.

Солнце еще не взошло над лесом, когда Вой узнал родные места. Подняв голову, он увидел на высокой ели знакомого черного ворона. Птица внимательно разглядывала Воя: тот ли это вожак, который некогда жил здесь, охотился, странствовал? Тот ли?

— Къ-э-э-а-а... Къ-э-э-а-а...— хрипло и негромко произнес ворон, продолжая наблюдать за волком. Затем, как бы приветствуя его, громко добавил: — Ка-р-р-л-л!

Вой поднялся на высокий холм и остановился, осматривая окрестности. Перед ним широко простирались знакомые леса! Наконец-то он в своем краю!

Глубокие снега, голод, опасности— все было на его пути. Но тяга к родным местам, зов родного леса оказались сильнее.

Теперь-то он без труда найдет свою стаю, если она жива, если без него не случилось беды. Скоро-скоро он увидит и Магу, и остальных!

Но судьба распорядилась по-иному...

Вой двигался ровным, легким, быстрым шагом. Поднявшееся солнце пронизывало лес золотистыми

лучами. Зверь шел по просеке погруженного в покой старого сосового бора.

Но покой был обманчивым. Волк замер, услышав вдруг скрип охотничьих лыж. Да, это был охотник: лыжи издавали характерный звук, без легкого посвистывания, присущий только охотничьим лыжам. Вой не успел даже броситься в лес, в чащобу, как увидел врага.

Для человека встреча оказалась тоже неожиданной. Он совершенно случайно наткнулся на зверя. Но это был опытный охотник, и всего две секунды потребовалось ему, чтобы снять ружье с плеча, вскинуть и выстрелить...

В этот момент волк уже уходил. Когда ружье, полыхнув огнем и едкой гарью, швырнуло ему вслед смертоносный свинец, он летел в длинном прыжке над сугробом. Следом за первым, почти сливаясь с ним, ударил второй выстрел.

Волк почувствовал, как острая, жгучая боль пронзила его тело сзади, сугроб перед его глазами вдруг наклонился, солнечно-белый, слепящий, земля ушла из-под ног...

Охотник стрелял крупной картечью. Он был доволен удачей: и тем, что при случайной встрече с волком-одиночкой в ружье оказались патроны именно с таким зарядом, и тем, что, с пятидесяти метров ударив дуплетом, свалил здоровенного зверя. Он видел, как волк дважды перевернулся, увлекаемый инерцией мощного прыжка, и замер, уткнувшись в сугроб.

Перезаряжая ружье на ходу, охотник бросился к нему. Он торопился, хотел поскорее завладеть этим редким охотничьим трофеем и при необходимости добить зверя уже вблизи. В этот момент в холодных объятиях сугроба вожак очнулся. Мгновенно все вспомнив, изо всех оставшихся сил отчаянно рванулся в сторону густого сосового молодняка.

Человек совсем не ожидал, что через две-три секунды после падения раненый зверь очнется и бросится наутек. Когда, перезарядив ружье, он выстрелил, волк уже скрылся в густой сосновой поросли.

Он бежал, с трудом превозмогая боль, которая словно разламывала задние ноги, и они временами немели и едва подчинялись ему. От потери крови кружилась голова. Старый вожак знал: смерть идет за ним по пятам. Понимая, что человек на лыжах по

ровной местности и с горы движется быстрее, он выбирал дорогу через бурелом, по скальным уступам, через ямы и густые кустарники, чтобы человек отстал.

Благодаря своей могучей воле старый Вой совершил переход, непосильный для раненого зверя. Оставив человека далеко позади, запутав следы, волк стал присискивать себе убежище. Он двигался шатаясь, с трудом делая каждый новый шаг, но тщательно выбирал место для долгой лежки, для лечения.

Наконец он забрался в узкую обомшелую яму под корнями большой старой сосны. Подход к ней был завален буреломом, яма, похожая на нору, напоминала логово, здесь было тихо и темно.

Волк заполз в самую глубину, лег, вытянувшись, и некоторое время отдыхал. Затем, изогнувшись, стал ощупывать языком и зализывать раны. Единственная картечина, прошив навылет левую ногу, застряла в мякоти правого бедра.

Зверь долго старался нащупать картечь языком. Нащупал. Преодолевая колющую боль, надорвал рану, расширив ее, подцепил языком картечину, пытаясь достать до нее зубами...

Несколько раз отдыхал, измученный болью. После долгих попыток он выгрыз злополучный кусок свинца и снова стал зализывать раны. Потом уснул и спал очень долго.

Наступила ночь. Ее сменил день. Последовала вторая ночь. А старый вожак не выходил из своего убежища. Время от времени он просыпался, долго и терпеливо лизал больные места и снова засыпал. Это не был его обычный чуткий сон. Он спал глубоким, крепким сном. Только такой сон мог спасти его.

На третьи сутки раны стали затягиваться. Вой стал испытывать зуд. Очень хотелось почесать рану, ткнуться в нее носом, зубами. Однако зверь знал, что этого делать нельзя, и по-прежнему все лизал и лизал свои раненые ноги.

На пятый день боль уже совсем не беспокоила Воя, если он не шевелился. Но стоило ему встать, потянуться, боль появлялась, хотя уже не такая жгучая, нестерпимая, как прежде...

На девятый день у него появились видения. Раньше, когда он отдыхал, погрузившись в чуткую дремоту, к нему приходили сны об охоте, погонях, засадах. Иногда снились люди — это были самые страшные

сны. Но — только сны. Сейчас, едва он переставал зализывать раны, как его словно живые обступали волки его стаи. Он сам уже не мог понять, сон это или явь.

Вот к нему приближается, увеличиваясь в размерах, голова Маги, кажется, он уже чувствует ее горячее дыхание. За Магой мелькают хитрая Зуа и волчонок Ко. А вот появился и переярок Ва. Не он ли так неумело и негромко подвывает?

Внезапно Вой очнулся и понял, что это не переярок, а ветер подвывает у входа в нору... Наступила самая вьюжная часть зимы. А он все еще отлеживался в норе.

14. ЧЕРНАЯ ТЕНЬ

Уже несколько дней и ночей Пришлый не отходил от Маги ни на шаг. Он крутился вокруг нее, пытался лизнуть, коснуться носом ее морды, бока... Мага благосклонно отвечала на его заигрывания. Разинув пасть и свесив длинный язык, она словно смеялась, довольная оказываемым ей вниманием.

Быстрая и любопытная Зуа вертелась неподалеку, внимательный Ва тоже был постоянно рядом. Предельно настороженный, он не спускал глаз с Пришлого, замечая все мелочи его поведения. То, что мать-волчица теперь была особенно приветлива с новым вожаком, злило обоих переярков, особенно своенравного Ва, переполняя чашу его волчьего терпения.

Было ветрено. День кончался, и сумерки, наползая на лес, словно приглушали звуки уходящего зимнего дня. Гаснущий закат еще озарял вершины деревьев слабыми темно-багровыми отблесками.

Волки остановились на опушке, словно забыли о предстоящей охоте. Они топтались на месте, принюхивались друг к другу. Казалось, звери вдруг потеряли чувство принадлежности к стае, подчиненности, послушания матери-волчице...

Матерая Мага раздраженно и обеспокоенно зарычала, пытаясь образумить семью, но никто, кроме волчонка, не обратил на это внимания.

Это было неожиданно. Волчица-мать знала, что в стае живет внутренняя вражда. Но неповиновение ей, непослушание — такое было впервые.

Ва и Зуа, ощетинившись, стояли напротив Пришлого. Кипучая волчья злоба прорвалась грозным рычанием.

Молодой Ко, стоя чуть в стороне, косился на Пришлого и тоже злобно рычал, чтобы не отставать от своих...

Ва кинулся на врага так стремительно и свирепо, что было ясно: давно он ждал этой возможности. Теперь Пришлый ответит за все!

Переярок еще не успел сцепиться с Пришлым, как молодая волчица тоже бросилась на врага. Казалось, эти два сильных крупных переярка быстро расправятся с противником, но не тут-то было.

Пришлый оказался значительно сильней, чем они предполагали. Он грудью отшвырнул напористого Ва, не схватываясь с ним крепко, насмерть, потому что нападающих было двое. Отбросив волчицу следом за ее братом, Пришлый отпрыгнул в сторону. Во время этой мгновенной схватки он пытался полосануть клыками по горлу нападавших, но оба они ловко увернулись, не сумев, однако, задеть и его.

Мать-волчица застыла в нерешительности — разнимать противников было бесполезно. Принять чью-то сторону она тоже не могла: ей хотелось сохранить всех.

На короткое время драка прервалась. Враги стояли напротив, морда к морде, пронзали друг друга взглядами и рычали. Такие перерывы в схватках недолги. Три-четыре торопливых возбужденных вдоха и выдоха, и звери снова кинутся в ожесточенную, суровую, беспощадную битву.

Мага смотрела на происходящее, не в силах изменить что-либо. Волки ее стаи ей уже не подчинялись. Они подчинялись сейчас только своей свирепости.

Вот-вот битва должна была вспыхнуть с новой силой. Кто выйдет из нее живым? Но случилось неожиданное.

Мага сначала ничего не поняла. Оба переярка, до сих пор остервенело рычавшие, готовые через мгновение вновь кинуться на врага, внезапно смолкли, как по команде поджав хвосты. Пришлый тоже вдруг потерял боевой пыл и растерянно поднял голову, уставясь на вершину ближайшего холма. Волчица-мать

проследила за его взглядом и, ошеломленная, взволнованная, обрадованная, увидела Воя.

На фоне светлого закатного края неба, отбрасывая длинную черную тень на заснеженный склон холма, замер, властно оглядывая стаю, ее старый вожак. Повелительно рыкнув — он не любил и не допускал драк внутри стаи,— Вой снова застыл в сдержанном ожидании. Стая бросилась к нему.

Он сразу увидел перемены: волчонок заметно окреп за месяц отсутствия волка-отца. У молодого Ко за это время грудь немного раздалась вширь, стали толще лопатки — обросли мускулами, на холке начала отрастать волчья грива. Казалось бы, недолго отсутствовал старый волк, но за этот месяц даже оба переярка изменились: взматерели, стали умней,— в их взглядах чувствовалось больше уверенности, опыта, проницательности.

Мага вся светилась радостью, подходя к своему вожаку.

Очень долго ждал он этих мгновений. Долго шел к своей стае. Даже когда внезапная картечь прервала его путь, его стремление к родным местам, к семье, и тогда он верил, знал, ничуть не сомневался, что вернется, увидит их, волков своей стаи, снова займет принадлежащее ему по праву место вожака.

Ему тяжко было в норе, особенно в последние дни и ночи, когда он уже почти выздоровел. Тоска заползала в самую глубь волчьего сердца и беспокоила его, изводила.

Он вышел из норы на четырнадцатую ночь — в сумерки, перед рассветом. Над его убежищем намело большой сугроб, оставалась только узкая щель. Старый волк выбрался, отряхнулся, огляделся. Раны не болели, он был здоров... Постоял, прислушиваясь. Поземка свистела и подвывала. Запах леса, ночи, запах жизни пьянил, кружил голову зверю.

Не было луны и звезд, длинные серые тени лесного рассвета заползали за кусты и деревья. Высокие ели и сосны шумели, поскрипывали, они словно оповещали всех, что могучий вожак вернулся.

Хотя он был рядом со стаей, но нашел ее не сразу. Целый день бродил в поисках следов своей семьи, возбужденный, отощавший, но как прежде сильный и неутомимый...

После его возвращения Пришлый сразу покинул стаю. Старый Вой запретил его трогать, и тот ушел, обозленный и одинокий.

Волки еще долго стояли на бугре вокруг своего вожака, и их тени на снегу, черные и длинные, постепенно сливались с постоянной спутницей волков — густой мглой зимней ночи.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ЛОГОВО

1. ПОХИЩЕНИЕ

Апрель выдался ярким, солнечным, теплым. Подтаявший снег осел на склонах холмов и оврагов, многочисленные ручьи наполнили лес плеском и журчанием.

Уже несколько дней Вой и Мага оставались вдвоем. Волчица подолгу бродила по знакомым местам, где прошедшей весной она щенилась и выращивала волчат, из которых судьба сохранила одного-единственного — Ко. Она внимательно осматривала обнажившиеся южные склоны, покрытые прошлогодней травой, придирчиво выбирала место для гнезда — приближалось время появления щенков. Старый волк не отставал от нее ни на шаг.

У подножия отлогого холма Мага задержалась. Ее цепкий взгляд приметил узкий лаз, полускрытый кустарником. Он вел в довольно просторную сухую нору. Волчица влезла внутрь. Обнюхала стены, пол и стала аккуратно расчищать вход, выгребая наружу листья. Потрудившись, легла отдохнуть. Рядом пристроился Вой. Покойно и удобно чувствовали себя здесь звери.

И вдруг Маге показалось, что вход снаружи слишком мало прикрыт травой и кустами, слишком заметен для постороннего глаза.

Она быстро встала, выбралась из норы и двинулась, огибая холм, в поисках нового убежища. Только что найденная нора, глубокая, удобная, уже подчищенная, была брошена без колебаний — она не подошла волчице.

Старый вожак шел следом. Он знал, что Мага не остановится, не вернется.

Четыре раза задерживались волки у старых нор: волчица подчищала и вход, и внутреннее помещение, примерялась, ложилась в нору, выходила наружу, придирчиво осматривала прикрытие вокруг входа. Логовом стала пятая нора. Она располагалась на южном склоне лесистого холма, вершина которого была густо покрыта высокими соснами, мерно поскрипывавшими на ветру старыми стволами. Это была барсучья нора, давно покинутая прежними хозяевами.

Барсуки сделали глубокие подземные ходы. От центрального гнездового помещения было вырыто несколько отнорков — выходов наружу, что могло в случае опасности весьма пригодиться будущим волчатам.

Заботливая Мага тщательно расширила два главных входа и саму нору, расчистила будущее жилище от осыпи и сухих прошлогодних листьев, скопившихся у выходов.

На охоту она ходила теперь недалеко. Ловила мелких зверьков, зазевавшуюся птицу, отыскивала в траве полевок и все время возвращалась к своему новому жилью. Однако и Мага и Вой дневки проводили не в норе, а около. Волки словно боялись обживать логово, еще не имея детенышей...

Волчица принесла пятерых волчат. Весь день она облизывала их, принюхивалась к ним, наслаждаясь неповторимым щенячьим запахом, смешанным с запахом ее же собственного материнского молока. Волчата были очень маленькими, они свободно умещались между ее задними и передними лапами. Немного поспав, зверьки просыпались, жадно и с удовольствием высасывали из набухших черных сосков жирное густое молоко, снова засыпали.

Вожак все время находился вблизи, отлучаясь лишь на короткое время за добычей. Сейчас он был единственным кормильцем и постоянно, возвращаясь с охоты, приносил еду.

Старый волк подходил к норе и бросал перед Магой куски мяса от большой туши или целиком мелких зверьков. Затем сразу же отходил в сторону и устраивался на отдых. Волк-отец дневал на склоне холма,

чуть выше норы, в нескольких шагах от нее, иногда отдыхал в кустах можжевельника ниже по склону.

Стояли солнечные, ясные дни. Снега сошли, лес зазеленел, зашумел на ветру, наполнился птичьими голосами, густыми весенними запахами.

Казалось, и для волчьей семьи наступили безоблачные дни.

Волчата смотрели на мир только что открывшимися глазами. Правда, мир пока ограничивался для них стенами уютной норы, но благоухающий весенний лес уже раскрыл им свои объятия.

И вот этой размеренной спокойной жизни пришел конец.

Однажды ранним туманным утром волчица уловила негромкий непривычный звук, очень обеспокоивший ее. Это был звук шагов — под неосторожной ногой шелестели трава, прошлогодние листья. Мага услышала их издалека, она лежала возле норы, поджидая с охоты Воя.

Поняв, что идет человек, волчица выскочила из своего убежища и затаилась в кустах неподалеку, наблюдая за подходившим к ее логову врагом. Неотвратимая, страшная опасность надвигалась на ее малышей. Но встать на их защиту она не могла — удерживал вековечный страх перед человеком.

Мага лежала, плотно прижимаясь к земле, охваченная мелкой нервной дрожью. Лихорадочно горящие глаза волчицы неотрывно смотрели на человека — высокого, неуклюжего, с ружьем и рюкзаком за спиной, который, стараясь ступать осторожно, шел прямо к ее норе, к ее крохотным беззащитным щенкам.

Учуяв человека, бросил свою добычу — крупного зайца — возвращавшийся с охоты Вой. Осторожно, крадучись, он пошел на запах человека, на звук его шагов. Может быть, враг минует его логово? Вожак подобрался совсем близко, чтобы видеть вход в нору.

Человек в это время уже разглядывал вход в волчье убежище, изучал следы. Убедившись, что нора жилая, присел, раздумывая. Ход уводит глубоко в землю, как и должно быть. Без лопаты никак не обойтись. А лопату он не захватил. Да и зашел сюда так, на всякий случай. Он и не надеялся на такую удачу — не рассчитывал, что старая барсучья нора окажется волчьим логовом.

Вожак смотрел на человека из-за кустов. Пристально, не мигая, словно в оцепенении. Он тяжело дышал от возбуждения, от злобы. Ноздри его расширились, верхняя губа нервно подрагивала, обнажая крупные острые зубы. Неистовое бешенство бушевало в его груди. Он еле сдерживал свою злобу, понимая смертельную опасность, которая грозила его семье и ему.

Внезапно человек поднялся и быстрым шагом пошел прочь от норы. Волки долго провожали его взглядами и, едва он скрылся в березовом молодняке, кинулись к логову.

Надо было спасать семью — немедленно уносить подальше и прятать детенышей. Стремительно и ловко волчица скользнула в глубь норы, схватила одного из щенков зубами за холку и бросилась наружу. Она торопливо трусила по лесу, пробираясь сквозь густые кусты. Быстро бежать Мага не решалась, чтоб не покалечить еще слабого волчонка. Следом за ней спешил старый вожак. Он бережно нес в зубах второго малыша.

Обычно волк-отец не перетаскивает щенков, это делает волчица, хотя иногда, во время близкой опасности, бывают и отступления от правила. Вот и сейчас вожак помогал матери-волчице, и она не возражала, полагаясь на его ум и опыт.

Далеко уйти от норы волки не могли: в норе оставались еще три малыша, которым грозила гибель.

Спрятав принесенных волчат в углублении под сосной, Мага и Вой тотчас ринулись обратно. Еще двух волчат они отнесли от норы и уложили рядом с первыми. Все четверо негромко урчали, толкались лапами, устраиваясь поудобнее, не понимая еще, какая им грозит опасность.

Волк-отец остался с ними. Он то стоял, замерев и прислушиваясь, возле щенков, то нервно ходил взад-вперед неподалеку, но успокоиться и прилечь никак не мог. Он ждал Магу с последним волчонком. Время шло, а волчица не появлялась...

Когда она вернулась к логову за пятым щенком, то поняла, что опоздала. Человек, сняв рюкзак и ружье, уже копал лопатой землю, расширяя вход в волчье убежище.

Мага затаилась в кустах, не в силах покинуть опасное место.

Охотник отложил лопату, протиснул свое большое тело в нору. Через минуту щенок уже был в его руках... Он подержал малыша в ладонях, потрепал его по ушам. Волчонку, не знакомому с запахом человека, таким страшным для взрослых волков, руки эти показались приятными, ласковыми, и он лизнул человеческую ладонь.

— Ух ты, подлиза!..— сказал человек.— Один и остался, остальных-то, поди, мать унесла. И как она успела? Но ничего, мы еще твоих братцев с собаками поищем...

Он положил волчонка в рюкзак, закинул его на спину и, подобрав с земли ружье и лопату, пошел быстрым деловым шагом.

Таясь за кустами и деревьями, волчица шла следом. Высокая неуклюжая фигура мелькала перед ней сквозь листву. Над тропой стоял отвратительный запах самого человека, горелого пороха, железный острый запах ружья. Неведомая великая сила тянула мать-волчицу вслед за своим малышом. Только на краю леса, у самой деревни, Мага остановилась. Постояв, медленно двинулась обратно, туда, где в ее защите, помощи и заботе нуждались другие волчата.

2. ЧЕРНЕЦ

Вспомнив, что опасность еще висит над ее семьей, Мага заторопилась.

Старый вожак услышал ее бег, когда она была еще далеко, и бросился навстречу волчице. В ее зубах не было волчонка...

Вой и Мага перетаскивали щенят все дальше и дальше от прежнего логова.

Пряча следы, они проходили по каменным карнизам скал, дважды шли по ручью, меняли направление пути.

День ушел далеко за половину, когда волки подобрали наконец новое жилище. Они решили обосноваться в неглубокой яме под корнями вывороченной ураганом сосны.

Спрятавшись в новом логове, волчица отдыхала, обнимая лапами малышей, беспокойно тыкавшихся в теплый живот матери. Изголодавшиеся щенки

усердно насыщались, жадно потягивая ее набухшие соски.

Вожак возвращался с охоты перед самым рассветом. Он еще не изучил местность вокруг нового логова, но уже чувствовал, что где-то рядом пасутся овцы. Иногда он видел свежий помет, небольшие клочки шерсти на кустах, улавливал густой овечий запах. Это отвлекало его от лесной охоты, возбуждало желание найти отару. Сейчас он неожиданно вышел прямо на овец. Большое стадо мирно паслось на лесной опушке. Не чувствуя опасности, овцы широко расползлись по пастбищу, некоторые паслись даже за деревьями. Пастух сидел на пеньке в стороне от стада. Невдалеке от него крутился крупный деревенский пес.

Стоило только напугать глупых животных, как они с громким блеяньем в панике заметались бы по опушке. И тогда, в суматохе, нетрудно незаметно схватить овцу и унести. Но логово с волчицей и волчатами совсем близко. Выдать свое присутствие — значит подвергнуть опасности семью. И мудрый осторожный старый волк отказался от такой заманчивой и легкой добычи.

Спокойно отступив в лес, подальше от овец, он не спеша двинулся к логову.

Пришел июнь, солнечный и теплый. Волчата — две самочки и два самца — быстро подрастали. Они уже выходили из логова, резво играли на молодой траве: затевали возню, кидались друг на друга, кувыркались, негромко урча. Но вот кто-то ненароком больно задевал другого, и тот, сразу ощетинившись, показывал братьям еще небольшие, но острые и ослепительно белые клыки. У щенков уже начинал проявляться волчий характер...

Мага и Вой подолгу наблюдали за играми малышей, ни на миг не забывая о постоянно грозящей им опасности. Они зорко всматривались в окружающий лес, вслушивались в многочисленные звуки.

Среди волчат выделялся крупный щенок с темной, почти черной мордой. Он был самым спокойным, самым неторопливым, в его походке уже чувствовалась уверенность, которой и в помине не было у его брата и сестер. Волчица-мать чаще, чем других, лизала этого необычного щенка, но, несмотря на ее

старання, морда его не только не посветлела, а, казалось, с каждым днем становнлась все черней.

Черномордый волчонок был заметно больше других, даже голова его была длнннеи н шнре. И поведеннем он стал отлнчаться от своих сестер и брата. В самый разгар нгр н вознн он мог внезапно встать, отойти в сторону, серьезно н недовольно разглядывая остальных щенят, которые тотчас оставлялн его, забиваясь в отдалеиные уголки ямы, все еще служившей нм логовом.

Мать-волчица почему-то ие одергивала его, когда он пугал остальиых щеият. Она чувствовала в нем зреющую внутреннюю снлу, и это и страшило, н радовало ее.

Вскоре волчата уже призиавалн первеиство Чернеца, онн послушио следовалн за ннм иа прогулках вокруг логова, которые совершалнсь под прнсмотром роднтелей. Чериец, спокойный н нетороплнвый, словно сознавал свое особое положенне: держался всегда уверенно, без суеты, к волчатам относнлся дружелюбно, однако избегая особой блнзостн.

Иногда роднтелн прнноснлн малышам полужнвую добычу: зайца, куропатку или тетерку, н щенки легко расправлялись с ннмн.

Но вот однажды Вой прннес к логову большую пепельно-черную, местамн отлнвавшую зеленоватым металлнческнм блеском птицу. Ее могучне крылья былн помяты, краснобровая голова с длнииой чериой бородой безжизиеиио болталась.

Когда щенки окружили птнцу, она, встрепенувшнсь, с иеожиданным ожесточеннем стала обороняться. Изрядно помятый глухарь ие мог ии улететь, ни убежать, ио и сдаваться не собнрался. Он сильио ударнл клювом одного из волчат. Тот взвизгиул и отпрянул. Дважды еще щеията пытались иапасть иа птицу, и дважды глухарь отбнвался, больно ударяя и пугая волчат.

Мага н Вой спокойио смотрели иа пронсходящее, ие вмешнваясь. Можно было бы показать щеиятам, как нужно брать такую добычу. Но волкн ждали, когда же наконец попытается сделать это стоявший до снх пор чуть в стороие Чериец. Пока он лншь вннмательио наблюдал за неудачными попыткамн другнх волчат схватнть глухаря.

Но вот иастал момеит, когда иапугаиные волчата

отступнлн. Глухарь шнпел, ожндая нового нападеиия. И тогда Чернец неожиданно быстрым и ловкнм для щенка прыжком кннулся к птнце, сделал едва заметное обманное движение, глухарь попытался его ударнть клювом, промахнулся н был схвачен волчонком точио за середиину шеи... Волчоиок действовал как опытный, находчивый, даже изощрениый в охоте волк!

3. ДЕРЕВЯННЫЙ МОСТ

В жаркне дии Мага и Вой уводили волчат к озеру. Неподалеку от логова в иизние лежало небольшое озерко, густо заросшее у берегов камышом. Здесь, в зарослях, было удобио купаться даже дием: высокая трава иадежио прятала зверей от чужого глаза. Волки учнлн малышей плавать, уверенио держаться иа воде. Первенствовал, как всегда, Чернец. Едва погрузившнсь в воду, он быстро н ровно поплыл. Его черная морда стремительио рассекала воду, он греб сильио и увереиио. Роднтели уже прнвыкли к тому, что Чернец все схватывает иа лету, однако сегодня ои опять уднвнл нх.

Стоял жаркнй июльскнй день. Прн полном безветрнн комары, оводы и слепии особеиио докучали волчьей семье. Вой повел стаю к озеру.

Щеики плескалнсь, иаслаждаясь прохладиой водой, пнли ее, сиова в камышах поблнзости от роднтелей. И вдруг чериомордый волчоиок иа миг насторожнлся и тотчас кинулся в стороиу открытой воды.

Это встревожило вожака. За свою долгую жнзнь ему еще не приходнлось видеть, чтобы иесмышленый щенок проявлял такую самостоятельиость. Старый Вой поспешил следом.

Чернец тем времеием скрылся из виду, н вожак лншь слышал, как ои плывет. Затем раздался сильный плеск. Волк-отец рваиулся вперед, ио иа чнстой глади озера не увндел волчонка. Только кругн на воде говорнли о том, что здесь только что плыл зверь.

Старый волк заволновался, озираясь. И в это мгновенье нз-под воды шумно выиырнул щеиок. В зубах у иего трепетала ондатра...

За самовольиый поступок Чериецу полагалась трепка, одиако добыча искупала его внну, н волк-

отец, только фыркнув негромко, повериул к берегу. Чернец как ии в чем ие бывало последовал за ннм.

В этот же день черномордый щенок отыскал около озера два утнных гнезда. А ведь волчата еще не были обучеиы этому. Из всех видов охоты оии зиали пока только однн — мышкованне. Чернец н тут не знал равиых: с бесконечным терпеннем вынскнвал он норки полевок и ловил их, ловко вспугнвая зверьков или раскапывая подземиые ходы.

Так однн за другим проходили летние дии. Волчата былн веселы н здоровы. Мага н Вой — спокойны.

Однажды иа рассвете, когда щеикн нграли возле логова, произошло еще одно неожиданное событие. Связано оио было со старым вороном Карлом.

Наверное, Карлу иногда надоедало смотреть на землю сверху, с вершии высоких деревьев, и ои спускался инже, чаще всего устраивался на зараиее облюбованном пне. Но в такнх случаях он был особенно осторожеи. Никогда н никому ие удавалось даже прнблизнться к нему прежде, чем ои взлетнт. Но Чернец прнблнзился.

Заметнв, что ворои сидит иа пеньке невдалеке от логова и иаблюдает за волками, щенок иезаметно отделнлся от семьи, юркиул в сторону, в кустарннк, сделал большой полукруг по лесу и вышел к ворону сзадн.

Медлеино и совершеиио бесшумно Чериец подползал к Карлу. Когда оставалось совсем немиого до птицы, волчонок вскочил н быстрее молнни метнулся к добыче... Карл, учуяв двнженне за спииой, быстро обернулся и зло, раздраженно выкрнкнул хрнплым инзким басом прямо в раскрытую пасть волчонка:

— Ка-а-а-р-р-р-л-л-л!

Его возмущенный внд словио говорнл: «Куда ты лезешь, глупец? Не вндншь, что лн, ведь это я, Карл!»

Чернец нн на мнг ие растерялся. Однако и ворон ие дремал. Выплюнув в морду волчоику свое «Карл!», прозвучавшее как проклятье всему волчьему роду, породнвшему такого резвого иахала, старый ворон взмахнул крыльямн и взлетел. В зубах у Чернеца осталось черное перо, вырваииое из хвоста Карла...

Ворои уселся иа самой вершнне старой елн и, покачнваясь, закаркал. Он долго еще ие мог успокоиться. Навериое, впервые за долгую жнзнь у иего вырвалн перо.

В иачале августа погода также была хорошей. Мага и Вой прииосили волчатам обнльную добычу. Щенкн с удовольствием елн и созревающие ягоды.

Одиако к середиие месяца пошлн обложиые дожди, почва намокла, лес пропнтался сыростью, но было необычно тепло, даже душио для поздиего лета.

Одиажды на рассвете, когда родителн уже покормилн малышей, иачалась гроза. В конце лета на севере грозы редки. Тем более такие снльные. Мага забеспоконлась. Глядя на нее, забеспокоился и вожак, хотя обычно ои меньше обращал винмання на погодиые капрнзы, чем мать-волчнца.

Логово, в котором теперь жила семья, ие было выбраио так тщательио, как то первое, откуда пришлось бежать волкам из-за охотника. Оно было расположеио иедостаточио высоко и в случае снльного ливня могло быть затоплено. А лнвень надвнгался.

Черные ннзкне тучи, казалось, леглн прямо на вершнны деревьев, словно придавливая своей тяжестью лес. Испуганные волчата жалнсь к матерн. Вожак лежал около логова, настороженный, готовый каждое мгновеине к любым неожиданностям.

Молиня сверкиула раз, другой, и сразу хлынул дождь. Не дожидаясь пока логово и вся поляиа вокруг окажутся в воде, старый волк, коротко взвыв, поднял выводок.

Гоннмые страхом н прнказом вожака, волки устремились к старому сосняку, который рос невдалеке, на возвышенном месте, и где было всегда сухо, даже в самые иеиастные осеииие дии. Но путь к нему был отрезан ручьем, вмиг набухшнм от лнвня. Перебраться вброд через него было иевозможио. Вожак повернул вдоль ручья в поисках переправы. Вскоре волкн остановнлнсь возле сооруженного людьмн легкого иастнла с перилами. Мостик был построеи имеино иа случай наводнення, чтобы в днн разлнва ручья его можно было перейти. Одиако поток сейчас был иастолько бурным и полноводным, что вода уже перехлестывала через мостнк. Поколебавшнсь мгновенне, вожак дал сигнал к переправе. Но и краткая задержка обериулась бедой. Волки уже почти достнгли протнвоположного берега. Два-три прыжка — н они были бы иа твердой земле. И тут вдруг — какое невезенне! — под иапором воды старый иастил рухнул. Зверн оказалнсь в воде. Круговерть и шум потока,

грохот смытого моста оглушили их. В общей суматохе Маге и Вою трудно было уследить за щенками.

Когда семья выбралась на берег, маленькой волчицы среди волчат не было. Матерые метались по берегу, вглядываясь в воду, но напрасно...

Мокрые и понурые вернулись волк-отец и мать-волчица к малышам. Вскоре уменьшившаяся волчья семья уже устраивалась под кучей валежника в удобной небольшой яме, заросшей пушистым мхом и скрытой густыми зарослями соснового молодняка. Стихия еще бушевала, но теперь она была не страшна зверям. Щенки, свернувшись клубками, лежали вокруг волчицы-матери, усталые, продрогшие, напуганные. Они дремали, согревались, набирались сил. Старый вожак облюбовал себе удобное сухое место, но не в яме, а под сосенками на бугорке. Он охранял покой семьи.

4. МЕСТЬ

В дождях прошел остаток лета. Выдавались и солнечные дни. И тогда особенно радовала глаз буйная сочная зелень вдоволь напоенного влагой леса. Казалось, щедрые силы природы безбрежны — так обильна была земля травами, цветами, плодами и разным зверьем. Однако так было лишь до первых колючих ветров осени. Они положили конец изобилию, свету, теплу.

Волчата к осени подросли, окрепли. Игры их возле логова все больше напоминали охоту, но стаей щенки еще не охотились. Особенно заботливо опекала волчат Мага. Возвращаясь с добычей, она негромко подвывала — извещала щенков, что она спешит к ним, что она рядом. Волчата тотчас откликались и, когда были очень голодны, сразу же выбегали ей навстречу, удаляясь от логова. Это было опасно, и Вой не одобрял таких прогулок, хотя и сам иногда, уже после отклика волчат, тоже подавал голос, чтобы они не разминулись с родителями. Ночи стали темными, и матерые возвращались с охоты почти всегда в глубокой темноте.

Этой ночью щенки сильно проголодались и ждали ушедших на охоту родителей с особым нетерпением.

У брата и сестры Чернеца голод притуплял осторожность, заставлял забывать о страхе перед огромным, малознакомым, опасным окружающим миром. Они готовы были опрометью бежать навстречу родителям, чтобы быстрее схватить часть их добычи. А у Чернеца, кроме жгучего желания насытиться, голод, как ни странно, вызывал еще и беспокойство, ощущение опасности, повышал осторожность.

В напряженном ожидании проходило время. Наконец до логова донесся негромкий волчий вой. Он долетал издалека, к тому же шум леса заглушал его. Подвывала ли это Мага, было неясно, но голодные, истомившиеся в ожидании еды и родителей щенки кинулись на этот вой, откликаясь на ходу...

Мать-волчица снова подала голос, и почему-то так же издалека, будто стояла на месте.

Выскочив из убежища, волчата обнаружили, что с ними нет Чернеца. Почему он остался в логове, почему молчит? Щенки привыкли брать с Чернеца во всем пример, ему подражали, его слушались. Отсутствие брата умерило пыл щенят, они замешкались.

Но вот снова донесся глухой и протяжный вой, и, немного поколебавшись, волчата двинулись ему навстречу, все время оглядываясь: не появится ли Чернец, не пойдет ли следом? Теперь они подавали ответный голос уже не так громко, как вначале, когда выскочили из логова.

Возвращаясь с охоты, волки-родители тоже услышали вой, который выманил волчат из убежища. Они сразу поняли, что воет не волк. Звук был фальшивым и слабым: человек подражал волку! Человек мог выманить щенят из логова! Надо остановить, перехватить малышей, предотвратить их встречу с врагом...

Лучше охотника, который заманивал ее щенков, слышала их негромкие отклики Мага и торопилась к ним так, как только может торопиться мать, чтобы спасти своих детей.

Старый вожак кинулся в другую сторону — навстречу врагу. Достаточно приблизившись к притаившемуся в черной тени деревьев человеку, Вой застыл в ожидании. Долго ждать ему не пришлось — человек снова издал звук, похожий на волчий вой.

И тогда вожак, отбежав на безопасное расстояние,

тоже завыл. Он нарушил закон молчания, который волки соблюдают, уходя от людей, нарушил — чтобы отвлечь врага от логова, от детенышей, от волчицы-матери. Вой его был мощным, вызывающим. Вожак словно хотел показать человеку, как воют настоящие волки.

Не дожидаясь, пока охотник приблизится, старый волк прервал свою громкую песню и рванулся в сторону, в глубь черного ночного леса, уводя человека от логова, от семьи.

Мага тем временем успела перехватить щенков и спрятаться с ними в логове, где, проявляя выдержку, отсиживался Чернец. Он единственный из волчат вовремя учуял опасность и сделал все, чтобы избежать ее.

И мать, и щенки слышали, как завыл старый Вой сразу после поддельного воя, и затаились, с тревогой ожидая избавления от беды и возвращения отца-волка.

Кончились ясные сентябрьские дни. Желто-оранжевая и алая листва облетала, застилая лес мягким шуршащим ковром, открывая для глаз обширные пространства.

С началом октября стая заметно расширила участок охоты. Волчата уже окрепли, выросли и были готовы к суровой походной жизни стаи.

Первый выход молодых волков в долгий зимний поход вожак совместил с первой коллективной охотой. Он повел стаю туда, где паслась знакомая ему отара овец.

Не успела семья уже достаточно удалиться от логова, как навстречу ей вышли двое волков.

Звери сбились в кучу. Волчата настороженно смотрели на гостей — они не знали никого, кроме отца и матери. Но Мага и Вой приветливо встретили этих двоих. Ведь это были Ко и Зуа...

С ними уже не было ловкого и смелого Ва. Он подыскал себе подругу еще в конце прошлой зимы и сейчас, наверное, где-то в дальних лесах тоже выводил на первую охоту своих, выращенных за лето, волчат.

Зуа, видимо, не встретила достойного самца, чтобы завести свою семью, и осталась с младшим братом. Сейчас они возвращались в стаю Маги и Воя.

Когда за холмом показалось овечье пастбище, матерые остановили волков. Вожак знал, что овцы до первого снега должны быть здесь. Теперь-то он пустит на них стаю!

Все лето он вынужден был терпеть эту отару, не трогать ее. Потому что рядом было его логово, его щенки. И теперь предстоящая охота увлекала его, словно это была расплата за то, что овцы посмели пастись так близко от логова, от семьи его, старого Воя...

Момент для разбоя был благоприятный: пастух сидел на пеньке и завтракал, собака лежала у его ног. Сторожá не беспокоились — овцы паслись плотной кучей, не разбредаясь.

Волки напали на отару в самом удаленном от пастуха месте. Напали открыто, не таясь. Вожак, ворвавшийся в стадо, молниеносно резал одну овцу за другой. Будто сама овечья смерть, страшная и неотвратимая, метался он от жертвы к жертве и резал, резал, резал...

Зачем это было нужно старому волку? Ведь он понимал, что столько добычи ему не унести. Может быть, запах крови опьянил вожака, затуманил голову, заставил на время забыть об осторожности и расчетливости, к которым приучили суровые условия существования? А может, сказался безудержный, неуемный характер и волк дал выход накопившейся свирепости и жадности?

Пастух заметил волков почти сразу после нападения и стал стрелять, чтобы отпугнуть стаю. Но за считанные мгновения хищники успели зарезать многих овец, хотя унести с собой смогли только трех. По одной уносили матерые, а третью, как ни странно, нес Чернец...

В первый же момент нападения на отару мать-волчица схватила зарезанную вожаком овцу, закинула ее себе на спину и понесла. Пока Зуа и Ко нападали на других овец, а прибылые щенки крутились около них, Чернец попытался повторить действия матери. Схватил ягненка поменьше, уже зарезанного, и, точно копируя, повторил движения матери. Однако, не умея рассчитывать силу броска, не удержался на ногах и несколько раз перевернулся вместе с тушей, которую так и не выпустил. Через миг он снова повторил маневр и снова перевернулся — слишком тяжел был

ягненок и слишком силен был бросок. И тогда волчонок понял, что надо сделать, чтобы устоять: забрасывая ягненка на спину справа, Чернец отставил в сторону обе левые ноги, прочно оперся на них и таким образом удержал равновесие.

Когда раздался выстрел пастуха, Чернец уже несся с ягненком на спине, догоняя мать-волчицу.

Через два дня на рассвете выпал снег. И хотя снег был первым и мог еще растаять, это ничего не меняло: начиналась зима, ранняя северная зима, длинная и суровая.

Вой знал: по следам на чистом снежном покрове людям легче искать стаю. А искать ее после нападения на отару они обязательно будут. Значит, надо подальше уводить семью — и без малейшего промедления.

Как всегда, во главе цепочки стала Мага. За ней спокойно пристроились Зуа, потом Ко. В середине заняли место волчата. Не так просто было им попадать след в след за взрослыми. Молодые волки сбивались, меняли ногу. Только Чернец, идущий предпоследним, впереди отца-вожака, как всегда спокойный и неторопливый, ступал размеренно и точно, словно не замечая суеты и неуверенности других щенков.

Волки торопились. Оставляя позади себя опасность, они шли, не подозревая того, навстречу другим опасностям.

5. ПРЕВРАТНОСТИ ВОЛЧЬЕЙ СУДЬБЫ

Дни становились короче. Почти каждую ночь мело.

Однажды перед рассветом стая наткнулась на следы лося и неожиданно быстро его окружила.

Большой Уг — это был именно он — дремал, лежа в сугробе, утомленный долгим переходом, совершенным накануне вечером. Из-за свиста метели он не заметил опасности вовремя.

Едва учуяв волков, лось вскочил — напряженный, решительный, бесстрашный. Он понимал: бежать бесполезно. По сильному резкому запаху, хлынувшему на него из-за кустов, он знал, что здесь, рядом, целая стая, и в течение нескольких мгновений приготовился

к бою: взбежал на открытую вершину холма, чтоб волки не смогли подобраться незаметно.

Утренние сумерки рассеивались. В лесу светлело. Теперь Уг чувствовал себя уверенней. В полумраке он видел плохо, тогда как волки отлично видели даже в полной тьме.

Прежде чем перед лосем появились серые хищники, он услышал их шумное дыхание, хруст и скрип торопливых волчьих шагов. Вблизи он разглядел и вожака, вспомнил прежнее знакомство с ним.

Опытный, бывалый бык сразу оценил силы врага: почти половина стаи — молодые волки, они не полезут в бой, от взрослых можно отбиться.

Вой тоже узнал лося. Его на испуг не возьмешь! Предстоит нелегкая борьба с сильным и очень умным зверем.

Первой сбоку кинулась на лося Мага. Стремительно повернувшись в ее сторону, сохатый резко выбросил вперед свое разящее переднее копыто, и ловкая волчица едва увернулась от смертоносного удара.

Пытаясь использовать момент единоборства быка с волчицей, к нему разом бросились Вой, Зуа, Ко и даже Чернец.

Казалось, участь быка была предрешена...

Но это был не кто-нибудь, а Большой Уг! Молниеносно повернувшись по кругу, он пуганул волков, и они отпрянули. Последним в серии его выпадов был не обманный, а направленный быстрый и мощный выброс передней ноги, который должен был уничтожить волка, раскроить, разможжить ему череп. И этот удар предназначался Чернецу.

Однако впервые участвовавший в охоте на лося волчонок, предугадав маневр сохатого, успел отскочить. Наблюдательность, осторожность, ловкость и быстрота в сочетании с обостренным чувством опасности помогли Чернецу спастись и на этот раз.

Еще долго крутилась стая вокруг сохатого. Рычание и лязг волчьих зубов смешивались с хриплым, возбужденным дыханием лося, но на истоптанном снегу не было видно ни одной капли крови.

Когда полуденное солнце проглянуло из-за туч, словно напоминая волкам о предстоящей дороге, вожак решил прекратить бесполезную и опасную охоту. Большой Уг оказался стае не по зубам...

Волки уходили не торопясь, ступая след в след,

уверенно и спокойно, будто ничего не произошло, будто не было сейчас неудачной охоты, будто не были они озлоблены, утомлены, голодны...

Большой Уг еще долго стоял, боясь расслабиться, но потом тоже двинулся — в противоположную сторону.

Прошло еще два дня, и стая все-таки попала в облаву.

На рассвете, когда семья еще отдыхала после удачной охоты на зайцев, внезапно забеспокоился, заволновался Чернец. Он выбирался из мягкого сугроба на краю опушки, стряхивал с густой шерсти снег, топтался, нюхал воздух, снова устраивался в сугробе и снова вставал, вселяя тревогу в мирно дремавших, сытых, усталых волков.

Казалось, ничто не предвещало опасности, но, понаблюдав за волчонком, старый вожак поднял стаю и быстро повел ее в глубь леса.

Волки уже довольно далеко отошли от опушки, как вдруг неожиданно увидели быстро скользящего на лыжах человека. Вдоль его следа оставался тонкий, бесконечно длинный шнур, на котором полыхали знакомые флажки смерти.

Напуганная стая обернулась к вожаку. Он должен найти верный, безопасный выход из облавы. Но старый вожак пока такого выхода не знал.

И вдруг Чернец, робко поглядывая на отца-волка, сделал несколько шагов в сторону... Старый Вой сразу понял его и вместе со стаей рванулся, чтобы успеть уйти, успеть опередить человека, пока он не замкнул страшный круг веревкой с красными флажками.

Семья проскочила там, где вскоре должен был появиться охотник. Еще мгновение — и они скрылись бы в лесной чаще. Но этого мгновения у зверей не оказалось в запасе. Человек увидел стаю. Уверенный, что волки остались в окладе, охотник при виде их настолько растерялся, что даже схватил с плеча ружье, бесполезное на таком расстоянии. Однако стрелять не стал...

Сначала бегом, потом торопливым шагом волки уходили от смертельной опасности.

Хотя семья вырвалась из облавы, острая тревога не покидала Чернеца. Он шел в общей цепочке, по-

стоянно оглядываясь, вздрагивая, озираясь, словно предчувствие близкой беды не давало ему покоя. Волки пересекали открытую заснеженную поляну рядом с густым березняком. И здесь случилось неожиданное.

Увидев, что идущая впереди Мага круто повернула, огибая на пути бугор, молодые волки решили срезать угол. Цепочка распалась, волки уже не шли след в след. И вдруг высокий пронзительный стон, похожий на крик о помощи, вырвался из груди Чернеца. Все обернулись на звук...

Испуганный и растерянный молодой волк стоял на утоптанной звериной тропе, которую не успел еще пересечь, его переднюю ногу сжимал незнакомый темный предмет. Но старые волки знали, хорошо знали, что это такое... Помочь Чернецу было нельзя. И Мага и Вой понимали это. Чтобы спасти остальных волков, нужно было уводить стаю.

Волчонок долго смотрел в ту сторону, куда ушла родная стая. Он все еще не мог поверить, что остался совсем один. Один во власти страшной западни. Оцепенение сменилось буйством: Чернец выл, метался, стараясь вырвать ногу из капкана. И чем больше он рвался, дергал ногу, тем сильней она болела, оставаясь прочно зажатой в капкане. Капкан был не волчьим. Чернец совершенно случайно наткнулся на эту ловушку, поставленную на более мелкого зверя. Но вырваться из прочных стальных челюстей оказалось невозможно. Оставалось перегрызть лапу... Может быть, Чернец и сделал бы это, но не успел.

Из-за снежного бугра вышел охотник. Наверное, он услышал вой Чернеца, а может, просто шел по следу стаи.

Увидев человека, Чернец заметался еще отчаянней, кинулся прочь, но капкан, привязанный к толстой осиновой чурке, волочился за ним, мучил лютой болью в ноге и связывал движения. А человек уже бежал к зверю, держа ружье наизготовку, чтобы он не ушел, случайно вырвавшись из капкана.

Что мог сделать для своей защиты волчонок? Он злобно оскалился, зарычал, шерсть его вздыбилась. Охотник, подойдя, увидел, что это не взрослый волк, и спокойно разглядывал щенка.

Это был знакомый нам человек — бородатый зоолог. Но Чернец не мог знать о его доброте. Он боялся и ненавидел людей и ожидал от них лишь одного — смерти.

Неожиданно и быстро человек накинул на зверя ватник, ловко связал его, осторожно снял с ноги капкан. Он уложил волчонка в мешок, встал на лыжи и спокойно двинулся к дому, на знакомую нам лесную базу зоологов, находившуюся в нескольких километрах отсюда.

6. ЯМА

Волчья семья уходила от преследования в малолюдные места. Поднявшаяся поземка колко швыряла снег в глаза зверям, замедляла движение стаи, зато заметала ее следы, помогала скрыться.

И прибылые, и взрослые волки нет-нет да и оглядывались назад: не появится ли оставленный ими в беде Чернец? Может быть, ему удалось вырваться из капкана... Помочь они ему были не в силах, но и забыть так скоро не могли. Наверное, больше других тревожилась о покинутом волчонке Мага. Не потому ли ей изменили обычно обостренное внимание и осторожность? В этом трудном походе прокладывать путь Маге помогали, сменяя друг друга, и Вой, и Зуа, и Ко.

Сейчас, по грудь увязая в снегу, впереди опять шла мать-волчица. Вот она поднялась на небольшой снежный бугор и вдруг исчезла...

Волки остановились в растерянности. Через миг вожак уже стоял возле того места, где только что была Мага. Перед его взором зиял провал в обрушившемся сугробе. На дне глубокой ямы барахталась волчица. Придя в себя после неожиданного падения, она призывно взвыла. Тотчас ей ответило несколько волчьих голосов. А старый Вой, отбежав от ямы, стал быстро рыть пологую траншею в ее направлении. Остальные волки, быстро поняв, в чем дело, бросились ему помогать.

Прошло совсем немного времени, и волчица была спасена.

Зимний день вступал в свои права, а звери все шли и шли. Понимая опасность, которая по-прежнему

преследовала стаю, вожак решил продолжать переход и днем.

Внезапно волчица замерла и обернулась назад. Через миг старый Вой стоял с нею рядом, слушал лес и чутко внюхивался в слабый ветерок. За голосами дневных птиц волки различали едва слышные шорохи. Остальные члены семьи замерли кто где стоял, внимательно глядя на матерых, и тоже слушали лесную тишину.

Но вот вожак резко шагнул в сторону и лег в снег, утонув в сугробе по уши. Мгновенно улеглись все, и там, где только что стояла волчья семья, теперь немо белели снега, обнимая стволы деревьев.

Еще миг тревожная тишина оставалась висеть в морозном воздухе, затем все отчетливо услышали неприятный, скрипучий звук человеческих лыж.

Волки лежали, глубоко вжавшись в снег, осторожно, беззвучно дыша. Человек не должен был видеть стаю. Едва высунувшись из-за сугроба или из-за деревьев, звери внимательно следили за ним. А он быстро скользил за деревьями, уже удаляясь от стаи.

Еще одна встреча с человеком обеспокоила вожака, усилив его тревогу. Запах человека угрожающей волной хлынул в ноздри, и сердце старого Воя гулко застучало в широкой груди, забилось сильно, взволнованно.

Когда затихли самые отдаленные звуки, вожак поднял волков. По глубокому снегу идти было трудно, но звери шли и шли, не отдыхая и не останавливаясь. Незадолго до сумерек стая улеглась — надо было отдохнуть перед ночным переходом, а может быть, если повезет, перед охотой, если она случится ночью.

За все годы своей нелегкой волчьей жизни Вой впервые так остро переживал потерю волчонка... Такого волчонка, как Чернец, старый вожак еще не имел в стае никогда. Матерые уже настолько привыкли к Чернецу, к его находчивости и сверхосторожности, что сейчас им его не хватало. Теперь в трудный миг матерым не на кого было взглянуть в поисках решения, кроме как друг на друга...

Вот уже год, как не было в семье ловкого и сильного Ва, сейчас у него была своя стая, и Вой даже не знал, где кочуют эти волки. Но отсутствие Ва в родительской семье не беспокоило волка-отца и ка-

залось незаметным, потому что это было естественно. И то, что Зуа осталась в родительской стае на третий год, было в пользу семьи. Но уйди она сейчас, ее бы никто не стал задерживать. А вот Чернец выбыл из стаи преждевременно. Ведь он, несмотря на редкие способности, был еще щенком, волчонком первого года. И если всегда потеря щенка была для стаи серьезной неприятностью, то утрата Чернеца казалась непоправимой бедой.

Когда оледенелая луна повисла в ветвях ближайшей сосны, вожак поднял семью, и они снова пошли по хрусткому, подмерзшему к ночи снегу.

7. ТРИ ПОДКОПА

Сутки Чернеца продержали в темном сарае. И все это время лайки во дворе не могли успокоиться — терпеть соседство извечного врага они никак не хотели. Долго не утихали их непримиримый лай и остервенелое рычание. Даже когда, утомившись от бессильной ярости, псы умолкали, все равно кто-нибудь из них время от времени злобно взлаивал.

Это нервировало волчонка. До самой ночи пролежал он в дальнем углу, вздрагивая при каждом звуке, долетавшем до него из-за двери. Но едва стемнело, Чернец поднялся и тщательно обследовал свою темницу. В углу он обнаружил большой незнакомый предмет, от которого жгуче пахло чем-то ядовитым. Это была бочка с бензином. Волчонок, понюхав ее, отпрянул назад, несколько раз чихнул и даже закашлялся.

Половину ночи он нервно ходил из угла в угол, не находя себе места, возбужденный, растерянный, испуганный. Торопливо и беспокойно сновал он по сараю, чуть прихрамывая — побаливала ушибленная капканом нога,— и все никак не мог найти пути к спасению: дверь была крепко заперта, других отверстий он не нашел. И только незадолго до рассвета волчонок вдруг сообразил, что в земляном полу сарая можно сделать подкоп под стеной и вырваться на волю. Он тут же бросился рыть землю, хотя понимал, что до рассвета вряд ли успеет осуществить свой замысел. Зверь спешил, напрягался, рыл, не жалея сил. И все же не успел.

Ранним утром пришел человек. Осторожно приоткрыв дверь, чтобы не выпустить пленника, он протиснулся в сарай, освещая себе путь фонариком.

Человек сразу же обнаружил яму под стеной и кучу вырытой земли. Кто это сделал и для чего — гадать не приходилось. Человек осветил волчонка, притаившегося в дальнем углу. Звереныш оскалился, гортанно и зло зарычал, засверкал глазами, шерсть его вздыбилась.

— Ладно, ладно,— сказал человек, словно надеялся успокоить его,— не бойся, не обижу...

Он рассматривал подкоп под стену и удивлялся. «Ну и ну! Везет мне на оригиналов! Волчонок — умница. А какой упорный: грунт ведь в сарае подмерз, его и лопатой-то брать не просто, а он лапами вырыл... Но все равно в лес ему еще рановато...»

Человек засыпал вырытую волчонком яму и, чтобы зверь снова не выгреб рыхлую землю, передвинул на это место бочку.

Когда он ушел, Чернец еще долго лежал в своем углу, словно отдыхая от пережитых волнений.

Пока человек не причинил ему никакого вреда. Даже наоборот: он освободил его от капкана, укрыл от собак, оставил воду для питья. Вот и сейчас принес и поставил у дверей миску, из которой тянуло таким знакомым запахом баранины. Но зверю сейчас было не до еды...

Место для нового подкопа он выбрал недалеко от бочки и снова стал упорно рыть твердую землю. Временами, ожесточаясь, он пускал в ход даже зубы. Когда был пройден верхний мерзлый слой, дело двинулось быстрей.

Человек появился в полдень. К этому времени яма уже ушла под стену, однако еще не была достаточно глубока, чтобы в ней можно было укрыться. Поэтому волчонок опять забился в дальний угол сарая.

Зоолог осмотрел новый подкоп, удивляясь упорству щенка, еще раз засыпал яму, прикрыв ее доской, конец которой подсунул под тяжелую железную бочку, и удалился. Он покидал щенка с острым чувством беспокойства. Волчонок, наверное, не успокоится, не оставит свои попытки к побегу.

С редким случаем пришлось ему столкнуться.

Он, всю жизнь изучавший зверей, хорошо знал,

что волки делают подкопы, нападая иа домашннй скот, укрытый в хлевах. Но ннкогда ие слышал, чтобы волк пытался уйтн от иеволн таким способом. К тому же перед ннм не взрослый видавший виды волк, а волчоиок. У него нет и не может быть богатого опыта, ои не успел еще даже усвоить опыт родителей. Откуда же такая сообразнтельность, дерзость и упорство?

К вечеру волчонок вырыл в сарае третью яму. Рядом с ией в свете фонаря человек увидел кровавые следы. Было ясно: зверь нзраннл лапы. Надо было что-то предприиимать...

Оставлять щеика в сарае было иельзя. Его следовало перевестн туда, где иет земляиого пола, то есть в дом, в сеин. Ученому необходимо было поиаблюдать за этим интересиым, уднвнтельиым зверем. Поэтому ои и ие мог сейчас отпустить его.

Не засыпав иа сей раз ямы, человек ушел в дом н тотчас вернулся с большим куском мешковииы в руках. Чериец не мог без сопротнвления довериться рукам человека. Он зарычал, показал в грозиом оскале свои острые ярко-белые зубы, но, когда иа его голову накннулн грубую тряпку, зверь уже ие сопротивлялся так отчаяиио, как в первый раз, там, иа сиегу, с капкаиом на иоге... Пока человек иес волчоика в дом, укутанный в мешковнну зверь вел себя очень спокойно, будто отдыхал.

Его пришлось поместнть в небольшой чуланчик в сеиях, рядом с жнлой комнатой.

Чернец очень долго залнзывал пораненные лапы, потом подошел к мискам, которые человек прннес сюда из сарая. Человеческий запах теперь уже ие так страшил н отталкнвал волчонка. Жажда и голод тоже делали свое дело. И он иаконец выпил воду, а иемного полежав, съел мясо н прннялся осматрнвать чулан. По сравиеиию с сараем здесь было сухо, тепло, не пахло собакамн. Через иебольшое окио под самым потолком проннкал тусклый вечерний свет, смягчая острое чувство замкнутого простраиства. Но уйти отсюда было невозможно. Это Чериец поиял, тщательио обследовав новое место заточеиня. И тогда, встав иапротнв дверн, закрывающей ему путь к свободе, он завыл.

Тоикнй, звучный, тревожный волчий вой заметался по избе, будоража затхлую тишину старого деревен-

ского дома. Тотчас откликнулись собаки во дворе остервенелым лаем. Они захлебывались от ненависти. Но в этом злобном лае Чернец улавлнвал отчетливые (может быть, незаметные для хозяина собак — человека) признаки глубокого, тяжкого страха, который собакн всегда испытывают перед волком.

8. ИГРЫ

Прошедшей ночью стае повезло. После долгого и упорного поиска перед самым рассветом волкн заметилн след двух оленей н даже обнаружили верхним чутьем нх запах, который еще держался в морозном воздухе. Значит олени недалеко. И семья бросилась вдогонку. Эти животные, обнтающне намного севернее, наверное, отбнвшнеся от стада, а может, всю зиму странствовавшие вдвоем, представляли заманчивую добычу.

Вой достаточно хорошо знал их повадки н сразу начал быстрое преследование. Учнтывая, что оленн осторожны и быстроноги, но не отлнчаются особой сообразнтельностью, вожак угадывал нх путь н вел стаю не по следу, а напрямнк, срезая углы и сокращая путь. Вскоре, оставнв Магу н Зуа позадн, Вой с остальными волкамн уже мчался наперерез оленям. А те, обнаружив нападающнх с двух сторон хищников, растерялнсь, заметалнсь, кннулись в сторону, увязая в сугробах...

Целый день сытая стая отдыхала, укрывшнсь в мягких пушистых сугробах. Только с вечерннмн сумерками волкн поднялись, чтобы вновь накинуться на оленьн тушн. И хотя острого голода онн не испытывали, но все же рвалн н глоталн мясо, почти не прожевывая, с обычной торопливостью и жадностью.

Еслн еда была, зверн прнвыкли наедаться до отвала. Ведь неизвестно, когда стая снова будет с добычей.

Сейчас в семье царило веселье, бодрое настроение. Раздражение, всегда владеющее голодной стаей, нсчезло. Еще вчера звери зло огрызалнсь по каждому пустяку, готовые пустить в ход свон острые клыки, теперь онн блаженно жмурились, высовывая длинные серые языки, зангрывали друг с другом. Один старый вожак не проявлял особой веселости, был, как всегда, сдержан н спокойно наблюдал за стаей.

Игры обычио первыми иачииали прибылые. Оии приставали к Зуа и Ко, иногда даже к матери-волчице. Но если иа своих старших едииоутробиых оии буквальио иабрасывались, перепрыгивая через иих, садились верхом и кубарем катились с иими по сиегу, то с волчицей-матерью заигрывали осторожио, крутились вокруг иее, ие задевая, словио выясияли, иастроеиа ли оиа иа игры. От Маги можио было получить и трепку. Такое тоже случалось.

Сумерки сгущались, темиота окутывала притихший лес, даже поземка умерила свои тоскливые всхлипы.

Старый волк смотрел, как резвились молодые. И в его цепкой звериной памяти возиикали прежиие игры, походы, волки, с которыми ои провел прошлые зимы, давние и буриые зимы его заметеииой сиегами волчьей молодости.

Ои словио видел сейчас воочию сквозь белую сиежиую пелеиу времеии своих братьев: и старших переярков, давио погибших от руки человека, и братьев-ровесииков, с которыми рядом проиеслось по лесиым опушкам и оврагам его щеиячье детство. Это было так давио, ио ои хорошо помиил то время. Оио оставалось в нем, отделеииое от всех остальиых времеи жестким барьером той первой в его жизии облавы, устроеииой людьми. Облавы, уиичтожившей родительскую стаю.

Старый вожак с тех пор иикогда ие участвовал в играх. Но всегда с удовольствием иаблюдал за резвой, суетливой возией и прибылых, и переярков своей стаи.

Ои вспомииал и иедавиие игры, в цеитре которых всегда был иеобыкиовеииый волчоиок — Чериец. Спокойиый и уравиовешеииый, в эти миииуты ои преображался. Ои даже иаучил волков иовой игре, которой раиьше старый Вой иикогда ие видел.

В первый раз Чериец затеял эту игру еще в иачале зимы. Мать-волчица отдыхала, лежа иа сиегу рядом с Зуа, и Чериец вдруг с разбегу перепрыгиул через иих, обсыпав обеих волчиц сиежиой пылью.

Потом, уже готовясь к играм, волки сами ложились в ряд, и кто-иибудь одии перепрыгивал через всех, затем ложился к остальиым, а прыгал следующий. Семья с иитересом следила за высоким быстрым полетом очередиого прыгуиа. Волки поворачивали головы ему вслед, и их приоткрытые пасти словио смеялись...

Все пронсходнло очеиь быстро: один летел в сиег, другой вставал, сразу же разбегался, прыгал... Снежные фонтаиы взлеталн над стаей, слышалось шумное дыхаине зверей, рычанне, внзг.

Такое же дикое веселье царнло н сейчас. Но старый вожак ясио вндел, как ие хватало семье Чериеца. Несмотря иа свой возраст, ои прыгал чуть ли ие выше всех н в момент прыжка задорио взвизгивал — звонко н певуче, словно прнзывал зверей последовать за иим. Это создавало какое-то особое иастроеине в стае, все возбуждались и действительио следовали за Чериецом, самозабвенно отдаваясь нгре. Даже мать-волчицу, несмотря иа ее весьма почтеииый возраст и отяжелевшее тело, волчоику удавалось вовлекать в этн веселые нгры-состязаиия, которые объедииялн стаю, подиимали в ней дух.

Вот н сейчас, взбодреииые игрой, волки решнтельно двиилулнсь в иелегкий иочиой поход. Матерые уводили семью в одном направлении — в глухие безлюдные места. И хотя по охотиичьей надобности стая часто отклонялась от этого иаправлеиия, ио, завершив охоту н отдохиув, сиова следовала своим путем.

Этой ночью ндтн было особеино трудно. Волкн оказались в глухом старом ельннке, завалеииом буреломом н валежинком. Лес здесь нзобиловал огромными валуиами. Камеиные глыбы, заснеженные, оледеиелые, преграждали путь, взбнраться иа иих было утомнтельно н опасно: одио иеверное двнжеиие — и зверь мог соскользиуть, упасть с высоты, сломать себе хребет... Чаще приходилось огибать валуны, выбирая более проходимые участкн. Идущая во главе стаи Мага уставала больше других. Иногда, по глубокому сиегу, ее подмеияла Зуа.

Вожак все время шел последним. Трудностн путн свндетельствовали о том, что стая близка к цели. В этой таежиой глушн даже не было просек. Сюда не дотягнвались человеческие путн. Это знал старый вожак, это, н только это, давало ему покой. К утру уже можио остановнться н начать метить свой иовый охотиичнй участок, новый район обитаиия, не заиятый другой стаей.

Семья была спасеиа н иа этот раз. Не удалось сохраиить только одиого волчоика — самого умиого, самого ловкого, самого иеобходимого стае.

9. ПОБЕГ

Изба постоянно источала сильные запахн умершего дерева. И Чернецу иногда во время дремы казалось, что он лежнт в огромном дупле сухой сосны.

В доме человека Чернец находился уже месяц. У него сложнлнсь непростые, но в общем добрые отношения с человеком — хозянном этого дома. Совсем не такие, какне былн у его отца — старого Воя, когда тот попал в плен к людям.

Когда человек входил в чулан с едой н пнтьем, волчонок теперь не только не скалнлся на него, но даже прнветствовал своего нового знакомого. Хвостом, правда, не вилял, но радостно вставал навстречу, глаза его весело блестелн.

Уже несколько дней человек выводнл волчонка на прогулку. На поводке, как собаку. И зверь подчнняллся — шел рядом спокойно н послушно. Правда, все время ознрался, остро н тревожно воспрнннмая запахи двора.

Чернец долго не подпускал к себе человека, не позволял ему дотронуться до себя, погладнть. Волчонок не рычал, не злился, только внимательно и настороженно следил за ним, готовый в любой мнг отпрыгнуть, шарахнуться в сторону, в дальннй угол.

Еще труднее было прнучнть его к ошейннку. Сначала человек касался новым, не пахнущим собакой ошейннком морды зверя, его шен, давал тщательно обнюхать. Но стоило застегнуть ремешок на шее волчонка, как тот начинал метаться по чулану.

Только через суткн волк подпустнл человека и тот снял с него ошейник. Несколько раз повторялась эта процедура, пока зверь наконец не прннял ошейннк как необходнмость, непрнятную, но не опасную.

Ученый гулял с волчонком во дворе, удалнв оттуда на время собак, водил его даже по краю леса, держа на длинном прочном поводке.

Он вымыл в чулане полы и постелнл для волчонка кусок толстого войлока в тот самый угол, куда зверь любнл чаще всего забнваться. Через несколько дней он обнаружнл, что волчонок уже отдыхает на войлоке.

Между зверем и человеком рождалась, пока едва заметная, прнвязанность. И хотя настороженность, острое вннманне при встречах еще угадывалнсь в глазах волчонка, человек вндел, что зверь рад его появ-

лению. И, как часто бывает в подобных случаях, привязанность эта постепенно становилась обоюдной. Ученый испытывал все большую симпатию к этому умному щенку, обладающему удивительным умением приспосабливаться к чужой для него среде. Никогда раньше не приходилось ему встречать такого чуткого зверя. Казалось, он пытается не просто понять действия человека, но и прочитать его мысли. Зоолог был убежден, что зверь отчетливо ощущает его состояние, его настроение. И это вызывало у него все больший интерес к волчонку.

Он решился ввести еще одно новшество: перестал запирать чулан, где жил его лесной пленник. Конечно, дверь из сеней вниз, в холодную прихожую, закрывалась изнутри на толстый крюк, да и наружная дверь тоже теперь запиралась на задвижку. Но волчонок мог уже выходить из чулана. Даже путь в комнату, где жил человек, теперь был для него открыт. И Чернец тотчас воспользовался предоставленной свободой.

В первую же ночь он выбрался в сени и до самого утра изучал помещение: обнюхивал углы, щели, доски, несколько раз, мягко поднимаясь на задних ногах и упираясь передними в дверь, пробовал открыть ее, подавленный возвращался в чулан, снова приходил в сени и снова все обнюхивал, разглядывал, вслушивался.

Очень долго и тщательно он нюхал дверь в комнату человека. Стоял, застыв как изваяние, у самой двери, боясь шелохнуться, чтобы не прозевать, не пропустить малейший шорох, скрип, шуршание. Он словно прощупывал ночную сонную тишину жилого помещения, словно заново знакомился с его запахами — сильным запахом человека, его одежды, источающей горький дух горелого пороха, который всегда пугал Чернеца.

На рассвете человек поднялся, чтобы проведать зверя. Услышав за дверью его шаги, волчонок молнией метнулся в чулан, лег на войлочную подстилку. Ученый вошел, внимательно посмотрел на щенка и по некоторым мелочам догадался о том, что произошло. Ему показалось, что Чернец тоже понял, что человек догадался о его действиях. Волчонок встал, потоптался, снова лег.

— Ладно, спи, нечего тревожиться,— сказал зоолог и снова ушел к себе.

Чернец лежал, втягивая чуткими ноздрями запахи, принесенные человеком. Они волновали зверя, возбуждали, усиливали и без того не покидающую его тревогу.

Мелькали короткие зимние дни, медленно тянулись длинные ночи — тоскливые дни и ночи неволи.

Внешне приняв сытую и спокойную жизнь в доме человека, волчонок не переставал думать о свободной жизни в лесу, в своей стае. И словно откликнувшись на его страстный немой зов, стая вернулась в родные места и старый вожак в одну из мартовских, довольно еще темных ночей привел ее к базе ученых.

Не по-мартовски безудержно выла, высвистывая, вытягивая жалобную мелодию, вьюга. Она то плакала в трубе, словно обожженная печным огнем, то скулила за окном, словно обиженная, что не пускают в избу.

Зоолог сидел у открытой печной топки, слушал завывание ветра и думал. Волчонок, видимо, спал: выходя в сени, человек видел через отворенную дверь чулана, что он лежал на своей подстилке, свернувшись клубком. Несколько раз за последние дни волчонок пытался войти в жилую комнату, подходил к чуть приоткрытой двери, подолгу простаивал у входа, внюхиваясь в запахи, но так ни разу и не вошел — все возвращался к себе в чулан. Почему? Что же ему мешало? Ведь он уже привык к новой жизни. Во взгляде его исчезли страх и тревога. И все-таки он не был похож на тех волков, с которыми ученому приходилось встречаться, о сравнении волчонка с собаками и вообще речи быть не могло.

Неторопливые размышления зоолога прервал волчий вой. Среди завываний вьюги он отчетливо различил голос волка. К нему сразу же присоединились другие голоса — из-за вьюги трудно было точно определить, сколько их было.

Зоолог предвидел, что это произойдет: рано или поздно волки придут к его дому, как приходили в зимнюю пору и раньше. Более того, он предчувствовал, что придет именно стая пойманного в капкан волчонка во главе со старым умным вожаком, известная ему с давних пор, и их вой прозвучит призывом для его приемыша.

Волки выли звучно, протяжно, голоса их прибли-

жались к избе. Собаки во дворе захлебывались злобным и суетливым лаем. Им было страшно.

Человек тоже забеспокоился — собакам грозила опасность. Они были привязаны у своих будок, сплошного забора вокруг избы ие было, и волки могли этим воспользоваться.

Ученый надел полушубок, шапку и валенки, взял ружье и вышел из избы, надежно закрыв за собой дверь сеней и наружную. Ои видел, как волчонок нервно бродил по своему чулану, взволнованный воем стаи.

Вьюга швыряла в лицо колючий снег, завывала, соревнуясь с волками, и прикрывала их метельной завесой. Невидимая стая выла где-то совсем рядом.

Это чувствовал и волчонок. После ухода человека он разволновался еще больше: заметался по чулану, несколько раз выходил в сени, снова возвращался в чулан. Он узиал голос отца-волка. Мощный, призывный, неповторимый. Он давно тосковал по этому голосу, по голосам родной стаи. Ои ждал этих голосов как спасения, как избавления от плена, хотя понимал, что стая помочь ему не может. Но теперь наконец она рядом, и он сам должен пробиваться к ней.

Да, это была семья старого Воя. Чернец не знал, да и где ему было знать, что родная стая уходила очень далеко, что долго, больше двух месяцев, охотилась она в дальних глухих лесах. Там же во второй половине февраля матерые уходили от молодых волков на полторы недели. Это был период гона, краткой волчьей любви. Семья жила неподалеку, однако к отцу и матери никто из молодых не приближался. Сразу после воссоединения стаи, уже в марте, вожак повел ее в родные угодья. Матерым надо было устраивать логово, да и всех остальных с приближением весны потянуло в родные места с неодолимой силой.

Слушая знакомые голоса стаи, волчонок метался. Он несколько раз ударил лапами в дверь, ведущую к выходу, но она даже не приоткрылась. Прыгнул и навалился на нее всей тяжестью тела — результат тот же. Заметив, что дверь в жилую комнату затворена неплотно, он поддел ее лапой и распахнул. Не раздумывая, вошел. Теперь его ничто не могло остановить! Ведь за окном призывно раздавались голоса отца и матери, сестер и братьев... Волчонок кружил по комнате человека. Его уже не пугали, не отвлекали всевозможные вещи, сильно пахнущие человеком. Он

был сосредоточен на одном: вернуться в стаю! Кроме ее тягучего воя для него сейчас не существовало ничего.

Вот снова густым низким голосом завыл старый вожак. Снова семья подхватила этот вой, вторя отцу-волку, дружно и громко.

Словно последний, главный сигнал был подан Чернецу. Глаза его вспыхнули отчаянной решимостью. Он поднял голову к потолку и взвыл, коротко и звонко, откликаясь на зов семьи. Разбежавшись, быстро опустил голову и зажмурил глаза. Волчонок бросился в окно, туда, где за прозрачным стеклом, на воле, ждала его родная стая.

Тяжелый Чернец легко пробил двойные стекла и с высоты второго этажа кубарем свалился в сугроб. Размашистыми сильными прыжками он пустился догонять стаю.

Человек хорошо видел все происходящее. Он обернулся на звон стекла и долго смотрел вслед убегающему пленнику. В глубине души он даже был доволен, что волчонок сам нашел выход, чтобы вырваться из неволи.

10. КТО БУДЕТ ВОЖАКОМ

Высоко в небе сияла полная луна. Казалось, она видит все: каждое дерево, каждый кустик, каждую тропку и нору. Старый вожак любил водить стаю в лунные ночи, когда в притихшем замерзшем лесу было видно совсем как днем. Чуткий и опытный вожак в такие ночи издали улавливал малейший скрип снега или хруст ветки, в чистом морозном воздухе легко различал запахи зверей и птиц. Сегодня, как и всегда, он замыкал походную цепочку, обменивался с шедшей впереди матерью-волчицей короткими негромкими звуками. Все знали, что при всем ее опыте и мудрости сейчас она только выполняет волю вожака и стая движется туда, куда решил ее вести старый вожак. А он, спокойно шагая сзади, не только видел свою стаю, но и управлял ею.

В его семье снова стало семеро. Счастливый случай вернул в нее потерянного волчонка. Стая крепла, обретала опыт. Беспокоило вожака лишь возникшее между молодыми волками соперничество, скрытая борьба за

место в походном строю, за авторитет в стае, за ответственную роль в коллективной охоте, за право первой добычи... Когда Чернец до своего плена занимал место в строю рядом с вожаком, переярок Ко мирно принимал это. Но когда после возвращения Чернец вновь занял это место, где теперь уже ходил Ко, старшему брату это не понравилось: Ко в первую же ночь после возвращения Чернеца в стаю оскалил на него клыки. Переярок Ко был крупным и сильным. Но и прибылой Чернец не отставал от брата. Кроме того, он был необыкновенно быстрым и осторожным. Переярок это знал, однако возмущение и злость были сильней...

Старый вожак не допустил ссоры. Он предостерегающе зарычал, и оба молодых волка мгновенно смолкли и скользнули в разные стороны. По тону его рыка все в стае тотчас поняли, что если разлад повторится, расправа с ослушниками будет суровой.

В нарушение закона стаи отец-волк поставил предпоследним в строю прибылого волка, а не переярка. Так старый Вой поступил впервые. И только из-за Чернеца. Волчонок был необыкновенным зверем. Ни умом, ни осторожностью, не ловкостью, ни быстротой с ним никто не мог сравниться.

Только мудрый и сильный вожак, пользуясь поддержкой умной и преданной волчицы-матери, может сохранять стаю, поддерживая жесткую дисциплину. И тогда стая становится непобедимой. С такой стаей не может соперничать никто. Кроме человека...

Встреч с другой стаей Вой не опасался. Он чувствовал силу подчиненных его воле волков.

Сегодня такая встреча состоялась. Мага первая расслышала знакомый звериный шаг — шаг волчьей цепочки. Другая стая шла навстречу матери-волчице, идущей впереди своей семьи. Волки хорошо знали границы своих угодий и никому не позволили бы их нарушить. Но встреча произошла как раз на окраине охотничьего участка, поэтому и Вой, и Мага миролюбиво встретили чужую стаю.

Обе семьи продолжали идти своим путем. Молодые с интересом поглядывали на семью соседей, но матерые шли не поворачивая головы. Когда цепочки поравнялись, мать-волчица, замедлив шаг, вдруг вскинула голову к небу и завыла. Тотчас завыл и старый вожак и остальные. В ответ им дружно подали голоса

волки чужой стаи. Стаи словно обменивались взаимными приветствиями. А ночной лес вторил им пугливым эхом и снова замирал в ожидании и тревоге.

Когда чужая стая ушла, семья Воя углубилась в старый сосновый бор, снова — в который раз — надеясь на охотничью удачу.

Март в этом году был, как обычно, трудным и голодным.

Лоси держались на малоснежных опушках и открытых полянах, загнать их по насту никак не удавалось. Волки озлобились, поднимались после отдыха неохотно, голодные, нервные, измотанные. Под суровым взглядом вожака с усилием сдерживали раздражение.

Только к концу марта, когда морозы по ночам стали ослабевать, им удалось задрать крупную лосиху, и стая основательно подкормилась.

С первых дней апреля в леса пришло сильное потепление. Со всех бугров и склонов хлынули ручьи, обнажилась прошлогодняя трава, желтая и вялая, очистились от снега пушистые мхи. Солнце щедро посылало живительные свои лучи промерзшему за зиму лесу. В его лучах звери отогревались — дневать стало приятно.

Семья перебралась в район логова, туда, где в прошлом апреле Вой и Мага выкармливали щенков. Бывает, что волки из года в год обосновываются в одном и том же логове, если оно не раскрыто людьми. Но матерая Мага и старый вожак, проявляя свою обычную повышенную осторожность, устраивали гнездо в норе где-нибудь неподалеку от прошлогодней. Старые места были проверены жизнью, они казались более надежными, чем новые и неизвестные.

Звери вели привычный образ жизни: раскапывали в оттаявшей почве целебные корешки, в сумерках и на рассвете мышковали, выслеживали лосей, кабанов, а Чернец даже пытался поймать у норы барсука, но безуспешно.

Волчонок после неволи внешне не изменился. Но в его памяти навсегда остались дни, проведенные в плену у человека. Чернец помнил зоолога, его дом, его запахи. Непонятное, незнакомое чувство привязанности жило в самых глубинах волчьей души и тревожило Чернеца, не давая ему забыть человека.

Теперь Чернец вместе с другими волками пришел

к своему родимому логову, в те места, где он рос, и новое, еще более сильное чувство нахлынуло на него, пробуждая радостные воспоминания. Эти обтаявшие, почти сухие склоны пахли детством — веселым беззаботным детством Чернеца. И голова кружилась от этих запахов, и сердце чаще билось в широкой груди повзрослевшего волка.

Он быстро нашел родную нору, влез в нее. Она была заброшенной, неуютной, сырой. Но ведь именно отсюда он, Чернец, вышел в большой лес, в большой мир. Выбравшись из норы, оживленный, радостный, Чернец тут же затеял игру со своими сверстниками — прибылыми, выросшими в этом же логове. Он набросился на них, весело визжа, и все трое, свернувшись в быстрый шумный серый клубок, покатились по склону холма. Они долго возились, набрасываясь друг на друга, катаясь по прошлогодней траве. Играли точно так же, как это было прошлым летом, когда волчата только начали выходить из логова.

Волки жили еще единой семьей, матерые пока не отделились, не отошли от остальных, но мать-волчица уже беспокоилась, в нерешительности останавливаясь иногда у старых, заброшенных нор, встречавшихся на ее пути.

И вот он настал, этот день, когда Вой и Мага должны были на время оставить стаю, чтобы найти, подготовить и обжить новое логово. Приближалось время щениться, волчица чувствовала это и с волнением ждала его.

На рассвете теплого апрельского дня, когда прозрачная, чуть сумеречная, северная весенняя ночь отступила перед ярким восходом, матерые покинули стаю. Внимательный Чернец сразу же двинулся следом, хотя сигнала к походу родители не подавали. Волчонок прошел всего несколько шагов — старый вожак остановил его коротким гортанным рыком. И тогда волчонок понял, что отец и мать покидают семью. Он долго смотрел им вслед, а рядом с ним становились тем временем и Зуа, и Ко, и прибылые. Чернец озабоченно оглядел стаю и внезапно понял, что произошло важное событие: на время отсутствия отца-волка он должен будет возглавить стаю. Это следовало из поведения волков.

Великая ответственность ложилась на молодого волка, который с ведома отца оставался временным

хозяином стаи, несмотря на то что в ней были более опытный, сильный старший брат Ко и трехлетняя волчица Зуа... Для Чернеца начиналась новая жизнь. Природа, наделив этого зверя редкими качествами, как бы заранее предопределила ему роль вожака.

11. СНЕЖНАЯ ВЕРШИНА

Прошло три года.

Лунной мартовской ночью Чернец осторожно вел стаю по старым родительским угодьям. Это была уже его собственная стая...

Впереди шел он сам, следом двигались два переярка — самец и самка, затем — три прибылых, и замыкала строй подруга Чернеца, четырехлетняя матерая волчица. Семья возвращалась из далекого северного края, куда надолго уводил ее Чернец. Там легче было прокормиться, легче было охотиться, следуя за стадами кочующих оленей. Поэтому Чернец редко приводил стаю в леса, где он вырос. И тем не менее о существовании неуловимой стаи, возглавляемой необыкновенным вожаком, в этих местах знали. Знали, что вожак может увести волков из-под носа самых опытных и находчивых охотников, что он безошибочен в охоте — строит ее так верно, рассчитывает все так точно, что жертве уйти не удается. Даже прибылые в его стае после несколько месяцев обучения становятся надежными помощниками в охоте...

Сейчас был уже позади долгий утомительный поход через заснеженные леса и замерзшие озера, через реки, скрытые толстым слоем льда. Вожак ступал по утоптанной дороге, по которой когда-то водил его отец, старый Вой. Чернец чувствовал, что вот-вот произойдет желанная встреча. Легкое возбуждение участило удары его сердца.

Стая обошла по опушке старый бор, пересекла овраг. И вдруг Чернеца охватило неизъяснимое волнение: он во главе своей семьи приближался к знакомой лесной поляне...

Внезапно чуткое ухо волка уловило тревожные звуки. Они доносились оттуда, с поляны. Вскоре вожак и его стая уже отчетливо услышали злобное рычание, лязг зубов — шум жестокой волчьей схватки.

И тогда Чернец кинулся к поляне. Стремительно мчались рядом с вожаком волки его стаи.

Еще издали Чернец понял и оценил происходящее: две волчьи стаи насмерть бились из-за добычи. Волки грызлись, катаясь в снегу, взбивая снежную пыль, окрашивая сугробы кровью. И только в центре битвы невозмутимо стоял крупный волк. Быстро поворачиваясь вокруг, он отшвыривал грудью врагов, нанося им раны крепкими зубами. Чуть в стороне лежала туша только что убитого лося — причина, из-за которой и возникла эта ожесточенная драка.

Чернец сразу узнал отца-волка, сразу сообразил, что чужая многочисленная стая близка к победе.

Не задержавшись ни на миг, он рванулся в самую гущу битвы и в несколько мгновений раскидал врагов старого вожака, как будто это были овцы, а не волки.

Обе стаи замерли, растерянно глядя на могучего черномордого волка, на время притушив свою ярость.

Показывая всем ослепительно белые, непомерно большие клыки, окруженный своей преданной стаей, пришелец чувствовал себя хозяином положения. И он был на стороне старого седого вожака.

Стая врагов Воя, только что вдвое превосходившая его семью числом, теперь потеряла свое преимущество. Это видели все.

Вожак чуть было не победившей стаи колебался. Он понимал, что надо уводить волков, оставив добычу. А ведь лось убит на его территории, правда, убит не им, но в его владениях, хотя и на самом их краю. И все-таки важнее — спасать семью, решил он и, пользуясь короткой передышкой, издал негромкий призывный хрип, легким наметом бросившись в сторону. Его стая рванулась за ним. Никто их не преследовал...

Чернец, Вой, Мага и их волки долго смотрели вслед уходящим противникам. Смотрели молча и без ненависти. Затем дружно кинулись к добыче. Торопливо разрывая мясо, жадно его глотая, звери насыщались, утоляя томительный многодневный голод, который всегда неотступно идет по следам каждой стаи.

Сытые, отяжелевшие волки окружили старого вожака. Хотелось залечь на отдых, но все ждали приказа. Чернец спокойно рассматривал стаю Воя. В ней он знал только матерых. Кроме них в семье был всего один прибылой и два крупных самца: переярок и волк-трехлетка. Они зло поглядывали на Чернеца, уже забыв про его решающую помощь в борьбе с соседями-соперниками.

Чернец знал, что стан объединились всего в несколько дней, они лишь временно будут жить в угодьях отца-волка и вместе охотиться, пугая округу многоголосым воем. Возглавит общую стаю, конечно, старый Вой. Потом она снова разделится на две семьи, и волки исчезнут в лунном свеченин снегов. Чернец уведет семью на север, в полюбившиеся ему края. Там проложил он свои собственные волчьи дороги. Они зовут его. И зов этот непреодолим.

Только сейчас Чернец заметил, как сильно поседел отец-волк: и лоб, и подбородок, и щеки — все стало белым. Даже высокий загривок старого вожака прнпорошила густая седина — свидетельство долгих, трудных зим, наполненных боями и скитаниями.

Вой сделал несколько шагов вперед — и все вдруг увидели, что волк-отец хромает... Это было так неожиданно. Ведь вожак должен быть не только самым мудрым и смелым, но и самым сильным и здоровым. Тишина, чуткая и глубокая, была нарушена скрипом снега: волки нервно затоптались на месте. Растерянность овладела стаей.

Что случилось со старым вожаком? Может быть, дала о себе знать старая рана? Может, он просто поранил ногу? Эта хромота, наверное, пройдет... Но сейчас он хромал...

Отец-волк, пожалуй, сам больше других понимал, что сейчас ему будет нелегко заботиться о сводной стае. Он раздумывал только мгновение.

Так же прихрамывая, старый вожак обошел зверей, стоявших полукругом, и спокойно встал рядом с огромным черномордым волком. Стал сбоку от иего и чуть сзадн — это означало, что он определнл другого вожака для общей стаи — Чернеца. Вот кто теперь поведет волков, вот кто будет заботиться о них, о соблюдении суровых законов стаи.

Назначение нового вожака было принято враждебно двумя членами семьи Воя: переярком и трехлетним волком, первым помощником отца-вожака. С самим Воем они, конечно, не собирались ссориться, но уступать первенство какому-то незнакомому, молодому вожаку не хотели.

Вперед выступил крупный высокий волк. Он был сильнее и умнее своего брата-переярка, за его плечами стоял опыт трех нелегких зим. Он задержался в родительской семье и был первым, надежным помощ-

ником матерых, обладал решительностью, ловкостью, смелостью, как и большинство волков, выращенных Воем и Магой. Волк первый шагнул навстречу черномордому, грозно оскалив клыки. Он считал себя вправе претендовать на место вожака, если уж отец-волк не собирался возглавить сводную стаю.

Едва противник встал напротив, как Чернец, настолько стремительно, что тот даже не успел приготовиться, ударил его грудью. Удар был сокрушительным. Соперник оторвался от земли, перевернулся через голову. От неожиданности он взвизгнул и рухнул в снег, посрамленный и растерянный.

Теперь всем было ясно, что старый вожак верно сделал свой выбор.

Чернец негромко зарычал, призывая зверей следовать за собой, и двинулся через поляну. За ним пошли волки его семьи, потом потянулись и остальные. Замыкал стаю седой отец-волк.

Звери шли по лунному лесу, их черные тени быстро скользили по бело-голубым снегам. Негромкое поскрипывание выдавало путь волков, идущих походным строем.

Чернец направился к вершине лесного холма, где когда-то впервые пробовал выть, подражая волку-отцу. Размеренным шагом, цепочкой, стая поднималась вслед за ним. Вершина холма была обнажена, и Чернец, помнивший свои щенячьи игры здесь, знал, почему деревья не растут на самой вершине: под снегом была голая плоская скала. Звери сгрудились на открытой вершине холма вокруг Чернеца и стоявших рядом с ним Воя и Маги.

Чернец выжидающе взглянул на старого вожака — тот ответил ему таким же выжидающим взглядом. И тогда новый молодой вожак шагнул вперед, чуть приподнялся на цыпочки, как это делал волк-отец, вскинул голову к звездам и, широко раскрывая пасть, чтобы громче, раскатистей был его тягучий зов, завыл. Стая тотчас подхватила вой вожака, и по заснеженному лесу, вторя волкам, прокатилось многоголосое грозное эхо. Долго звучала в морозной лунной ночи эта неповторимая, пронзительная песня.

Когда на плоскую снежную вершину легли первые лучи холодного зимнего солнца, стая уже уходила к дальним холмам очень длинной и очень ровной цепочкой.

РИСА

(Повесть о рыси)

1. ОХОТА

Вторую ночь ей не везло. Она пластом лежала на толстом суку осины, вытянувшись и застыв, как неживая. Ее пушистый подбородок словно прирос к жесткому дереву. Она будто сливалась с осиной, растворяясь в густом лесном мраке. Глаза ее, холодные и желтые, пронизывали не только плотную мглу, но, казалось, и стволы, и кроны деревьев.

Вторую ночь она напрасно ждала добычи. Терпеливо. Не шелохнувшись. Напряженно вглядываясь в темень.

Долгое ожидание утомляет, но оно таит в себе надежду. Чем сильней сидящий в засаде, чем больше он укреплен соками жизни, тем больше у него выдержки и терпения. В охоте из засады есть коварство, но — иначе не победить, не обмануть великую силу самосохранения, владеющую каждым живым существом. И даже сильные приспосабливаются. Каждый куст, навес скалы и густые ветви могут быть местом засады. Жизнь в лесу полна опасностей. Тень выглядит тревожно, за деревом прячется неизвестность... Жители леса всегда настороже.

Большой пушистый барсук высунул нос на волю. На заросшем кустарником склоне незаметен выход из норы, прикрытый снеговым козырьком. И барсук высунул только нос, осторожно принюхался к лунному зимнему лесу. Ночь показалась ему теплой. Вот он и решил выглянуть, а если не опасно, то и выйти погулять, подышать лесными запахами, посмотреть на далекие звезды. Потоптаться на лунном снегу.

Яркая луна вышла из-за тучи. Длинные тени деревьев поползли по опушкам. И снег засветился изнутри.

Рысь хорошо видит ночью. А лунная ночь для нее — словно яркий солнечный день для нас. Сейчас она видела барсука, видела даже маленькую обломанную ветку на той стороне поляны — на расстоянии

десятка хороших прыжков. А зайцев оиа заметила бы и иа краю опушки. Но с прошлой иочи эти лопоухие вовсе не появлялись. Обычио они резвились в такую пору. А тут словно пропали куда-то. Что их испугало?..

В иебе ярко мигали холодные февральские звезды. Луна словио оголила лес, сделала прозрачным. В такие ночи смутная тревога заползала в ее сильное сердце. Казалось, весь лес очутился во власти этой таинственной, всевидящей луиы.

Поддаваясь луиному зову, завыл волк. Ои выл, жалуясь иа судьбу, на голод и холод. Но была в его голосе и жесткая угроза, вызов, готовность схватиться с любым соперником за право иа добычу, за право жить. Еще два сородича подтянули печальную песнь, вкладывая всю тоску волчьей души в этот вой. Так вот почему попрятались лопоухие...

Риса хорошо знала волков. Зиала их силу и беспощадиость. Зиала их ум. Волчье упорство и бесстрашие. Но оии не умели лазать по деревьям. И поэтому она смотрела иа иих как бы из другого мира. С любопытством и иемиого свысока. Никогда, одиако, не забывая об осторожности.

Зиала Риса и эту волчью семью. Прошлой зимой, когда они приходили сюда, их было шестеро. Вожака звали Вой. За сильиый, произительиый голос. Когда он затягивал свою голодную песню, сородичи его иемедленио откликались, а у тех, кто был слабее волков, ледеиели сердца. Даже Рисе — сильиой и иезависимой — стаиовилось как-то ие по себе...

Когда раздался голос вожака, Риса сразу узнала его. Вой! Летом эта семья уходила далеко, в края льдов и скал, где леса были иевысокими, а холмы большими и где кочевали многочислеииые стада олеией. В середине зимы волки охотились здесь, а в самое голодное время, в марте, уходили еще южнее. Но с первым теплом снова возвращались туда. В том холодиом краю, в иизииах между сопками, и создалась эта суровая, беспощадная семья. Там весиой и появились иа свет молодые волки, подвывающие теперь могучему вожаку.

Вслушиваясь в переливы волчьих голосов, Риса совсем потеряла иадежду иа охотничью удачу. И вдруг на другом коице поляиы показался заяц. Выгиаииый приближением волков из своего убежища, он стремительио несся по светящейся луиной тропе, мелькал

между деревьями, быстро приближаясь к Рисе, замершей над тропой.

Азарт охоты сжал ее в жесткую пружину. Даже кончик короткого хвоста трепетал, будто сотканный из нервов. Когда до прыжка оставалось несколько мгновений, она вдруг увидела их. Волков было шестеро. Они бежали один за другим, бежали быстро, захваченные азартом погони. Конечно, заяц — не добыча для голодной стаи. Но волк есть волк: пока голоден, он будет гнаться за любым зверьком.

Осторожная Риса заколебалась, но голод, долгое ожидание и, наконец, раздражение, что у нее хотят отобрать ее добычу, победили. И она прыгнула. И страх, и злобу на волков, и обостренное чувство опасности — все вложила она в этот молниеносный прыжок. Беляк даже не успел почувствовать свою гибель... С добычей в зубах рысь в два прыжка взлетела на соседнее дерево под носом у голодных волков.

Серые так обозлились, будто рысь перехватила у них не зайца, а лося. Они скалились, они клокотали от ярости, они закружились под деревом.

Держа в зубах зайца, Риса наблюдала за волками. Немного выждав, начала есть. Облизываясь и поглядывая вниз, она видела, каким огнем горели эти шесть пар глаз. Ненавистью светились эти глаза. И завистью.

Это была вовсе не их добыча — рысь не украла убитого ими зверя. Но надежды отобрать у нее ужин не было никакой. И волки завидовали.

Даже при виде орла, терзающего добычу где-то на скале, на недоступной высоте, волки всегда раздражаются. Как будто никто, кроме них, не имеет права на добычу.

Сейчас они были голодны. Но волки умные звери. И они ушли. Ушли, понимая бессмысленность ожидания. Молча, цепочкой, след в след...

Солнечный день стоял над лесом. Резко крикнула сойка. Переливались голоса снегирей и синиц. Но Риса не видела искрящегося снега. Днем она привыкла спать. В своей уютной пещере с узким входом она чувствовала себя спокойно. Сладкая дремота отяжеляла ей веки. Сквозь дремоту она хорошо слышала все, что происходило вокруг.

Скалистый холм, возвышающийся над лесом, имел уступ, который, углубляясь в скалу, образовывал пещеру, неглубокую, но достаточную для того, чтобы в ней могли спрятаться пять таких зверей, как Риса.

При выходе из логова Риса осматривала окрестности, замечая малейшее движение даже далеко внизу. Место было удобное, укрывало от непогоды, создавало почти незнакомое Рисе чувство покоя. Она дремала на сухой траве и на мягких остатках шкур пойманных ею зверей. Она любила подгребать под себя лапой эти шкуры. Они напоминали ей ночи охоты, вкусно пахли удачей, приятно щекоча ноздри уже слабым, хорошо знакомым запахом добычи. Но и без ароматной травы Риса тоже не могла. Она пучками срывала ее неподалеку от пещеры, приносила в логово, не спеша жевала. Она знала вкус трав. А высыхая, травинки еще сильней пахли дурманным, горьковатым духом июля в самую ледяную и метельную пору.

За порогом логова сверкал день, а здесь было почти темно. Даже пронзительные звуки дня долетали сюда приглушенно и, натыкаясь на черные своды пещеры, глохли и умирали. Словно сама ночь притаилась здесь, в холодной глубине скалы, и, мерцая рысьими глазами, ждала своего часа.

Сумерки застали Рису уже на ногах. Она мягко ступала по каменному карнизу скалы, пронзая жестким взглядом сгущавшуюся мглу. Прошла по каменистой тропе до зарослей, спустилась в чащу, осторожно двигаясь между деревьями.

И вдруг Риса почувствовала чье-то быстрое приближение. Хотя звук летит быстрее самых быстрых лесных жителей, она, пожалуй, именно почувствовала, а не услышала это приближение. И поняла, что это где-то наверху, на деревьях. В одно мгновение Риса взлетела на толстую наклонную сосну, туда, где можно было перехватить добычу.

Они возникли все-таки неожиданно, хотя Риса напряженно ждала. Впереди, спасаясь, бешено неслась белка, ужас неминуемой гибели ускорял ее стремительные прыжки. И, настигая ее, следом легко мчалась куница, точно рассчитывая каждый бросок с дерева на дерево.

Риса тотчас остановила выбор на добыче покрупнее. Пропустив белку, она резко спружинила и, вытянувшись, зависла в длинном прыжке. Она хотела схва-

тить куницу на лету или хотя бы сбить ее лапой. Но быстрая куница вовремя заметила опасность. Уже в полете резко вильнула хвостом и пролетела чуть правее. Этого оказалось достаточно — рысь промахнулась.

Не всегда приходит удача на охоте. Рысь часто остается ни с чем — и после преследования, и после нападения из-за засады. Никто не хочет становиться добычей. Но в момент, предшествующий нападению, она уже словно бы чувствует в зубах свою жертву, ощущает ее вкус, запах ее крови. И, когда неожиданно добыча ускользает, Риса каждый раз испытывает недоумение. Удивление. Как же так? Ее добыча — ушла. Ее ужин — вдруг убежал по вершинам сосен. И Риса редко преследует ускользнувшую добычу...

Воткнувшись в сугроб всеми четырьмя лапами, растерянно, как-то даже смущенно, смотрела Риса вслед ушедшей кунице. Она слышала и белку, которая убегала в противоположную сторону, невольно спасенная рысью от гибели.

Затем, выбравшись на звериную тропу, рысь пошла дальше — спокойно и мягко, вслушиваясь в бездонную и зовущую тишину ночи.

Риса промышляла постоянно в одной местности, на своих угодьях. Это был немалый кусок леса, примерно в два ночных перехода вдоль и поперек. Но участок поменьше, где она обитала и охотилась чаще всего, был ее любимым местом. Неподалеку протекал ручей, в котором она иногда купалась в жару, из которого любила пить холодящую горло воду. Ручей был чистым и быстрым, как все ручьи на севере. Он впадал в небольшое озеро. Другие рыси не имели права охотиться на ее участке леса, в ее угодьях. И по закону леса они не заходили на ее территорию — Риса сурово наказала бы наглеца.

Северный лес, где жила Риса, где она волею судьбы родилась, был просторен. Высокие сосняки на обомшелых песках, усыпанных сосновыми иглами, темные ельники в заболоченных низинах, заваленных буреломом, густые и солнечные березовые рощи — они звенели летом. И гудели зимой от ветра, трещали от мороза. Но согревали ее теплыми пушистыми снегами. И кормили. Кормили весь год. Каждый раз, просыпаясь, она радовалась лесу, шуму деревьев, плеску многочисленных озер, журчанию своего ручья.

Иногда летом, на восходе солнца, она ловила рыбу в ручье. Долго стояла, замерев, подняв переднюю лапу. Ждала. Знала, что даже тень ее лапы не должна лечь на воду. Рыба тоже умела быть осторожной. Но рысь ее ловила. Улучив момент, поддевала лапой и выбрасывала на берег серебристую, трепещущую, всю в пятнышках форель-пеструшку. И тотчас ее съедала. Но это бывало летом.

Теперь ручей тихо журчал подо льдом и снегом. Она едва слышала бег воды, потому что снег лежал толстым слоем на корке льда.

С середины февраля волнение пришло в душу Рисы. Ее все время влекло куда-то. И вот сегодня наконец она услышала зов. Это был не очень длинный, певучий и громкий звук — зов самца. И она медленно, с волнением, двинулась в чащу, туда, куда звала ее природа...

Наступил март, а зимние метели никак не желали покидать лес. Крупные белые хлопья кружились меж стволов деревьев, продолжая наваливать сугробы. Но в иные дни, когда солнце пробивалось сквозь тучи, сразу теплело, и за какие-то полдня снег кое-где на высоких сугробах оседал и становился не пушистым, а ноздреватым.

Последнее время Риса охотилась неподалеку — только там, откуда до рассвета можно было вернуться в логово. Прежде она спала не всегда в одном месте. Засыпала там, где заставал ее день, где-нибудь на вершине холма или на краю поляны... Но недавно ее вдруг потянуло в эту пещеру, в старое логово.

Сейчас она ушла уже довольно далеко от своего дома. Приходилось идти. Искать. Голод гнал Рису.

Она часто останавливалась, вслушиваясь, словно ее бесшумные шаги могли ей помешать уловить самый далекий и самый желанный звук. Ночь незаметно прошла, и сквозь частокол леса уже протискивался серый рассветный туман.

Рысь вздрогнула, заволновалась и замерла. От запаха, который неожиданно ударил в ноздри, даже голова закружилась — настолько он был сильным. Значит, они здесь, рядом! Она не решалась шевельнуться. Долгожданная добыча была почти в зубах. Стоило только броситься. Но Риса, не шелохнув ни лапами, ни

хвостом, медлеиио повернула голову и огляделась. Знакомые лунки в снегу были действительно рядом, ио до иих было больше одиого прыжка. А прыжок должеи быть одии. Очеиь медленно она подняла лапу и замерла. Беззвучио опустила ее и переиесла вес тела вперед. Осторожно, чтобы не хрустнул снег, переступила задними иогами и подобралась.

Две-три секуиды она готовилась. Затем молниеносно взлетела над сугробом и передними лапами накрыла ближайшую луику. Тишииа лесного рассвета раскололась резким хлопаиьем крыльев. Белая снежиая пелеиа окутала Рису, словно большая ель над ией отряхиулась по-собачьи.

Держа в зубах крупного тетерева, рысь вышла иа тропу, по которой пришла сюда. Огляделась, прошла несколько шагов. Сиова огляделась. Прислушалась. Сошла с тропы в стороиу и удобио устроилась в сиегу, лежа иа животе, зажав в передних лапах убитого косача.

Оставалась еще половииа птицы, когда Риса почувствовала себя сытой. Оиа слизиула с перьев остатки крови и, прежде чем встать, здесь же, в снегу, аккуратно передними лапами зарыла оставшуюся добычу. Оиа ие всегда возвращалась доедать остатки, потому что в лесу есть живая дичь, которая вкуснее. И потом — какая это еда, какое пиршество, если ему ие предшествовала охота: иапряжеиное выслеживание, скрадываиие или подкарауливаиие жертвы и — успех, добытый завершающим охоту мощным прыжком. И все-таки оиа прятала остатки, подчиняясь вековечному иистинкту запасливости. Этот иистинкт присущ, пожалуй, всему живому иа земле. Разве только рысь заботится о запасе на черный деиь?..

2. ГОЛОС ВОРОНА КАРЛА

Этой иочью Риса поздио вышла из логова. После заката, с сумерками, почему-то не пришло к ней обычиое чувство веселой иастороженiости, сразу прогоиявшее сон. На этот раз вялость и дремота не хотели отпускать Рису. То ли оиа переиервиичала прошедшей иочью и после долгожданной удачи наступившее наконец расслаблеиие оказалось слишком глубоким, то ли просто заиемогла.

Так или иначе, но, когда она, выйдя из пещеры, ступила на холодный уступ скалы, уже высоко и ярко мигали крупные звезды и тянули свою голодную песню старые ее знакомые — волки.

Она долго и осторожно шла по лесу, как обычно — с короткими остановками. Слушала темноту, стараясь различить за волчьим воем что-то другое, более приятное ее слуху, ей назначенное.

Она не только охотилась. Нет, не только ради добычи выходила она во мглу. Ее влекла ночь, ночные звуки и запахи. Особенно новые, незнакомые ей. Рыса была еще молода. И ее интересовало все, что она видела, слышала, чувствовала. А каждая встреча для нее была событием. Она даже радовалась приходу волков: ее обдавала сильная волна радостного возбуждения, смешанного с обостренным чувством опасности. В эти минуты она и видела дальше, и слышала лучше.

Рыса постояла. Взбежала на дерево — послушать ночной лес с высоты. Улеглась на удобный толстый сук и долго смотрела перед собой в черную тьму леса.

И вдруг она вздрогнула. Совсем рядом, на дереве, жестко уставясь на нее, голодным огнем светились два пронзительных глаза... До сих пор она всегда и всех замечала первой. Теперь застали врасплох ее — и она растерялась.

Вообще-то она знала, что здесь, наверху, не может быть никого, кто опасен ей. И тем не менее даже испугалась от неожиданности. Первое желание было — метнуться во тьму. Но привычка выжидания, при неподвижном противнике, победила: рысь не шелохнулась. Она пыталась разглядеть владельца этих глаз, но глаза словно гипнотизировали, не давали сосредоточиться, всмотреться во тьму.

И вдруг гулко и резко, словно черный выплеск ночи, раскатился крик филина. Глаза погасли, и Рыса ясно увидела, как большая птица взмахнула крыльями, покидая ее общество. То ли филин не сразу заметил, что перед ним рысь, то ли только сейчас сообразил, что такое соседство может ему стоить жизни,— он улетел.

Растерянность Рысы быстро сменилась сожалением при виде улетающей птицы. Она осталась лежать на суку, словно раздумывая о неожиданностях ночи и о прелести этих неожиданностей. Ибо мир прекрасен

своими шорохами, звуками, запахами, подчас незнакомыми... Раскатится неожиданный трубный олений зов, взметнется крик сороки, и затрепещут на ветру тонкие ветви берез, чуткие, голые и звонкие. И нет ничего лучше ночи — лунной или метельной, ветреной или морозной и звездной, когда слышно далеко-далеко и видно как днем...

Иногда к Рисе приходили воспоминания, чаще когда лежала она в пещере и дремала. И в памяти неожиданно ярко вставали дни детства.

Тогда все было иаоборот. Днем она ела и играла. Ночью спала. Ее приучили спать ночью. Она была тогда маленькой рысью. И жила у людей. Она еще не забыла их запах. У них, как у зверей, запах тоже был неодинаковый, у каждого свой. И Риса его помнила. Однако уже не так отчетливо, как, например, год назад. Зато перед ее желтыми глазами все так же ярко пылал день ее ухода от людей.

Именно пылал. Потому что это был день пожара.

Риса жила в доме лесника. Как-то, в начале лета, он принес маленького рысенка своей дочери, которая тогда училась в седьмом классе. На зиму она уезжала в город, а все лето проводила у отца, в этом доме на опушке леса.

Девочка была рада новому другу. Часами играла с маленькой рысью, кормила молоком, ласкала. Лесной котенок рос не по дням, а по часам. Однажды, разозленный, ои злобио заурчал иа высокой ноте, перейдя в коице в шипенье: «Р-р-ри-с-с-са...» Тогда девочка и иазвала рысенка Рисой. И Риса откликалась на это имя.

В доме лесника рысь прожила год. Она боялась собак хозяина — трех крупных лаек, которые всегда злобно косились на нее и были не прочь — она это понимала — вонзить в нее свои зубы. Собаки так и остались в ее памяти страшными, большими, непримиримыми. Она пряталась от них на шкафу. Потом, уже взрослой, живя в лесу, она видела собак, но решила, что это совсем другие, намного меньше тех собак ее детства, которые казались ей огромными.

В детстве — свое представление о предметах и живых существах, а потом все изменяется до неузнаваемости... И все-таки детство было для Рисы прият-

ным давним полусном. И только страшным огненным кошмаром пылал в памяти тот последний день, день пожара.

Она была в доме одна. Девочка с матерью куда-то уехали. Хозяин ушел с собаками в лес. Риса оставалась в запертом лесном домике. Неизвестно, отчего дом загорелся. Может быть, хозяин, уходя, бросил спичку. Или кто-то поджег снаружи... Вскоре после ухода хозяина Риса почувствовала тревожный запах. Он раздражал ноздри, заставлял кашлять. Ее потянуло во двор, в лес, на воздух. С каждой минутой становилось все труднее дышать.

Она выскочила в сени и, впиваясь когтями в бревна стены, быстро влезла по ней на чердак. Через слуховое окно выбралась на крышу. Шарахнулась в сторону от языков пламени, спрыгнула на высокую поленницу, стоящую впритык к стене избы, и затем покатилась по траве, кашляя от дыма. Дом уже пылал. И она бросилась в лес, словно боялась, что ее могут снова впихнуть в дымный, пышущий жаром огромный деревянный дом, из которого уже рвалось косматое пламя...

Она успокоилась далеко в лесу, среди сумрачной тишины. Замерла, вслушиваясь. Постояла. И осторожно пошла между деревьями, внимая каждому шороху, скрипу или движению.

Запах гари, дыма, который ее преследовал, напоминал о страшном пламени, из которого она едва вырвалась. И она шла, гонимая страхом перед огнем. Великим страхом, присущим всему живому, трепетом перед всесильным огнем, которым владеет только человек и который даже человеку не всегда подвластен. Рисе казалось, что остановиться нельзя, что огонь может опять появиться, догнать ее. Она все время чувствовала запах гари, потому что опалила усы и шерсть на морде.

Весь день и часть ночи уходила она от этого страшного места. Потом отлеживалась в глухой чащобе до самого восхода.

Так началась ее новая, дикая жизнь, полная опасностей и приключений.

Первый, на кого она обратила внимание в своей новой вольной жизни, был старый ворон. Сначала Риса увидела на земле крупную птицу с желто-серым

крапчатым оперением. Это была тетерка. Повинуясь вековечному инстинкту выслеживать и скрадывать все живое, рысь неслышно двинулась в ее сторону. Птица что-то сосредоточенно выклевывала из земли. Когда она наклонялась и клевала, Риса бесшумно ползла, буквально распластавшись по земле. Когда тетерка поднимала голову, рысь замирала. Птица не могла ее видеть и вдруг забеспокоилась, завертела головой, поглядывая вверх, на кроны сосен, и, захлопав крыльями, взлетела...

Раздосадованная Риса встала в полный рост, двинулась, не таясь, к месту взлета тетерки. Ничего постороннего она не заметила, не учуяла, не услышала. Кто же испугал птицу?

— Карл! — резко раздалось над головой. Риса быстро посмотрела вверх. Внимательно и недобро разглядывала она своего нового знакомого — старого черного ворона.

— Карл! — басом повторил он. Его надменная поза словно говорила: «Да, это я предостерег тетерку. Может быть, и помешал тебе, но ничего не поделаешь, у нас, у птиц, своя солидарность...» Риса долго смотрела на него. Заявлял бы он так нагло о себе, этот Карл, если бы не его большие крылья, которые поднимают его выше самых высоких деревьев?..

Теперь она стала жить по-своему, по-рысьи: днем в основном спала и поэтому редко видела старого Карла, так как он спал ночью. Но иногда Риса его встречала. Появлялся он и хрипло заявлял о себе всегда неожиданно. Всегда лез не в свое дело. И был недосягаем.

Полная луна, совсем недавно ярко-желтая, потускнела, посеребрилась. Ее края замерцали, будто покрылись инеем. И звезды потускнели, перестали сверкать синим светом и совсем стали похожи на осколочки льда.

Когда Риса выходила на поляну, она разглядывала звезды, луну. Хотя знала, что они всегда бывают выше и сосен, и птиц, она все-таки считала их живыми. Далекими, незнакомыми, молчаливыми и безразличными ко всему. Но — живыми. Потому что они двигались там, в своем далеке. Даже за короткое время острый глаз Рисы замечал их медленное передвиже-

ние. Может быть, и звезды охотились друг за другом?

Ночь уходила. Уходила и рысь с ночной охоты. Не спеша прошла по каменному карнизу. Постояла. Не заметив ничего опасного, вошла в пещеру и тотчас легла мордой к выходу. Она знала, что любой зверь, учуяв ее в пещере, никогда не сунется в этот узкий черный проход. Но из врожденного чувства осторожности все-таки легла головой к выходу. Сон навалился сразу. Длинная и трудная ночь охоты утомила ее.

Сон был тревожным. Ей снились волки, окружившие дерево, на котором она сидела. Они никак почему-то не хотели уходить. И вдруг старый Вой, предводитель стаи, полез на дерево! Риса не боялась его одного. Но она ужаснулась во сне. Она вдруг поняла, что волки умеют лазать по деревьям, что ей несдобровать. Кто же поможет ей, если вся стая полезет на дерево?..

— Карл! — громко ударило по ушам.

Риса проснулась. Этот черный старик часто мешал ей днем спать. Но сейчас она была рада, что волки на дереве — только сон и что Карл прогнал страшное видение.

Конечно, рысий сон — это в основном чуткая дремота. Риса все слышит и во сне. Но Карл ей мешал. Его голос вызывал у нее раздражение, желание выйти из логова, посмотреть: чего это он так разорался, старый крикун? А при случае и припомнить ему всю его дерзость и болтливость.

Спать больше не хотелось. Может быть, ее слишком потревожили неприятные видения, и она боялась продолжения страшного сна...

Риса вышла из пещеры. Был яркий полдень. Заснеженный лес, переполненный уже теплым солнцем весны, был настолько ослепителен, что кололо в глазах. Она зажмурилась и, постепенно открывая веки, долго привыкала к полуденному слепящему свету. И к дневным звукам. Из пещеры эти звуки казались приглушенными, не такими звонкими, а сейчас они просто оглушали. Птичьи голоса летели со всех сторон. Риса наблюдала за птицами с любопытством. С острым интересом. Ведь она давно уже не видела ничего, что происходит днем.

Внизу, под скалой, на льду ручья появилась норка.

Длинная, темная, неуклюжая, она все-таки быстро бежала большими прыжками, нескладно подбрасывая заднюю часть тела. Пробежав немного, норка встала на задние лапы, вытянулась вертикально, как тонкий и высокий пенек. Чуть покачиваясь, осматривалась...

А вверху, на елках, на высоких ветвях, ссорились четыре вороны. Одна, сидевшая в стороне от трех других, время от времени наклонялась в их сторону, вытягивала шею и зло и гортанно выкрикивала свои картавые вороньи слова. Хотя Риса не знала вороньего языка, она понимала, что ничего доброго эти звуки означать не могли. Как только ворона начинала, три другие отвечали ей дружно и тоже раздраженно — отругивались. А над всем этим криком, на верхушке самой высокой ели, царственно сидел старый ворон. Один раз, когда вороны смолкли, он важно и задумчиво произнес:

— Карл! — как окончательный приговор.

Вороны после этого некоторое время молчали. Может быть, их пристыдил спокойный и торжественный голос старика. Или они обдумывали то, что он произнес или имел в виду. Потом забыли о вóроне и возобновили свой скандал.

Рису все это забавляло. Раздражал ее только Карл. Тем, что он всегда был выше всех. Всегда был очень горд, доволен собой — это было ясно по его голосу. И всегда смотрел на Рису свысока.

Рысь медленно шла по звериной тропе, по сверкающему солнечному березняку, и ей казалось, что она попала в другой мир, утерянный в те давние времена, когда она в памятный огненный день ушла от людей. В последнее время она как-то переменилась. Прежде все живое, что она видела, ей хотелось поймать и съесть, и только очень редко она просто наблюдала — за птицами, например, которые были слишком высоко. Теперь Риса все чаще останавливалась, с любопытством разглядывала птиц или белок, резвящихся на воле, или норку, как сегодня,— разглядывала, совсем не думая о том, что они пахнут свежей кровью, что они вкусны. Все чаще ее тянуло полежать в пещере, она уставала уже и от коротких переходов, далеко от логова теперь не уходила. Даже пять-шесть прыжков наперерез зайцу хоть чуть-чуть, но уже утомляли Рису.

Весна наступила. Оплывали снега. Длинные усы Рисы шевелились от неожиданно теплого ветра.

Ручей, который Риса считала своим, уже промыл слой льда, сковывавшего его всю зиму, и вырвался наружу. Талые воды сделали его бурным. Ему некогда было разбираться, что у него на пути, он смывает и отмели, и корни подмывает у деревьев, и становится мутным. Лишь в мирное летнее время ручей, не подмывший ни одного дерева, может быть чистым. И он хранит свою добрую чистоту, чтобы напоить зверя, человека и птицу.

В бурные весенние дни Риса пила из озера, но едва ручей успокаивался, становился прозрачным, она радовалась и приходила утолять жажду только к своему ручью.

3. СТАРЫЙ ВОЖАК

Они приехали в лесной пустующий домик, как только полностью стаял снег. Земля набухала жизнью. Озеро около дома очистилось ото льда, стало прозрачным и солнечным, словно приготовилось к приему уток. Но пока птиц не было, оно казалось покинутым.

С каждым днем все вокруг оживало. Проклюнулась молодая трава. На голых ветках берез набухли почки. И не смолкал, не смолкал птичий гомон.

А люди осматривали ближайшие озера и лесные участки, проверяли, живут ли барсуки в прошлогодней норе, не ушли ли норки с быстрого ручья, что бежит неподалеку в овраге.

Людей было двое.

Риса сразу заметила их появление. Как-то на рассвете, подходя к логову, она услышала в лесу стук. Громкий отчетливый стук по дереву. Риса замерла. Никто, кроме человека, не мог издавать такой звук. Она это знала. И хотя с человеком у нее были связаны в общем-то добрые воспоминания, все-таки она насторожилась, почувствовала опасность. В этот день ей плохо спалось. Снилась маленькая девочка — дочь лесника. И те большие собаки, которые жили там, в ушедшем детстве.

Тревога родилась в ее душе. Но Рису все равно тянуло к людям. Возможно, это было просто любопытство. Возможно, неосознанное стремление к общению,

к дружбе с человеком. Ведь Риса выросла среди людей, помнила и не боялась их. Хотя врожденная осторожность заставляла всегда быть начеку...

После того как старый Карл поднял ее с дневки, Риса все реже и меньше спала днем. Она бродила по лесу, мягко ступая по оттаявшей земле. Рысь всегда ходит не спеша, часто останавливаясь. Если, конечно, обстоятельства не заставляют торопиться. Тогда она становится неожиданно стремительной.

Она подходила к людям с подветренной стороны. Не очень близко, чтобы две собаки, которые были с ними, не почуяли ее. Издали Риса видела своими острыми глазами, как люди подолгу что-то делали с деревом. Стучали. Пилили. Прибивали длинные и тонкие полоски... Люди что-то создавали из тонких деревянных стволов. Это были длинные коробки. Риса не знала, зачем все это, но потом догадалась, когда увидела в таком ящике норку. Глупый зверек, заметив рысь, заметался. Риса поняла, что норка в западне, и быстро скрылась в чащобе.

Ночами, когда Риса охотилась, она приходила к дому, где поселились люди. Не каждую ночь, но приходила. Обходила вокруг, принюхивалась к давно забытым запахам. И хотя она делала круг на довольно большом расстоянии от дома, однажды ее учуяли собаки и громко и злобно залаяли. Риса подолгу смотрела на окно, непривычно светлое в темном лесу, на загадочный свет, слабо льющийся из него. И ей казалось, что день не весь ушел за горизонт, что маленький кусочек дня остался в этой деревянной избушке, у людей...

Был теплый весенний день, когда Риса, выбрав неподалеку от лесного домика сухой бугорок, покрытый короткой еще, но уже ярко-зеленой травой, улеглась на нем. Бугорок был окружен кустарником, и она устроилась так, что в промежутке между ветвями ей были хорошо видны и люди, и собаки. Нежась на солнце, рысь не отрывала от них взгляда.

Эти два человека внешне очень отличались друг от друга. Один был высок ростом, другой мал. У высокого лицо заросло густой черной бородой, а у того, который поменьше, лицо было гладкое, без волос. Риса отличала людей издалека. Они все время ходили от

дома к озеру, что-то переносили. Говорили на своем человечьем языке.

Тот, кто поменьше, вдруг что-то громко и встревоженно закричал бородатому. Высокий быстро подошел на зов, присел на корточки рядом с товарищем. Когда подбежавшие к людям собаки злобно и громко зарычали, Риса вдруг поняла, что рассматривают ее след. Она вся подобралась, напружинилась, как в момент опасности. Но не ушла. Ее след уходил в другую сторону. Опасности пока не было. Ведь, прежде чем залечь здесь, Риса долго петляла по лесной чаще.

Собаки рванулись к лесу, но высокий резко крикнул, и лайки нехотя возвратились. Один пес побежал к озеру, сразу потеряв интерес к тому, что запрещено. А второй вернулся к хозяину, лег около и все поскуливал, прося разрешение на охоту. Этот пес был молодой и наивный. Он еще надеялся, что человек может иногда разрешить то, что хочется ему, псу, а не только то, что нужно самому человеку.

Поздно ночью, когда Риса выходила на охоту, с высокого взлобка она видела далеко внизу знакомое окно. В серой мгле весенней ночи одинокое окно избушки светилось бледным четким пятном.

А внутри этой избушки желтое пламя керосиновой лампы вычертило на стенах длинные тени. Жаром тянуло от плиты. В доме пахло деревом и крепким чаем. Люди пили чай и разговаривали.

— А след-то рысий, крупный,— задумчиво пробормотал бородатый.

— Давно мы рыся не ловили. Я уж, поди, забыл. как и ловушку-то ставить.

— Зато я не забыл,— ответил бородач.— Вот съезжу в город, денька через два и займемся,— добавил он, отодвигая пустую чашку, как будто подчеркивая этим, что еще одно дело решено... Присутствуй Риса при этом разговоре, она, возможно, почувствовала бы грозящую ей опасность. Она хорошо понимала интонации человеческого голоса. Даже те, едва уловимые, которые сами люди часто не замечают у своих собеседников. Потому что у рыси более острый слух и обостренное восприятие. Когда человек злится, когда он беспокоится, волнуется, настораживается — все эти и многие другие интонации были ей понятны

Она угадывала не только настроение и состояние человека, но подчас его намерения. По голосу. И зачастую по взгляду.

Хотя Рыса и не знала о разговоре в лесном домике, но тревога ее нарастала. Она все с большим беспокойством посматривала в сторону, где жили люди, и все равно ее тянуло туда.

Старый Вой подстерег ее неожиданно.

Она выследила зайца на опушке леса. Лопоухий помчался в поле. Рыса быстро его настигла и, держа в зубах добычу, пошла обратно к лесу. И вдруг она буквально оцепенела. Отрезав от нее родные и спасительные сосны и березы, на опушке стояла вся свора серых — шестеро во главе со старым Воем. Они выстроились у кромки леса и ждали — в поле от стаи ей не уйти... Это было именно поле, а не поляна, и за полем тоже простирался лес, но так далеко, что его и видно-то было только в ясные дни, да и то как маленькую синюю полоску на горизонте...

Хотя волки стояли далеко, Рыса очень остро чувствовала свое безвыходное положение. Она хорошо видела их большие, всегда голодные и жадные глаза. В молчаливой готовности своих врагов она чувствовала их торжество в предвкушении долгожданной добычи. Выхода у Рысы не было. И она двинулась навстречу стае, прямо на вожака, чтобы в последний момент изменить направление, сбить того, кто помоложе и послабее, и, может быть, пользуясь быстротой своего прыжка, обмануть врагов. Ведь деревья были рядом... Она понимала, что дело ее очень плохо. И всетаки отчаянно готовилась к борьбе. Бросив пойманную добычу, спокойным шагом, сберегая силы, она подходила к стае.

Волки решили, что им пора начинать. Они двинулись навстречу рыси, охватывая ее полукольцом. Однако вожак специально поотстал, не отходя далеко от опушки, чтобы в случае прорыва рыси самому перекрыть ей дорогу к лесу. С краю заходила волчица, стараясь отрезать ей обратный путь.

Рыса шла, дрожа от страха и ярости, ничего не видела вокруг, кроме этих пылающих волчьих глаз, которые успевала держать в поле зрения все сразу. Самый горячий молодой волк из середины полукольца рванулся галопом к остановившейся и замершей, как сжатая пружина, Рысе.

И вдруг, как гром среди ясного неба, раскатисто ударил выстрел. И раскатилось эхо, разрывая притаившуюся тишину. И покатился по влажному весеннему полю тот самый молодой волк, который так и не добежал до Рисы. Казалось бы, все уже было предрешено, но вот случай решил все по-иному...

Жизнь и мала, и велика. Многое случается в течение жизни. Бывает так, что, кажется, уже нет выхода. Просто конец. А жажда жизни огромна у любого живого существа. И не только тот, кто попал в беду, но и сама жизнь ищет выход. Упорно, настойчиво она борется за себя. В самой безвыходной обстановке есть надежда, которая заставляет не сдаваться. Она дает силы и зверю, и человеку. Надежда всегда продлевает жизнь. А когда надежды почти не остается, тогда является он, случай, который может спасти, остановить смерть. Жизнь на земле — это самое главное. А потом уже идут — красота, совершенство, гармония...

Волк, нападавший первым, распластался на черной и влажной земле. А Риса следом за стаей, чуть правее, мчалась к дорогому ей лесу — родному своему дому. Она успела разглядеть своих спасителей — это были они, те самые двое из лесной избушки. Стрелял бородатый, второй только еще выходил на опушку. А что такое выстрел, она знала с тех давних времен, когда жила у лесника.

Стремительными прыжками уходила она с этого страшного места, с края поля, которое чуть не стало краем ее жизни. Вбежав в чащобу, Риса быстро взобралась на склоненную березу, нашла удобный участок ствола — береза, изгибаясь вверху, оставляла горизонтальное, словно специально приготовленное ложе. В таком месте можно было и подремать. Риса улеглась. Долго отдыхала. Потом все-таки на полную дневку пошла в логово. Она чувствовала, что спаслась почти чудом. Нельзя долго играть с такими противниками, как волки, расплата рано или поздно приходит...

И хотя Риса была голодна, она мгновенно уснула от усталости и волнений. Сладок был ее сон на подстилке из пахучих сухих трав и старых шкурок.

4. ЗАПАДНЯ

Риса шла по едва заметной звериной тропе, где ходила всегда. Теплое майское утро играло оранжевыми бликами. Она устала, была голодна, но, поскольку уже настал день, шла на дневку в логово. По пути она настороженно осматривалась в поисках хоть какой-нибудь добычи.

На рассвете нашла стаю тетеревов. Птицы сидели на ветвях, некоторые еще ходили по земле, успокаиваясь после тока.

Но Рисе не повезло. Она поторопилась и не смогла подойти бесшумно. Чуткие птицы взлетели, громко хлопая крыльями, и оставили ее голодной. Косачи, сидя на ветвях, надменно поглядывали на нее, красуясь своими черными лирами-хвостами, отливавшими радужным блеском.

Риса уже подходила к лесной опушке, откуда виднелась ее скала, ее логово. И вдруг ее привлек сильный запах, которого раньше здесь не было. Пахло человеком и свежей сосновой смолой. Риса свернула с тропы на запах и совсем рядом увидела большой кусок свежего мяса. Он был подвешен у самой земли и благоухал зовуще, нестерпимо вкусно. Вокруг подвешенного мяса высились колья. Они выходили из земли, стояли стеной и сверху тоже нависали над мясом. К ним оно и было подвешено.

Она узнала: это был хорошо знакомый запах лосятины. Позапрошлой зимой Рисе удалось ее отведать — она загнала раненного человеком молодого лося.

Запах свежей лосятины дурманил зверю голову, манил, звал. Но здесь сильно пахло человеком, и, кроме того, рысь не могла понять, почему так странно висит это мясо? Человека она не особенно боялась, не ждала от него большого зла, но все-таки сторонилась. Так, на всякий случай. И наблюдала за людьми только издали... Это были чужие люди.

Она постояла, глотая слюну. Затем медленно вернулась на тропу и, не оглядываясь, пошла на дневку.

Мокрый ветер отчаянно рвал еще не закрытые листвой ветви берез, цеплялся за матерые лапы елей, раскачивал их, словно пытался затеять игру с темными великанами. Мелкий дождь под сильными струями ветра косо, как прутьями, сек глаза Рисы. Она жму-

рилась, но шла. В такую погоду трудно обнаружить зверя и птицу, зато легче подобраться и поймать. Непогода притупляет запахи и заглушает звуки. Хищники любят непогоду. Они нападают из тьмы именно тогда, когда жертва, отвлеченная ненастьем и озабоченная мелкими временными и в общем-то нестрашными лишениями, забывает, что есть на земле они, хищники. Забывает о том, о чем забывать нельзя.

Весенние северные ночи только в непогоду бывают темными. И Риса в такую ночь больше всего надеялась на хорошую добычу. Она шла от дерева к дереву, по краю леса, укрываясь за соснами от хлесткого дождя и вглядываясь в ночь. Чутко нюхала и слушала тьму.

По перелеску, шумно ломая кустарник, навстречу ей бежал лось. Она поняла сразу, что именно лось: удары только его мощных копыт так гулко отдаются в земле. А мягкие лапы Рисы очень чувствительны и ощущают топот и более мелких зверей, чем лось. Сохатый тяжел и могуч. И слышно его далеко, если он бежит не таясь, когда спасается или преследует соперника в сезон свадьбы. Риса на лосей не охотилась, такая крупная добыча ей не по зубам. Разве что лось, который почти смертельно ранен... А молодняк всегда хорошо охраняют взрослые.

Лось бежал прямо на Рису. По шуму, который он поднимал, рысь поняла, что это крупный бык. Неизвестно еще, кто его преследует. Она отошла в глубь леса, на всякий случай. Лось пронесся, шумно рассекая мощной грудью хлесткий кустарник. Его никто не преследовал. Может быть, медведь спугнул лесного великана? Отчаянный и сильный, бурый медведь не прочь помериться силами даже с лосем, хотя и он, медведь, тоже предпочитает охоту полегче. Уж, во всяком случае, не на такого быка. Риса хорошо видела, какой гигант промчался мимо. И сразу ровный шум дождя заглушил удаляющийся треск ветвей, только земля еще долго и гулко напоминала о пробежавшем звере.

Риса спустилась к ручью и обнаружила запах норки у самой воды. Приглядевшись, рысь увидела плывущего зверька. Он направлялся к берегу. Она быстро отступила в кустарник, прикинула, где норка собирается выйти из воды, и устроила ей засаду. Норка, эта маленькая хищница, ловко охотится не только за

птицей и рыбой. Она уничтожает зверей, которые значительно крупнее ее. И тот же бедный заяц, бывает, становится ее жертвой. Но для рыси она сама — мелкая добыча...

Ступив на песок, норка огляделась, прежде чем сделать шаг по берегу. Гибкая и быстрая, она привстала на задние лапки. Снова огляделась. Даже в темную ненастную ночь мокрая шерсть ее ярко блестела. А ручей кипел и пузырился под густым и крупным дождем. В такие моменты Рисе казалось, что ручей живой. И, пожалуй, сильный. Затем норка отряхнулась, хотя под дождем это было бессмысленно. В это мгновение рысь и схватила ее. Немного не рассчитала силу прыжка и вместе с добычей свалилась в ручей. Риса не любила холодного купания, хотя хорошо плавала. Купалась иногда в редкие жаркие дни лета.

Она выбралась из воды и с добычей в зубах прошла в чащу, долго осматривалась, затем спокойно прилегла под старой елью на сухую, плотно покрытую прошлогодней хвоей землю.

Через несколько дней, утром, возвращаясь с охоты, Риса вышла на ту самую тропу, на которой не так давно испытала искушение и сумела отказаться от куска лосятины. Она могла бы подойти к логову другой дорогой. Но где-то в памяти не просто хранился этот эпизод, а постоянно беспокоил ее, напоминая, что она оставила, обошла это зовущее, волнующее и тревожное место. И не только мясо ее притягивало. Ею двигало любопытство: можно ли обнюхать необычное деревянное сооружение, можно ли это мясо взять. Она чувствовала, что там опасно, но все равно пошла. И зверя подчас увлекает тревожный привкус риска...

Риса шла к этому странному предмету из кольев, гонимая и любопытством, и жаждой добычи, и волнующим поиском острого, тревожного чувства опасности... Шла, чтобы хоть издали посмотреть, вдохнуть откровенный запах мяса.

Загородка из кольев стояла на том же месте. Но уже издалека рысь почувствовала, что здесь что-то изменилось. По-прежнему резко пахло сосновой смолой. Но мяса уже не было. Вместо него на земле сидел серый зверек. Сначала Риса приняла его за зайца, но,

подойдя ближе, удивилась: это был и заяц, и не заяц. От него не пахло зайцем. Были незнакомые, сложные запахи, которые сильно перебивались запахом человека. Однако людей вокруг не было. Рысь это видела и чувствовала. Она подошла ближе. Зверек заметил ее, забеспокоился, но не убегал. Она насторожилась, готовая тотчас настигнуть его, если он попытается скрыться. Но он сидел на месте, тревожно подергивая длинными ушами. Риса подошла еще ближе — напасть ей мешала осторожность, ощущение острой опасности. В этот момент зверек рванулся, закружился на месте, и рысь не удержалась. Она бросилась на него мощным прыжком...

И тут произошло нечто странное. Она не смогла даже схватить его, хотя он оставался на месте. Какието прутья, тонкие и твердые, на которые она до этого и внимания-то не обратила, заслонили зверька, защитили его от Рисы. Сзади что-то глухо стукнуло, Риса обернулась и увидела, что обратный путь закрыт. Она попала в ловушку. Рысь заметалась по деревянной клетке, пытаясь найти хоть маленькую щель, снова и снова бросалась туда, где прежде был выход, ударяясь головой о колья, не чувствуя боли...

Она с болезненной остротой ощутила потерю свободы. Рысь пыталась грызть колья, стараясь просунуть лапу и как-нибудь расширить щель между ними. Про зверька она просто забыла. Мрачный полумрак западни, казалось, сдавливал ей горло. Выхода из ловушки не было. И она не выдержала и — закричала. Тонкий воющий вопль перешел в стон на низких басовых звуках и закончился хриплым рычанием. Она была готова постоять за себя.

Потом появились люди, те самые, которых она уже знала. Подходя к ловушке, они разговаривали. И Риса слышала, как весело и возбужденно звучали их голоса. Высокий бородач первым подошел к кольям. Рысь прижалась к задней стенке и зашипела, раскрыв пасть и вкладывая в это шипение всю злобу на коварных людей, на тесноту клетки, на свою доверчивость. Она давала понять, что легко она им не сдастся. Ей казалось, что пришел ее последний час. Хотя с людьми у нее были связаны и хорошие воспоминания, но то были совсем другие люди, и сейчас она была испугана и ждала худшего. Уж очень неожиданной и прочной оказалась эта западня...

Человек наклонился над клеткой — и перед самым носом рыси стоймя упала стенка из кольев, отгородив все свободное пространство и оставив Рису плотно прижатой к кольям в заднем углу. Ее всю трясло. Люди были рядом, она стояла в узком простенке и была беззащитна. И вдруг почувствовала, как ее кольнули сзади. Не больно кольнули. Но было обидно, беспомощно, страшно. Она заревела. В то же мгновение колья перед ее глазами закачались, свет дня начал тускнеть, и она медленно провалилась в черную бездонную яму.

Сначала она почувствовала запах. Приятный, ароматный запах мшистой кочки. Затем увидела травинки, которые под слабым ветром покачивались перед глазами, задевая за длинные усы Рисы.

Сознание медленно возвращалось. Внезапно она вспомнила все, что произошло. Быстро вскочила на ноги, огляделась. Она находилась на лесной опушке, неподалеку от дома, где жили поймавшие ее люди. Вокруг было тихо, только птичьи голоса и запахи леса напоминали о том, что жизнь прекрасна, что жизнь продолжается. Неожиданно Риса заметила человека. Это был тот, который поменьше ростом. Риса насторожилась. Он прятался за сосну, и в руке у него было ружье. По его поведению она поняла: он готовится выстрелить. Она прыгнула в кустарник, что был рядом. Внимательно наблюдая за человеком в просветы между ветвями, рысь видела, как он подкрадывается к ней. И тогда раздался громкий и резкий окрик другого человека. Услышав его, тот, с ружьем, быстро повернул к лесному домику. Риса бросилась в чащобу, но до ее чутких ушей еще долго долетали гневные звуки человеческого голоса. Она знала, что голос принадлежит высокому, бородатому, не знала только, что именно он уже второй раз, считая случай с волками, спас ее от гибели.

Да и где ей было знать, что живут на свете очень разные люди. Что есть у них и жадность, и коварство. А за прекрасную шкуру Рисы с редким рисунком, сочиненным природой, можно было получить немалые деньги, что особенно разожгло алчность жадной души. Но добрый человек был рядом и, видимо слишком хорошо зная своего помощника, не оставил без внимания момент выпуска рыси на волю...

Пробежав немного в глубь леса, Риса еще долго

шла ие разбирая дороги, не соображая, куда оиа ндет н зачем.

Потом забралась под большой и густой, жесткий куст можжевельника, с удовольствнем растяиулась на мягком сухом ложе, словио специальио приготовленном для нее из пушистого зелеиого мха, и засиула.

Заснула, потрясенная событнями последнего дия.

5. РЫЖИЙ И БЕЛОГРУДЫЙ

Белая крнвая молния расколола небо. Грохот был такой, что казалось, деревья рушатся и вот-вот задавят Рису, стоит ей только остаиовнться, задержаться хоть чуть-чуть...

Оиа поспешила в логово, как только учуяла прнблнжеиие грозы. Но не успела... Гроза пришла быстро. Первая в этом году весеиияя гроза. Свирепая. Яркая. Бескоиечио громкая. И виезапиая.

Рнсе казалось, что оиа уже ие добежнт до своей пещеры. Оиа не замечала хлесткого ветра и плотиого лнвия, но, когда молиия сверкала особеиио ярко, Риса шарахалась под густой куст, чтобы хоть как-то прнкрыться от всемогущего и неудержимого, что нависало над ее незащищеииой спииой.

Все звери боятся грозы. Чувствуя ее прнближение, они прячутся в норы н пещеры, под навесы деревьев н кустов.

Даже человек, знающий про грозу все, как-то иеожнданно для себя испытывает иеобъясиимую тревогу.

В эту иочь Рнса вообще не собиралась на охоту, она плохо чувствовала себя. Во всем теле были тяжесть н ожидаиие. Но голод выгнал ее в иочь. Когда она — усталая, мокрая н нспугаииая — вползла в свой граннтный дом, гроза громыхала со всей яростью. Словио снлы небесные рассвирепелн оттого, что упустили Рнсу, что ей удалось укрыться в пещере.

Она вытянулась на своем ложе и ощутила тупую боль в жнвоте — сильную, тяиущую, тревожиую. Риса скорчнлась, застонала, сдерживая звуки. Ей казалось, оиа должиа затаиться в пещере, чтобы ее ие было слышио, чтобы про нее забылн. Чтобы тот громыха-

ющий огненный зверь в небе настиг кого-то другого. Не ее...

Риса корчилась от боли, сдерживая стоны. Но вот она поняла: что-то произошло. Стало легче. Потом боль совсем прошла. И Риса увидела два маленьких живых комочка, двух крохотных зверьков. И неожиданно поняла, что именно их она берегла от небесных молний, именно их ей так не хватало последнее время. Они прижимались к ее теплой шерсти, и она стала гладить их шершавым своим языком.

Она передвинула котят подальше от выхода, сама заслонила его своим телом, чтобы никто не мог даже увидеть маленьких рысят.

Они неуклюже толкали ее лапами в живот, тыкались мордочками. А она все лизала их, лизала, выравнивая и приглаживая их короткую шерстку, ласкала закрытые их глаза, словно от этого они могли быстрее прозреть.

А гроза не унималась. Но Риса теперь была готова вступить в смертельную борьбу даже с ним — всесильным, сверкающим, оглушительно рычащим небесным зверем,— только бы спасти, сохранить своих малышей. Их беззащитность среди этого страшного грохота была для нее самой главной заботой во всем огромном мире. Все остальное для нее просто перестало существовать.

Весь следующий день Риса спала. И хотя рысята все время двигались, толкали ее, они не мешали ей. Они приятно щекотали живот, тепло и движение их маленьких тел успокаивали ее, и она спала, утомленная и разрешением от бремени, и грозой прошедшей ночи, и первыми материнскими волнениями.

Когда белая майская ночь снова зажглась над соснами, Риса привычно встала, собираясь на охоту, и вдруг поняла, что ей нельзя уходить из логова. Как же оставить их — беспомощных, маленьких, слепых... Однако голод выгнал ее. Она вышла из пещеры, медленно озираясь вокруг. Отошла на несколько шагов, потом вернулась, постояла у входа в логово, снова двинулась вниз со скалы. Когда она спустилась и пошла по лесу, ей вдруг почудился шум возле логова. Стремительно бросилась она обратно. Рысята спокойно дремали, прижавшись друг к другу, на еще не остывшем ложе. Наконец Риса углубилась в лес. Но всю эту ночь чувствовала особую тревогу, беспокой-

ство и вернулась с охоты намного раньше обычного. Только снова увидев своих малышей, она успокоилась и старательно вылизала их мокрым и ласковым языком.

Спустя две недели у них открылись глаза. На рассвете у одного — у которого белая опояска на груди доходила до плеча, а к полудню — и у другого. Они уже не ползали так суетливо, как прежде. И пищать стали меньше. Тот, белогрудый, первый встал на все четыре лапки... Сделал шаг в сторону выхода из пещеры. Упал. Снова встал. Риса смотрела на эти его неловкие попытки, радовалась его настойчивости.

А второй, со светло-рыжей шеей, широко раскрыв глаза, смотрел на брата, на мать, на свет, проникающий в логово через вход, и только удивленно вертел головой. Потом и он попытался встать. Это ему неожиданно удалось. И он под внимательным взглядом Рисы, с трудом удерживая равновесие на нетвердых своих ножках, потопал к выходу. Довольно много прошел и уже у самого лаза споткнулся и плюхнулся на бок, во всю длину своего небольшого тела. Оба малыша, еще не умея ходить, уже тянулись к выходу из родного гнезда. Новая, недавно рожденная жизнь уже стремилась к простору, к свету, на волю.

Через несколько дней они уже весело резвились на траве, боролись, прятались друг от друга, подкрадывались, нападали и потешно рычали тонкими голосами. Когда на рассвете малыши выходили из логова, чтобы поиграть на траве, Риса ложилась на склоне немного повыше и сверху наблюдала за ними и за подходами к пещере.

Уже поднималось солнце, а рысята все играли, клубками катаясь по зеленой полянке.

Риса еще не увидела ничего, но уже почувствовала опасность. Непонятными путями приходит к матери предупреждение. И она, мать — волчица, лосиха или рысь — всегда отчетливо ощущает опасность, нависшую над ее детенышем...

Прежде чем большая черная тень скользнула по траве, Риса, метнувшись в длинном прыжке, уже заслонила рысят. Присев и напружинившись, она оскалила пасть, выставила вверх переднюю лапу, и острые ее когти тускло блеснули в ярком свете утра.

Гордый беркут, взмахнув огромными крыльями, поднялся над поляной и тотчас исчез за соснами. Риса

слегка шлепнула лапой одного из малышей, он кувыркнулся и побежал к логову. За ним последовал братец. Риса — спокойная и уверенная в себе,— мягко ступая, завершила шествие.

С появлением малышей она изменила время охоты, охотилась теперь в предутренние часы и ранним утром. Ночью же, когда охотятся все, она не рисковала оставлять рысят одних. Мало ли кто, выйдя на охоту, мог заглянуть в логово в ее отсутствие. А под утро многие ночные звери уже были в своих норах. Или дремали там, где застал их рассвет.

Сойдя со своей скалы, Риса перешла овраг, прошла соседний перелесок и была, пожалуй, уже далеко от дома, когда услышала шаги крупного зверя. Он двигался в стороне от нее, но туда, откуда она шла: к ее скале, к логову. Она забеспокоилась и уже готова была бросить охоту и стремглав бежать к рысятам. Но вот зверь вышел на открытое место...

Это был Уг. Риса давно знала этого крупного быка-лося. Он был не стар, силен и опытен. По осени он выходил на звериную тропу — свирепый и полный сил — и трубил, вызывая соперника на поединок, на рыцарский бой за право покровительства лосихе. Тогда не только склоны и скалы, но и лесные опушки вокруг вторили ему: «У-у-у-у-г-г...» Осенний ветер разносил эхо — почтительный отклик природы на зов жизни и борьбы. И поэтому все звери знали, что зовут его Уг.

Это был именно он — стройный, высокий, с резко очерченными на фоне неба широкими рогами.

Уг не боялся Рисы. Она это знала. Но и ей нечего было беспокоиться за своих малышей. Лось никого не обижал из лесных зверей, хотя умел постоять за себя, а иногда и за своих сородичей. Он прошел вниз к ручью, не заметив замершую рысь. А она долго провожала его взглядом, немного сожалея, что он такой сильный и независимый. Она слушала, как нет-нет да и треснет сухой сучок под тяжким копытом.

Потом Риса пошла дальше, вглядываясь в позолоченный восходом утренний лес.

Когда она вернулась в это утро с добычей, рысята впервые всерьез подрались из-за еды. Белогрудый первым рванул принесенную матерью птицу к себе. Он уже не хотел грызть мясо одновременно с братом с двух сторон. Рыжий может и потерпеть. Но не тут-то было! Лишенный добычи рысенок с неожиданной силой

рванул ее на себя. Белогрудый ие отпустил. Оба рычали. Но тут Рыжий виезапио выпустил мясо и отступил иа шаг, словио в раздумье. Брат, удовлетвореиный победой, стал есть, уже ие удерживая птицу. И тогда рванул рыжий хитрец. Белогрудый, ие ожидавший такого маиевра, выпустил добычу. Но тут же, задетый за живое, бросился на обидчика с явным намерением иаказать его. Пришлось вмешаться матери. И рысята, кубарем полетевшие от ее шлепков в угол логова, возвратились с виноватым видом и, косясь друг на друга, сначала осторожно, а потом дружно принялись есть, забыв о недавней ссоре.

Риса, лежа иа боку, смотрела иа рысят, слушала их довольное урчание, и ей было хорошо, как бывает хорошо матери, когда рядом с ней ее дети, когда у них есть еда, оии веселы и довольиы и опасность не грозит им.

Позднее она иередко вспоминала эти минуты как самые счастливые в своей жизни. Ей часто потом казалось: не было иичего лучше тех дней и часов, когда подрастали ее рысята, когда они были с иеи, урчали во сне и, обнимая ее мягкими лапами, прятали свои головы в ее теплой шерсти...

6. УРАГАН

Риса прошла по склону лесистого холма, спустилась в низину. Рысята промышляли неподалеку. Она долго шла по звериной тропе, останавливаясь и приглядываясь, как обычио, когда вдруг иад головой раскатилось:

— Карл!

Риса замерла. Старый ворон никогда просто так, без дела, ие заявлял о себе. Ои или предупреждал кого-нибудь, или насмехался, или высказывал иеудовольствие. Но попусту ие каркал. Риса видела, как он вертел головой и смотрел сверху иа иее.

— Карл! — сказал ои громко еще раз.

Рысь стояла, осматривалась и принюхивалась. И оиа уловила едва заметный запах человека и железа. Он был очень слаб, этот запах. Потому что его забивал сильный дух можжевельника. Большой куст рос рядом, ио можжевельником почему-то пахло и от

тропы, и от того места иа тропе, где Риса теперь уже разглядела иезиакомый предмет, малозаметиый, ио сделаииый человеком,— потому что человеком все-таки пахло. Это был капкаи. И приготовлеи ои был ие для Рисы. Оиа ие зиала, что это такое... Спасибо старому Карлу — оиа сошла с тропы и далеко лесом обогиула тревожиое место. Умиый зверь, уже побывавший в ловушке, стаиовится вдвойие осторожеи. И тогда ие помогают человеку его хитрости: ни маскировка капкаиа, ни вывариваиие его с можжевеловыми ветками. Зверь в капкаи ие идет. И далеко обходит все, что связаио с человеком...

А свой старый ворои есть в каждом лесу. Ои всегда предупреждает об опасиости. Так уж устроеиа природа: обязательио должеи быть старый чериый ворои, который предупредит.

Пригляднтесь когда-иибудь, проходя по лесиой опушке,— и вы увидите: ои сидит иа самой высокой вершиие. Выше всех. И виимательио обозревает окрестиость.

В этот деиь, хотя было тихо и сухо, что-то беспокоило Рису. Оиа даже хотела пропустить предрассветиую охоту и остаться с рысятами. Оиа ие могла поиять, что имеиио ее тревожило. И все-таки вывела рысят в лес, потому что оии были голодиы. На этот раз им ие очеиь повезло. Все звери и птицы попрятались, и пойман был одии болотиый кулик иа всех. Длииноиосого поймала сама Риса.

Воздух пах как-то иепривычио, и это заставило Рису повериуть к логову, так и ие завершив полиой удачей охоту. Уже иачииался деиь, когда виезапно стало совершеиио темио и хлыиул ливеиь.

И тут Риса вспомиила: точио так же пахло в ту самую иочь, когда у иее появились малыши. Правда, тогда ливеиь ие был таким сильиым и хлестким, ио этот тревожиый запах оиа почувствовала впервые в ту страшиую иочь, когда спасалась от грозы. И второй раз — сегодия, чутье ие обмаиуло ее.

Густой, поразительио плотиый ливеиь буквальио захлестиул землю, деревья, стеиой встал перед Рисой и рысятами. Оии спешили. Цепляясь когтями за кории и траву, рвались к своей скале. Гроза грохотала, ио ливеиь казался страшией грома и молиий. Рысята с

трудом перебирались через потоки воды, которые сбегали с лесных холмов. Вода летела и несла сорванные ветром ветви, сучья, кусты. Ветер ревел вместе с ливнем, будто пытался стереть с лица земли семью рысей. Риса видела, как в водяной лавине переворачивались убитые ураганом птицы. И когда вдруг сорвало с тропы одного из рысят, Белогрудого, и вода понесла его вниз, рысь, обезумев, бросилась в поток, перевернулась через голову, ударилась о камни и все-таки схватила сына за холку. Схватила и стала вытаскивать из воды. Она несла его, как носила когда-то, когда он был маленьким. Но рысенок стал крупным и тяжелым, лапы Рисы скользили, не слушались, а она рвалась к большой елке, к ее крепким спасительным корням. Как всякая мать, она в эти минуты совсем забыла о себе, о своей безопасности. Она не замечала, как хлесткие прутья дождя били ее по глазам, как острые сучья, увлекаемые потоком, кололи ее, ноги ее были изранены острыми камнями...

Она выбралась вместе с рысенком под раскидистые лапы старой ели. Вода потока обдавала Рису с рысенком, но дождь их здесь не доставал. Неподалеку, обхватив толстый корень лапами, держался второй рысенок. Наверх они не решались залезть, потому что порывы ветра сорвали бы их с елки...

Вода, бушующая совсем рядом, превратилась в черную бурную реку, и Риса видела все, что неслось, увлекаемое течением. Кроме убитых птиц, вода уносила несколько зайцев. Некоторые из них еще боролись, другие уже погибли, и свирепая стихия швыряла их безжизненные тела.

Риса и рысята смотрели на этот неожиданный гнев стихии, и всем им, особенно рысятам, открывалась во всей ее неприглядности черная сторона жизни, жесткая, неотвратимая, требующая от жителей леса мужества, силы, цепкости и сообразительности. Та черная сторона, где нет пощады слабому.

Измученные, с израненными лапами и боками, они наконец добрались до надежного убежища. Это было углубление под скалой. Стихия еще бесновалась, но порывы ветра слабели, дождь стихал. Заметно светлело.

Риса зализывала ранки и царапины, помогала рысятам залечиваться. Они ближе легли к матери, больше ласкались, чаще, чем обычно, посматривали ей в

глаза. Поздиее она заметила, что онн и играть стали меньше, и вннмательней, осторожией входилн в лес, прнсматривалнсь, прнслушивалнсь. А Белогрудый, снльнее пострадавшнй во время урагана, выйдя нз убежнща иа другой день после бедствня, иеожнданио оскалнлся на мнрную воду ручья н попятился.

Рнса успоконла его, но поняла: ее рысята внезапно повзрослели после тяжелого нспытаиия... Ну что ж, оно н к лучшему. Уже недалек был тот час, когда онн самн стаиут защнщаться от врагов, н охотиться, и устраивать свое жнлье.

Свет дня сиова стал спокойным, прнвычным, тучн ушлн. Ветер и лнвень совсем стнхлн, н в усталой, словно выполосканной ураганом тншнне леса запели птицы. Неожнданно блнзко н громко прозвучал клич старого Карла. Он словно оповещал всех, что жнв н цел, что ему-то ураганы не страшны, кто-кто, а он ие может погнбнуть, потому что нет в лесу другого такого вороиа — старого и черного, всегда готового предупредить об опасностн свонм картавым крнком, раскатнстым н скрнпучим:

— Карл!

Лес обиовнлся после урагана, ветер выломал, а вода унесла много сухих ветвей н даже стволов, прнрода сама очнстила лес, и он стоял праздиичный. Буря всегда прнноснт обновление. Ведь отжнвшне сучья самн уже ие трудятся вместе с деревом, ие производят воздух для леса, ие дают сока ветвям. Онн обременнтельны. Но однажды прнходнт урагаи. Нежданный и снльный. И он ломает отжившие сучья, вырывает нз землн высохшне стволы и уносит нх прочь. Уиоснт, чтобы оставнть место для молодых побегов новой жизнн.

Цвет лнстьев стал ярче, зелеиее, гуще. Даже лесиые запахн словно сгустнлнсь. После иаводиеинй, бурь, лнвневых дождей н жестокой засухн деревья иезаметно вытягнвают свои цепкие узловатые корни, и лнствой шуршат мелоднчнее, н зеленеют ярче, опьяненные самымн глубниимн, сокровеннымн земнымн соками.

Неожнданно почти к самой пещере подошлн кабаны. Рнса н прежде вндела кабаиов, ио это была очеиь большая семья. Несколько свиией опекали окрепшнх поросят. У тех уже исчезли полоскн на спине, и онн, вндимо, счнтали себя взрослымн: то н дело забирались в кусты, отбивались от стада и,

тотчас получая нахлобучку от старших, водворялись на место, похрюкивая и визжа. Могучий секач, с тяжелым огромным торсом, горбатый от силы и матерости, с совершенно седой холкой, постоянно стоял на страже. Он осматривал лес красными глазами, изредка наклонялся, пощипывая траву, смачно пережевывал ее, подняв голову н снова вглядываясь в утреннюю лесную тишину.

Риса хорошо знала, что значит иметь дело с кабанами. Она однажды видела, как матерый секач вспорол брюхо волку своими кривыми и острыми клыками и поволок окровавленное тело зверя, перевертывая его, подкидывая. Правда, волк тот был не очень опытен, молод, но два матерых, бывших поблизости, в бой не вступили. Рисе запомнилась кровавая пена у волчьей головы. Как вечная памятка об осторожности на охоте вообще и в особенности на кабанов.

Сейчас она, чуть оторвав голову от земли, сквозь густую траву внимательно наблюдала за стадом, опасливо поглядывая на вожака. Рысята, не шелохнувшись, лежали неподалеку.

Риса долго шла за кабанами. К середине дня они дважды сменили пастбище, спокойно паслись, рыли землю, подрывали корни.

Риса ждала. Ей так хотелось, чтобы маленький поросенок, который рылся в земле в трех-четырех прыжках от нее, забрел за куст и она могла бы его незаметно схватить. Но поросенок не подходил. И голод, и желание накормить рысят, и азарт охоты, и осторожность — все это скрутилось в запутанный узел. Так бывало всегда, когда Риса готовилась к нападению. И она напала. Сделав эти три прыжка, она схватила поросенка за холку, но в тот же самый момент вдруг учуяла резкий запах секача. На нее буквально дохнуло грозным смрадом огромной кабаньей пасти. Непонятно, как он, коротконогий, успел, но он был уже рядом. Бросив добычу, рысь молнией метнулась в кусты. Кабан недолго преследовал ее, и она вскоре остановилась. Рысята не отставали. Так же стремительно убежали они от кабаньего стада, почувствовав всю опасность положения. Риса недолго постояла. Рысята наблюдали за ней, ждали, куда она двинется, что предпримет. А Риса неожиданно повернула обратно к кабанам: она не могла уйти от стада

просто так, едва лизнув добычу. Теперь она осторожно подходила к кабанам с подветренной стороны. Когда рыси подобрались ближе, стало слышно, как повизгивает раненый поросенок. С ним заигрывали другие резвые и игривые поросята. Рядом стояла крупная мамаша. Вокруг шумел на ветру лес, а здесь, на опушке, где паслись кабаны, начиналось большое картофельное поле. Человеческое жилье было далеко отсюда, потому и решились кабаны промышлять днем. На счастье Рисы, и лес, и опушка, и край поля были окружены кустами можжевельника, здесь же густо рос молодняк осины, березы, ольхи. И было удобно подобраться к стаду почти вплотную.

Но произошло все очень просто. Кабаны стали уходить. Может быть, они почувствовали соседство рысей и это тревожило вожака, а может быть, решили поискать лучшее место для кормления — они сбились в табун и двинулись. Раненый поросенок лежал на траве под кустом можжевельника и чуть слышно повизгивал. Он не мог идти дальше.

Жизнь лесных обитателей нелегка. Им всегда надо бороться за существование. Поэтому остаются продолжать род не только самые стойкие, выносливые, сообразительные, но и самые осторожные. Осторожность помогает спастись от хищника. А хищнику собственная его осторожность облегчает охоту. И дорого стоит зверю промах, даже если он еще не вырос.

Закон леса суров. Не щадят там слабых. Потому что надо сохранить семью, табун, выводок. Надо выжить. И кабаны ушли, оставив раненого поросенка...

7. БОЙ БОЛЬШОГО УГА

Уже несколько дней семья не возвращалась в пещеру. Приходилось чаще менять места охоты. Да и не тянуло сейчас в логово. Рысям нравилось залегать на дневку в новых местах, в укрытиях, приготовленных для них заботливой природой. Это были небольшие ямки под кустами густого можжевельника или ниши под корнями вывороченных бурей сосен. Иногда они отдыхали на пышной и сухой опавшей листве, подгребая ее под плотно лежащие одно к другому поваленные деревья, под которыми рыси пролезали, но кабан или медведь не смогли бы.

Лес суров, но и приветлив. Прижавшись друг к другу, рыси спали своим чутким, настороженным сном. Они слышали шорохи, чувствовали запахи во сне. Когда возникал подозрительный звук, Риса поднимала голову, тревожно вслушивалась, всматривалась, принюхивалась. Рысята все это тоже слышали, но не особенно тревожились: мать была рядом, мать была на страже.

Сегодня их сон нарушил громкий и грозный лосиный рев. Этот голос был хорошо знаком Рисе, но рысята его слышали впервые. Они забеспокоились, прижались к матери, поджав свои острые пушистые уши.

— У-у-у-у-г-г-г...— гремело на всю округу. Казалось, последние алые листья осин и желтые листья берез вздрагивали, срывались с ветвей и падали к сырой и холодной земле, насмерть перепуганные этим трубным, грозящим, мощным голосом, вырывающимся из сильной звериной груди. Настало время любви у лосей. И смелый Уг бросал вызов своим соперникам-быкам, таким же, как и он, да и всему лесу: деревьям, скалам, волкам, кабанам — всем. Всем, кто осмелится принять его вызов. Ветер и эхо далеко уносили этот клич...

И всякий, кто его слышал, понимал, что лес живет. Что в лесу прокладываются новые звериные тропы, рождается новая жизнь. Кто-то умирает. А кто-то крупными глотками утоляет великую жажду, наслаждаясь ледяной и бесконечно чистой водой лесного ручья или тайного родника, упрятанного за большим темно-красным валуном.

Белогрудый хотел вскочить, но Риса ему не позволила, придержав лапой. Это понял и Рыжий. Риса знала, что Большой Уг, в общем, безобиден. Однако не всегда. Сейчас, когда он издавал свой боевой клич, ему нельзя попадаться на глаза. Потому что он мог любого, кого увидит, принять за противника. И убить. Сокрушительным ударом тяжелого переднего копыта или своими широкими, твердыми, как можжевеловый корень, рогами.

Рыси лежали в густом кустарнике и, приподняв головы, наблюдали. Неподалеку на склоне холма стоял этот крупный лось. Они хорошо видели через сплетения ветвей, как он нетерпеливо сильными ударами передних ног рыл землю. Его тяжелая голова была низко опущена, большие глаза налились кровью,

темно-рыжая шерсть на холке встала дыбом. Ои ждал соперника. И тот прншел. Глухо, басисто и протяжио крикнул он что-то злое н, ломая кусты, с шумом выскочил на тропу навстречу Угу. Когда оии ударилнсь рогамн, казалось, хвойные лапы, иависающне над тропой, вспыхнут от нскр. Треск от этого удара — рогамн в рога — был такой сухой и произительиый, словно иеожнданная молиия поразила соседиюю сосиу. Протнвннк Уга был моложе и почти такой же крупный. Оба они изогиулись и иапряглись. Каждый хотел сиачала сдвннуть, а потом смести соперика с этой узкой тропы, по которой победио должеи пройтн только одии. Выпуклые мускулы быков на грудн, иа спнне и иа бедрах вздулись и иабрякли. Копыта их начали уходить в землю.

Затаив дыхание, рыси следнли за этой свирепой битвой двух гнгаитов. Это была еще одиа тайна жизин, которую родной лес открывал рысятам. Тайна соперинчества, борьбы в своем племеии.

Быки еще стояли в предельиом иапряжеини, еще иичего вроде бы ие нзмеинлось, ио вдруг в какой-то момеит стало ясио, что Уг победил. В следующее мгиовеиие у соперинка вдруг подогиулнсь иоги, ои попытался отпряиуть назад, оступился, упал на бок, вскочил, суетливо и неуклюже перебирая иогами, разбрасывая в стороны комья землн. Большой Уг не преследовал его. Леннво н иеснльио поддав ему рогамн в бок, Уг, высокомерно задрав морду, прошел по тропе несколько шагов следом. Остаиовился, презрительно скривив коричневые с фиолетовым отливом губы, фыркнул и нз огромиых иоздрей, иавнсающнх иад губамн, со свистом выпустил пар. Это был вздох облегчеиия или просто усталости. Затем он, еще возбуждеииый, высоко заднрая передиие иоги, иетороплнво прошествовал по тропе и скрылся за елямн, где, должно быть, ждала его подруга, иевидимая отсюда, с рысьей лежки.

Когда Большой Уг ушел, Рнса повела рысят в другую сторониу. Бесшумио вышлн оин иа опушку, слушая рассветиую тншниу. После бнтвы, которую оин иаблюдали, лес показался нм притнхшим, замершим перед иачалом иового дия. Восходящее солнце сделало особеиио яркимн осенние цвета листьев, трав, стволов, землн. Лес словио пылал, и совсем иеслышио скользили три рыси. Они ступали так, что даже листья —

хрупкие и звонкие — почти не шуршали под их ногами.

В этот день Рыжий впервые поймал тетерева. Белогрудый уже ловил тетеревов, да и других птиц он ловил чаще. Он осторожнее брата подползал к будущей добыче и стремительно нападал. Рыжему охота на птиц давалась труднее. И только сегодня поймал он эту, такую желанную, крупную птицу. Тяжелый косач с черным, отливающим синим перламутром оперением и изящной лирой широкого хвоста — большая награда рысенку за долгое, почти непосильное для него терпение, которое он проявил, когда, прилипая к земле, полз так медленно, что сам едва замечал свое передвижение. И почти не дышал, пока полз.

Птица лежала на желтой траве осени. Риса и рысята рвали ее на части. За едой рысята уже не ссорились. Мать не позволяла.

Увядающий осенний лес притих. Он стал спокоен и задумчив. И чуден не только своими ослепительными красками... Облетая, лес обновлял свою жизнь, готовился обрести новую молодость с приходом весны. Опадающие листья позже, растворяясь в земле, дадут пищу корням, корни крепче обнимут родную землю за ее доброту, за ее мудрость, которая не щадит листья ради всего дерева, ради жизни.

Всегда горько видеть погибшую птицу, но в лесу ничего не происходит зря. И, погибая, птица тоже дает жизнь. Так же, как и листья, дающие жизнь корням после своей смерти, она погибает ради жизни другого зверя или птицы, которые тоже являются частью леса, его необходимой живой частью, его листьями.

8. РАССТАВАНИЕ

Ночь была светлой. Самой луны не было видно, но ее свет струился через тонкую пелену облаков, и лес казался пронизанным насквозь этим мягким бледным светом.

Давно уже был подо льдом и снегом ручей Рисы. Высокие снега отражали свет невидимой луны, и ночь казалась еще светлей.

Рысята играли на пологом снежном холме. Было очень тихо. Рыжий прятался, а Белогрудый нападал,

искал его и снова нападал. Рыжий зарывался в снег с головой и, когда братец находил его, с восторгом прыгал на Белогрудого, они катались в снегу, взбивая снежную пыль, однако все время молча, потому что мать запрещала шуметь, особенно ночью, и они уже привыкли играть молча.

А Риса, напряженно вслушиваясь в светлую ночь, лежала сбоку от заячьей тропы, проходившей в низине у холма, на противоположной стороне которого играли рысята. Лежала, ожидая и надеясь на добычу. На этот раз ей не пришлось выжидать слишком долго. Длинноногий заяц появился из-за елки, едва рысь залегла в засаду. Он делал несколько прыжков, замирал, присев на задние лапы, прислушивался, снова прыгал. Рысь схватила его, когда он остановился в двух прыжках от нее.

Риса побежала с добычей в зубах к рысятам, она миновала низину, ступила на снежный склон и вдруг замерла. Чуть выше ее по склону, совсем рядом, стоял незнакомый зверь: небольшого роста, темный, мохнатый, кряжистый. Он явно готовился напасть на Рису и отобрать ее добычу, угрожающе показывал свои неровные, уродливые, острые и, видимо, очень крепкие зубы. И хотя зверь был меньше Рисы, вид его, такой суровый и уверенный, встревожил ее. Широко расставив мохнатые лапы, он закрывал ей путь на холм, к ее рысятам. Но Риса была не из тех, кто легко отдает свою добычу врагу. Злобно зашипев, она уронила зайца на снег и сделала шаг вперед. Отсюда до зверя оставался прыжок. Рысь рванулась, но зверь проворно отступил в сторону, и она промахнулась. Они сцепились в жестокой схватке. Риса хотела ухватить его зубами за холку, но он, жилистый и крепкий, увернулся, и у нее в зубах осталась его вонючая шерсть. Острый запах незнакомого зверя, запах выделений его мускусных желез буквально забил рыси глотку. К ее злобе прибавилось бешенство. Зверь пытался вцепиться Рисе зубами в горло, но она тоже выскользнула. Он дважды поранил ей спину острыми когтями. Риса, взбешенная, вонзила зубы ему в бок, забыв про удушливый запах, и, обняв зверя, стала торопливо рвать ему другой бок когтями, левой передней лапой все время защищаясь от его зубов. Зверь неожиданно перевернулся на спину, пытаясь притянуть рысь к себе. Но она вовремя

поняла опасность, увидев приготовленные к удару острые когти мощных задних ног зверя.

Рыса отпрыгнула и, схватив зайца, о котором все время помнила, побежала вверх по склону. Зверь тоже дернулся в сторону зайца, но, конечно, не успел. Негромко и злобно рычал он вслед уходящей рыси.

Рыса никогда раньше не встречала редкую в этих местах росомаху — злобного, коварного, осторожного и смелого зверя.

Когда она поднялась на вершину холма, рысята все еще играли. Один отыскивал другого по следу, петляющему в снегу. Второй лежал, зарывшись в сугроб по уши, не шелохнувшись, наблюдая за братом. Будто ничего нет на свете, кроме этого веселого и увлекательного занятия. Минутная эта радость прекрасна. Увлеченные игрой, они забыли обо всем на свете: о страхах ночного леса, об опасностях, о матери. Забыли, потому что мать рядом, потому что она-то о них не забудет. Это чувство беззаботности, присущее детству, у них сразу же исчезнет, как только они станут жить отдельно от матери.

Следующей ночью Рыса почувствовала беспокойство. Она вообще плохо спала в этот день и вечер, наверное, из-за особенно жгучего воздуха, который сейчас, ночью, буквально обжигал горло. Днем не было так холодно, но Рыса, словно предчувствуя беду, устроилась дневать с рысятами под вывороченным корнем старой, сваленной ураганом сосны. Глубокая узкая яма под вздыбленными корнями дерева позволила семье рысей надежно укрыться. Рыса не помнила таких холодов за всю свою жизнь. На усах мгновенно нарастали льдинки, нельзя было облизать не только лапу, но даже облизнуться. Язык прихватывало, он прилипал к шерстинкам. Не зря накануне она так упорно искала надежное убежище, не стала ложиться на отдых прямо в снегу, как это часто случалось. Это и спасло рысят от беды. Прижавшись друг к другу, они грелись в узкой яме. Высунув морду наружу, пытаясь облизнуть обледенелые усы, Риса вдруг поняла, что нельзя вылезать из этой спасительной норы. Страшный мороз не только не принесет удачи на охоте — ведь никто не выйдет на тропу в такую ночь,— можно замерзнуть самим. И рыси не вышли из убежища. Согревая друг друга, они дремали,

пережидая суровую ночь. Голодные, ио согретые, звери делили общее тепло, и им было хорошо.

К полудню пошел крупный сиег, и лютый мороз отступил. Стало теплее, и гонимые голодом рыси вышли на охоту, едва иа землю спустились сумерки.

Прошли морозные дни и иочи, когда сиег скрипел и взвизгивал даже под мягкими рысьими лапами, когда было тихо и по ночам иад лесом висела луна и большие мерзлые звезды.

Наступило вьюжное время зимы. Ночи стали темными, луна почти не появлялась над деревьями, и днем было пасмурно. Снег то мягко кружил — нежный и пушистый, как шерсть рыси,— то, гонимый сильным ветром, свивался в поземку и хлестал по глазам — жесткий и колючий, как черные голые ветки осин или щетинистые кусты можжевельника.

Потеплело. Сугробы стали пушистыми и глубокими. Не надо было тщательно заботиться о местах лежки. На любом месте в снегу можно было хорошо отдохнуть, без боязни встретиться с волками или замерзнуть.

Пришло время расставания в рысьей семье. Белогрудый и Рыжий были уже не рысята. Они так и не дотянулись до матери — слишком крупной была Риса. Но уже выросли, окрепли, научились охотиться, скрадывать жертву, прятаться от врагов — всему, чему их могла научить мать. Они уже чувствовали, что пора жить самостоятельно. И во время последней охоты не очень слушались Рису. Последняя совместная добыча — крупный тетерев — была разорвана, съедена, и они разошлись.

Риса долго еще стояла, глядя вслед то одному, то другому. Потом и она пошла обычным своим мягким шагом. Крупные снежинки садились на ее усы, касались темно-коричневого носа и таяли. Хлопья снега опускались в следы Рисы, и скоро место, откуда разошлась по лесным неведомым дорогам семья рысей, покрылось ровной сиежной пелеиой.

Риса знала, что рысята ушли насовсем. Но еще долго они будут оставаться в ее памяти, приходить в воспоминаниях, во сне. Зимний белый лес, полный запахов, шорохов и неожиданностей, стал для Рисы уже не таким, как раньше. Теперь он был без ее рысят... Она возвратилась к своему обычному рысьему образу жизни — к одиночеству.

У одиночества свои преимущества: оно позволяет более сосредоточенно наблюдать окружающий мир, не отвлекаясь на общение с подобными себе, на выяснение старшинства, на взаимные обязанности. Одинокий житель леса свободен от этого.

Но он не может рассчитывать и на помощь сородичей, на их поддержку. И он повышенно осторожен, потому что совсем одинок. Он должен рассчитывать только на себя, на свой опыт, на свои силы, на свою удачу.

— Карл!

Риса остановилась. Это был он, старый знакомый, черный ворон. Он тоже давно не видел Рису и, видимо, просто поздоровался. И вдруг она поняла, что незаметно начался день, что жизнь ее изменилась с уходом рысят и что эта черная старая самодовольная птица чем-то близка ей. По крайней мере, сейчас Риса с удовольствием услышала голос Карла. Он словно напомнил ей, что она в своем родном старом лесу, где ее знают, где она у себя дома.

И, пожалуй, она была ему рада, потому что в одиночестве самым близким становится тот, кто умней, кто — над всем, благодаря своему уму, опыту, высоте своей. Как этот Карл.

9. ВЫСТРЕЛ

После ухода рысят Риса, во время охоты, снова навестила человеческое жилье, которое теперь пустовало, заметенное тяжелым снегом. Подошла к крыльцу. Там не пахло человеком, все было покинуто, заброшено на зиму. Она пересекла замерзшее озерко, чувствуя себя еще более одинокой, чем раньше. Вспомнила даже своего давнего приятеля — серого самца, который жил в этих же местах, но уже давно не появлялся. Как-то, еще в начале лета, когда рысята были совсем маленькими, он вышел на поляну, где играли малыши. Тогда Риса — мощная, своенравная — так на него зашипела, что он надолго исчез с ее глаз. Он был отцом этих рысят, но из-за крутого характера Рисы и излишней заботы ее о безопасности малышей ему ни разу не довелось поиграть с ними.

В эту ночь Риса рано легла на дневку. Еще

окончательно не рассвело, когда она выбрала углубление под деревом и улеглась.

В лесу было тихо. Деревья стояли не шелохнувшись, словно устали от мглы и боялись спугнуть приближающийся рассвет.

Вьюжная пора зимы прошла. Днем снег подтаивал на солнце, ночью подмерзал — слежавшийся, колючий, покрытый твердой коркой наста.

По утрам по этой звонкой ледяной корке, шурша, проносилась поземка, ветер гнал по скользким склонам крупинки снега, будто торопился очистить тайгу от следов февраля, и звонко и протяжно подвывал, зазывая в лес уже близкую весну. На деревьях обозначились почки, внутри стволов, в самой их глубине, уже бродили соки жизни.

В такие ночи Риса хорошо спала. Может быть, близкое дыхание тепла, предчувствие весеннего лесного оживания убаюкивало ее, вливало успокоение в ее настороженное, взволнованное сердце. Но покой этот был недолгим...

Ее разбудил выстрел. Он прогрохотал где-то совсем близко. Она подняла голову и увидела, как неподалеку быстрым галопом бежал Большой Уг. Ему было трудно бежать. Он проваливался, наст не держал тяжелого зверя. Хорошо еще, что снег здесь, на опушке, был неглубок. Но наст резал ноги Угу. Рисе были хорошо видны красные брызги на снегу, там, где пробежал Уг. Его преследовал человек, он быстро скользил на лыжах по насту, настигая лося. Лось бежал, высоко вскидывая передние ноги, подняв голову и широко разинув рот. Он, казалось, хотел вдохнуть весь лесной, родной воздух, чтобы найти силы для спасения. И Риса поняла вдруг, что Угу конец. Она прижалась к дереву, мелкая нервная дрожь пробежала по ее лапам, по хвосту. Человек выстрелил еще раз, но, видимо, второпях снова промахнулся, потому что Уг продолжал бежать. Острое ощущение гибели придало сил опытному быку. Он сообразил, где его спасение,— резко повернул в сторону, в гору, на южный склон холма, где лежала Риса и где слой снега немного стаял. Человек не мог его преследовать в гору на лыжах, и лось, быстро взбежав на склон, скрылся за соснами. Человек стоял, держа ружье на изготовку. И вдруг он увидел рысь, прижавшуюся к корням дерева. У него не бывало

колебаний перед выстрелом. Он был готов убить все живое в лесу. И, едва увидев направленный на нее черный глаз ствола, Рыса поняла это. Бежать было некуда, и она резко прижалась к земле, стараясь вдавиться в слежавшийся снег, слиться с ним, растянувшись серым живым пластом на снегу.

В это мгновение и ударил выстрел. Человек видел, что рысь так и осталась лежать, не шелохнувшись. Только от головы ее поплыло по снегу алое пятно. Он подошел к зверю. Никогда не встречал он такой крупной рыси. Пнул ее носком сапога, повернул на спину — она откинулась, по-мертвому раскинув лапы и разинув пасть. Он взял ее за задние ноги, взвалил на плечо и понес к машине, стоявшей здесь же, на лесной дороге. Что-то негромко сам себе напевая, он швырнул Рысу на грязные доски кузова и сел в кабину.

Жил он в городе, почти в центре, имел свой дом с огородом. Эти старые дома давно собирались снести и построить на их месте новый микрорайон, но все никак не сносили. Он жил здесь, разводил кроликов, выращивал картошку. Вся его семья — жена, он сам, двое почти взрослых сыновей — прилежно работала на огороде, поддерживала порядок в доме. И непонятно, как в этом трудолюбивом человеке возникла холодная жестокость ко всему лесному. Он в общем-то скрывал свою жестокость. Скрывал и от своей семьи, и от соседей. И, пожалуй, только в лесу был самим собой: ставил запрещенные ловушки, петли, загонял лосей по насту, травил дымом барсуков...

Когда он бросил Рысу на крыльцо дома, все домочадцы увидели ее. Был выходной, и его ждали с охоты. Жена смотрела издалека, а парни стали ощупывать шерсть, лапы, голову зверя.

— Пап, да она живая! — вскрикнул один из них.

— Ну да...— засмеялся отец.— Уже часа два, как едем, она уж холодная, шкуру трудно снимать будет.

— Да ты потрогай, глянь, она дышит!

— Вот чудеса! — удивился отец. Он внимательно осмотрел рану на голове рыси и не нашел пулевого отверстия. Он стрелял зарядом, приготовленным для лося, ранение оказалось касательным, и пуля, скользнув, рассекла только кожу лба. От удара Рыса потеряла сознание. Перед выстрелом она прижалась

к земле, это и спасло ее от гнбели — пуля прошла чуть выше, едва коснувшись головы.

— Ну и дела,— сказал браконьер.

Победное, торжественное выражение, которое минуту назад было на его лице, сменилось растерянностью. Сейчас этот большой сильный зверь очнется — и что тогда? Он потянулся к ружью...

— Пап, да ты что? — спросил младший.

— Да нет, сынок, пусть, конечно, живет. Только что мы с ней делать-то будем?

— Посмотри, да она закольцованная,— заметил старший сын,— вон на ухе алюминиевая сережка!

— А давай ее вместо Тимки привяжем! Его-то уже нет,— посоветовала жена.

— Да ну, мам, рысь ведь, зверь-то какой! И потом, сорвет она цепь.

— Не сорвет, цепь железная, да н ошейник толстый кожаный,— вмешался отец.— Пусть дом охраняет, делом займется зверюга. А мы ее кормить будем. И, выходнт, не зазря.

— Ни у кого такого сторожа нет! — обрадовался младший.

И на рысь напялнлн ошейник, принадлежащий собаке, давно погибшей на охоте, и оставили лежать около собачьей будки на снегу. Было тепло, текло с крыш. Но младший сын хозяина все равно притащнл подстнлку, постелнл ее в собачьей будке и втащнл туда еще бесчувственного зверя.

Очнулась Рнса ночью, когда над городом висели звезды. Долго не могла припомнить, что с ней произошло, но постепенно память вернулась. Рнса вспомнила выстрел и поняла, что она у людей. Очень ломнло голову, н хотелось пнть. Прннюхалась, стараясь разобраться в запахах. Все они были тревожными. Риса поднялась. И ее сразу нспугал совсем близкий звякающий звук. Постояла. Снова двинулась — опять звякнуло. Снова замерла. Ведь она не знала цепей! В конце концов решила, что это не опасно. Осторожно вышла из будки. Вокруг было тихо, только отдаленный незнакомый шум ночного города напоминал ей, что это необычная ночь. Что она не у себя дома, в лесу, и что сейчас нельзя пойтн в соседний овраг на охоту. Поискала воду, нашла. Вода была отвратительной: пахла человеком, железом и еще чем-то неприятным, чужим. А ей очень

хотелось пить, тошнило от жажды, н она вылакала всю миску. Стало легче. Но ошейник раздражал. Ей казалось, он душнт ее.

Было так же тихо. Человеческое жилье молчалнвой горой стояло рядом. Риса знала, что это обманчивая тишина. Там люди. Живые и сильные. Она решила уйти. Рваиулась в сторону от человеческого дома, ио цепь звякнула и остановила Рису. Стало ясно, что просто так не освободиться. Сначала в порыве отчаяння оиа пыталась грызть железную цепь, рвалась прочь, иадеясь, что цепь отпустит ее. Рису тошнило. Всю иочь оиа провела в тревожной дремоте. Есть не хотелось. Она обреченно ждала утра, словно утром должио было произойти что-то самое страшное.

Но утром ннчего не пронзошло. Несколько раз люди проходили мимо ее убежища, где она лежала, ощетиившись, приготовившись к последиему бою. Один из сыновей хозяиа, младший, подошел ближе других — Риса зашипела, и он ушел. Она видела, как он поставил на землю миску, и тут же почувствовала прнятный запах еды. Но не шелохиулась. Люди куда-то ушли и вернулись под вечер. Прошли несколько раз мимо Рисы и скрылись в своем жилище. Оиа все лежала, ощетннившаяся, настороженная, в ожидании беды. Перед рассветом решилась подойти к тому, что оставил около нее человек. Понюхала. Слюна заливала ей рот, горло. Очень хотелось есть. Но от еды пахло человеком и железом, так же, как и от капкаиа, в который чуть ие угодила Риса, и от ловушки, в которую она попалась. И все-таки пахло не совсем так. Потому что в ловушках было сырое мясо или жнвой зверек. А здесь стояла вареиая пища. Но осторожная Риса голодной вернулась в будку, так и не тронув еды.

До утра она пыталась дремать, ио запах пищи раздражал ее, не давая уснуть. Когда она все-таки засыпала, ей снилась еда. Утром люди снова ушли. Весь следующий день оиа так же не выходила из будки, с опаской косилась на еду, шипела, когда невдалеке проходили люди. Поздно ночью, почти под утро, не выдержала и торопливо, озираясь, вылизала все.

Теперь Риса не сжималась в жесткий ощетииившийся комок. Она была иастороже, ио уже наблюдала через входное отверстие будки за всем, что происхо-

дило во дворе. Ее внимание привлекла крупная, как тетерев, птица с ярким оперением. Важно ходила она по двору, склевывала что-то в земле, гордо подняв голову, наблюдала за будкой, где лежала Риса.

Петух напоминал Рисе старого Карла. И Карл, и этот петух держались очень гордо, но во всей позе Карла чувствовался ум птицы, а в гордой позе петуха была видна надменная его глупость. Очень уж не похож он был на лесных жителей, которых она помнила. Зелено-желтое переливчатое оперение сверкало на весеннем солнце, ярко-алый гребешок, венчающий голову, как бы подчеркивал его избранность среди остального, тусклого, животного мира.

Первое желание Рисы было поймать эту самоуверенную птицу. Но рысь смутно понимала, что она в неволе и не может, как в лесу, охотиться на петуха или на другое животное здесь, во дворе. С рассветом петух взлетал на забор и пел. Сначала это беспокоило Рису, потом она постепенно привыкла к его резкому крику.

Вечером к будке пришел хозяин дома, тот, кто стрелял в Рису. Он говорил спокойным голосом, обращаясь к ней, принес в миске еду. Как только Риса увидела его, она вспомнила и Большого Уга, убегавшего по окровавленному снегу, и долгое эхо выстрелов в лесу, и свой ужас перед тем роковым выстрелом, который принес ей неволю. Ее трясло от ненависти и страха. Забившись в будку, она злобно шипела, приоткрыв зубастую пасть и приготовив переднюю лапу для удара. И он не решился подойти ближе. Когда он ушел, рысь еще долго не могла успокоиться. Но еду ночью съела, потому что была голодна и уже знала, что пищу, которая в миске, можно есть.

Больше хозяин не подходил к будке. Проходя мимо, он иногда ворчал, говорил что-то недоброе в ее адрес — это она понимала по тону.

По утрам еду теперь постоянно приносил младший сын хозяина. Риса стала привыкать к его запаху, почти перестала его бояться. Когда он приносил пищу, рысь уже не шипела, не щетинилась. Молча наблюдала за ним. Однако съедала свою порцию только ночью, как прежде. Часто она просыпалась перед рассветом с чувством беспокойства. Ее тянуло на охоту. Иногда спросонья ей казалось, что достаточно выйти из этого деревянного логова, как она

окажется в лесу, около родного ручья, где была такая холодная и вкусная вода. И где не было опасных запахов человека. Но стоило высунуть голову из будки — и надежды исчезали вместе с остатками сна.

Двор был небольшой, огороженный деревянным забором, от которого хорошо пахло сосновым лесом. В углу двора — Риса давно это чувствовала — жили какие-то звери. Она их не видела, но запахи и звуки, идущие оттуда, ей — лесному хищнику — говорили достаточно много. По ночам во дворе появлялись мыши. Но не полевые, каких иногда ловила Риса, а другие, очень похожие на полевых. Они были и меньше, и пахли немного деревом, немного человеком и еще незнакомыми запахами. Рысь уже освоилась и охотно поймала бы такого зверька. Но мыши были осторожны, будку обходили далеко, а цепь надежно ограничивала свободу Рисы.

Днем на дворе бывало беспокойно, люди чаще стали появляться в середине дня, и у Рисы незаметно изменился образ жизни: днем она не могла спокойно спать и в основном высыпалась ночью. Но и ела ночью, потому что выходить при свете из будки не решалась.

По нескольку раз в день приходил младший сын хозяина. Приносил еду, в которой было много вкусного мяса. Просто приходил, садился неподалеку, но за пределами длины цепи.

Он, может быть, подошел бы ближе, но отец ему не разрешал. И еду подавать Рисе отец велел так, чтобы подвигать ее палкой. Мальчик говорил, обращаясь к рыси, добрым спокойным голосом. Риса не шипела, она слушала его, и ей уже нравилось, что он приходит. Потому что с ним были связаны приятные впечатления от вкусной пищи, и еще она начинала чувствовать, что от этого человека не надо ждать беды. В эти минуты вспоминала она и того бородатого, который дважды спас ее, и уже смутно, но все-таки всплывала в ее памяти маленькая дочь лесника, которая в далекое доброе время детства дала ей имя Риса.

Память и человека, и животных порой позволяет связывать, казалось бы, не связанные ничем события и эпизоды жизни. Когда приятные воспоминания выстраиваются в памяти, ставя в один ряд совершенно

разные событня, то внезапио можио поиять то, что было прежде загадкой. Так и у Рисы. В ее памяти встали в ряд люди, делавшие ей добро. И оиа почувствовала к сыну хозяина расположеине н неожиданиое доверне. Посидев иемиого, он уходил. Но рысь уже ждала этих встреч. Настороженный, недоверчивый, одинокий зверь все-таки нспытывает иеобходимость в общеиии и, пожалуй, в привязаииостн к другому — к своему детеиышу или даже к человеку.

А весна овладевала природой. За время, что Рнса прожила во дворе в иеволе, снег стаял, земля стала теплой. Рисии ручей там, в родиом лесу, уже повесеннему бурлил, иеся талые воды в озеро. Но она этого ие могла видеть. Прилетели скворцы и грачи и целыми днями трудились и в середиие двора, н у самого забора. Оии так тщательио осматривалн землю двора, словио прошлым летом что-то здесь потеряли или спрятали н забыли где. Птнцы ссорнлись между собой, громко кричали. Рисе было обндно, что ее просто ие замечают, что оиа, сильная н полновластиая в лесу, здесь бессньиый иаблюдатель. Она чувствовала себя здесь лишией. И еще более чужнм казался ей этот двор ее иеволи. Целыми днямн лежала оиа, с тоской смотрела нз собачьей будкн на мир н молчала.

Иногда у забора появлялся петух. Он проходил важно, по всей длине ограды, медленно, словио проверял порядок. Птицы — и грачи, и скворцы, н воробьн — держалнсь от него иа почтительиом расстояинн. Ннкто с ннм не хотел связываться. Потому что ои был не только горд н глуп. Но н нахалеи. Рису все это забавляло. Но печаль давила на ее звериное сердце, ей вндедся лес. Огромные сосны, бурливые ручьи, зайцы, бегущне по тропам, пушистые мхи, пахучие ягоды и многое-миогое другое, что шумит, шуршит, цветет, пахиет, поет, бегает н летает в бескрайнем лесиом мире, который у иее отобралн.

Ночь была иа исходе. На севере весной ночь сумеречная, не темиая. А к началу лета ночей не бывает совсем: в самое глухое ночное время светло как днем. И все равио иочь сохраняет свон права. Звери так же продолжают свой образ жнзнн в то время, когда люди спят.

На рассвете Рнса услышала шорох. Она выглянула н увидела длиниоухого зверька, который без-

заботно прыгал по двору невдалеке от нее. Сбежавший из клетки кролик словно разбудил в ней стремление к свободе. Риса дрожала, глядя на него. Она подобралась, напружинилась и прыгнула мощно, резко, стремительно. В момент прыжка цепь натянулась, дернула ее и вдруг, хрустнув, отпустила. Лопнул кожаный ошейник. Ведь он был собачьим!

Старый кожаный ошейник, к счастью, не выдержал ее мощного броска. Не лопни он — жизнь Рисы повернулась бы совсем по-другому. И неизвестно, удалось бы ей уйти когда-нибудь с этого рокового двора. Так бывает, что судьба зависит от какой-нибудь мелочи: сломанного замка, отсыревшего патрона или порванного ошейника.

Ошейник упал. И Риса поняла, что она свободна. И осторожно, мягкими шагами, как на охоте, двинулась к забору. Риса вся трепетала от радости, от чувства свободы, забыв про кролика, стремясь побыстрей уйти. Она ощущала себя уже, как прежде, сильной, уверенной.

Она снова была лесной рысью.

10. ГОРОД

Перед изгородью она огляделась, потянула чуткими ноздрями сладкий сосновый запах кольев и досок забора и легко перемахнула через него, едва коснувшись верха передними лапами. Огляделась. Длинная, пустынная, как лесная просека, улица открылась ей. И вдруг Риса уловила, что справа вдалеке шумят деревья. Шум сосновых ветвей казался ей самым дорогим, самым желанным звуком на свете. Она бросилась на этот шум, надеясь увидеть за поворотом, за последним домом лес. Деревья стояли небольшой рощей. Среди старых тополей и берез шумело несколько сосен. Но Риса почувствовала, что это был не настоящий лес: гладкие полосы твердой земли пересекали рощу, проходили между деревьями. Для того чтобы отличить настоящее от ненастоящего — надо всего-навсего хорошо знать настоящее. Тогда очень просто обнаружить разницу. Риса хорошо знала лес, и поэтому открывшийся ей парк насторожил ее.

Она быстро пересекла его, подошла к бассейну с бездействующим фонтаном. Долго и жадно пила.

Потом быстрым шагом вышла нз парка и, затравлеиио озираясь, рысцой побежала по длииной городской улнце.

Прошло совсем иемного времеии, как Риса вырвалась из иеволн. Была рассветиая тишина, город спал, прохожне еще не появлялись иа пустынных улицах. Риса тороплнво бежала, выискивая выход из длииных рядов каменных и деревянных громадии. И вдруг впереди раздался звук шагов. Рнса замерла. Человек был уже близко. Времени на раздумье не было, и рысь шарахнулась в похожнй иа большую пещеру подъезд камеииого дома. Замерла. Прислушалась. Шаги звучали уже совсем рядом. Гулкое эхо шагов в глубокой тишиие спящего города особеиио пугало Рису. В поле звук рассенвается, в лесу глохиет, а здесь зажатое домамн эхо казалось Рисе зловещим. Рысь иеслышио скользнула иа лестничную площадку и, увндев пустынную лестиицу, иапомнившую ей скальные уступы, побежала вверх. Сиачала это уступчатая дорога показалась ей бесконечио длинной. Но потом, по едва слышиому отзвуку своих шагов, оиа почувствовала, что вверху тупик. Пробежав последиюю площадку, оиа прошла выше. Чердак был открыт. Оказавшись в темиоте и тишине чердачного помещения, Риса иемиого успокоилась.

Медлеиио, шаг за шагом, обследовала она огромную эту пещеру, устроеииую поверх дома. Здесь было не так темио, как в знакомых ей пещерах, свет пронкал через щели. Было очеиь миого пыли — Риса иесколько раз чнхиула. Здесь, к счастью, иикого ие оказалось, и Риса улеглась в углу, дальием от входа, н сразу же задремала.

Весь деиь она отлежнвалась после волиений и тревог. Просиулась, когда шум дия уже стнхал, вечерело. Очень хотелось пить. Риса прошла по чердаку, еще раз обследовала все углы, опять иесколько раз чихнула от густой и горькой пыли. Еще больше захотелось пить. Она осторожио иаправилась к выходу, ио вдруг застыла с подиятой передией лапой: к чердаку кто-то прнближался. В два прыжка оказалась оиа в дальием углу, залегла за какую-то балку, прнжав голову, почти распластавшись на полу. Скрипиула чердачиая дверь — н Риса увидела нх.

Это были дети, детеиыши людей. Риса их боялась меньше, чем больших людей, ио тоже боялась. Их

было двое. Они не прошли в глубь чердака. Стояли, возбужденно говорили. И вдруг один из них уставился в сторону Рисы.

— Ой! — сказал он шепотом.

— Ты что? — спросил испуганно другой.

— Там... глаза...

И они оба без оглядки бросились бежать вниз по лестнице, перепрыгивая через три-четыре ступеньки, и успокоились, когда оказались довольно далеко от дома. Вид у них был перепуганный, мальчики тяжело дышали и вопросительно смотрели друг на друга.

И тут из-за дома вышел их сосед, уже большой парень, девятиклассник. Ребята бросились к нему:

— Вовка, ты знаешь!..

— В Витькином подъезде...

— В моем...

— Глаза на чердаке!

— Как у кошки, только в сто раз больше!

Вовка с усмешкой смотрел на них.

— А больше вам ничего не почудилось? Может, ведьма? Или дракон с огненными зубами?

— Да честное слово, Вов! Сами видели. Может, зверь какой, а? Ты ведь в зверях разбираешься.

Это Вовке польстило. Да и интересно стало, что это они там увидели. Вовка зашел домой за фонариком, и ребята поднялись на чердак.

Риса чувствовала, что люди вернутся. Она поняла: ее заметили. Очень хотелось скользнуть в эту чердачную дверь, бежать без оглядки отсюда. И пить очень хотелось. Но она не решалась пойти туда, куда только что ушли люди. Она встала, нервно прошлась по чердаку, впилась когтями в балку, растягивая длинное свое тело, с хрустом потянулась. Она не знала, как поступить.

Когда на чердачной лестнице вновь раздались шаги, она уже лежала в углу, дальнем, но другом, не там, где ее заметили.

Перед самой дверью малышами снова овладел страх, и Вовка подумал, что, может быть, ребята и не врут, что-то и вправду здесь есть. Он шагнул первым. Луч фонарика осветил неровный пол, какие-то балки в углах чердака. И пыль, толстый слой пыли. Ничего страшного здесь не было. Отсюда же, от двери, осветили угол, где ребята видели глаза,—

там тоже ннчего. И вдруг под случайным лучом фонарнка, совсем рядом с дверью, почтн у самых ног, Вовка увидел звернный след. На пыльном полу отчетливо отпечаталась огромная кошачья лапа. Он подумал, что ему почуднлось, прнгляделся, лучше осветнл. След был четкий н очень большой. Сразу возннкло неприятное чувство, что за тобой наблюдает кто-то снльный н коварный. По спине пробежал холодок.

— Быстро за дверь,— шепнул он ребятам. Онн тотчас юркнули за дверь. Вовка тоже сделал шаг назад н нз-за двери, готовый сразу же ее захлопнуть, стал тщательно осматрнвать, освещая лучом фонаря, весь чердак по частям. Кто же тут прячется? Что за зверь? Первую мысль — что крупный хищник сбежал нз зоопарка — Вовка сразу отброснл: зоопарка в городе не было. Но след-то был. Настоящий, здоровенный!

Риса лежала в дальнем углу за балкой, и верхнне части ее головы н туловнща, серые, как чердачная пыль, почтн слнвалнсь с общим фоном под светом фонарнка. Но глаза сверкнули в его луче. И тогда Вовка различил голову и увндел длинные кнсточкн на ушах зверя. «Рысь!» — мелькнуло в мозгу. Но откуда она здесь? Когда ее осветили, она подняла голову н зашипела. Вовка быстро прикрыл за собой дверь. Сразу стало опять темно. Но она слышала: людн не уходнлн. Стоялн н разговарнвалн.

Вовка закрыл дверь, закрутил ее проволокой, поданной ребятамн.

— Ну, а теперь никому ни слова, пусть это будет наша тайна. А я сообщу кому надо.

— Так кто же там?

— Как кто? Рысь. Слышалн про такого зверя?

— Слышали... Она большая?..

— Не очень. Но очень хищная.

В другое время ребята засмеялнсь бы такому ответу, но сейчас нм было не до смеха.

Через час онн вернулись. Приоткрыв дверь, Вовка поставнл котелок с водой н кастрюльку с молоком. На бумагу положнлн кускн вареного мяса (дома вытащнлн нз супа) и ушлн, опять закрутив дверь проволокой.

Убеднвшнсь, что людн ушлн, Рнса осторожно подошла к дверн, прнслушалась. Затем понюхала воду,

молоко, пищу. Вылакала воду. Съела мясо. Вылакала молоко. Ее многому научнла жнзнь в собачьей будке! Еслн бы она не побывала в неволе, то, пожалуй, напала бы на человека, осветнвшего ее фонарем, но Риса, немного прнвыкшая к близостн людей, только зашнпела на Вовку.

Насытившись, рысь улеглась в дальннй угол, на всякнй случай не туда, где ее обнаружили в последний раз. Опять спряталась за балку. Задремала, набираясь снл перед новым днем, перед новыми тревогами, которые, должно быть, принесут с собой люди. Но вскоре встала. Она чувствовала себя отдохнувшей.

Более половнны ночи рысь бродила по чердаку. Ее угнетало замкнутое пространство. Неволя, в которой она снова оказалась, тяготила ее.

Рнса снова н снова подходила к двери, пробовала ее лапой. Толкала, ударяла. Пыталась поддеть н открыть внутрь. Все напрасно. Тот, кто закрутил ее проволокой снаружи, учел, что рысь сильный зверь. Она все же надеялась открыть дверь, снова подходила к ней, нюхала щель под дверью, пыталась просунуть туда лапу. Снова исследовала чердак в поисках другого выхода. Люк на крышу она нашла. Он оказался заколочен.

Когда дверь была открыта, Риса не искала выхода, не изучала чердак с таким тщанием, она помнила, как вошла. Значит, там же можно было выйтн.

Теперь она принюхивалась к каждой щелочке, к каждому уступу крыши и чердачного пола. И она обнаружила щель между доскамн в стене. Щель была едва заметной. Но рысь ее нашла по слабому сквозняку. Расширяя щель, Рнса упорно, без отдыха грызла край толстой доски, пока не пролезла лапа. Всю силу свою вложила она в единоборство с дощатой стеной: уперлась задними лапами в пол, навалилась грудью на просунутую в щель лапу, напряглась. И доска поползла в сторону... В образовавшнйся проем свободно проходила голова.

Рнса остановилась, прислушалась. Затем быстро и бесшумно влезла в этот ем. Вторая половина чердака, где она оказалась, ничем не отличалась от первой. Здесь была такая же дверь на лестницу. Риса бросилась к ней, но и эта дверь оказалась прочно закрытой. Риса попробовала открыть — безуспешно. Рысь легла около дверн, положив голову на лапы.

Потом оиа перебралась в дальиий угол и заснула уже здесь, в иовом убежище.

По шумам из города и по более близким, с лестиицы, она зиала, когда иачался деиь у людей. Потом слышала, как в том ее прежием убежище открылась и закрылась скрипучая дверь. Уловила чутким своим ухом, как принесли еду и питье. Эти звуки иапомиили ей, что оиа голодиа. Когда в середиие дня дом иемиого притих,— иикто ие ходил по лестиицам,— Риса влезла в проем, вылизала все, что ей прииесли. По запаху оиа узнала, что приходили те же люди. Не спеша вериулась в свое иовое убежище.

К вечеру снова пришли люди. Но это были совсем другие люди. Их было миого, оии громко разговаривали, светили фоиарями. Риса поияла, что ищут ее. Оиа лежала ие шелохнувшись, дрожа от иапряжения, от страха, что ее обнаружат.

Ее искали два милициоиера с оружием иаготове, иа всякий случай, и уполиомочеииый домового комитета, пеисиоиер-активист, который и вызвал всех этих людей, настоял, чтобы они пошли иа поиски дикого зверя, угрожающего, как ои утверждал, безопасиости жильцов целого дома. Милициоиеры ие верили в то, что иа чердаке прячется крупиый зверь, да и ие уверены были — им ли иадо за этим зверем приезжать, даже если ои здесь. Но пеисионер все решил с их иачальством, добился облавы. Одии из мальчиков, видевших Рису, проговорился во дворе, это и кончилось обыском чердака. Но судьба опять была за Рису — ее ие обиаружили.

Пеисиоиер торжествеиио размахивал найденными здесь миской и котелком, требуя продолжать поиск. Но остальные, осмотрев чердак, зверя ие иашли. Щели в стеие ие увидели, потому что она была ие такой заметиой. Да и вообще, оии ведь искали зверя, а ие дырку в чердачиых стеиах. Сказали, что иикого тут иет, а дальше уже ие их дело. И ушли.

Утром появился Вовка. Он не зиал о том, что здесь произошло, принес еду в бумаге и воду в бидончике. Посуды ие иашел. Удивился. Дверь так же была закручеиа проволокой. Но посуды ие было. Постоял, подумал. Оставил еду иа бумаге и воду в бидоие. И ушел.

Дием Вовка узиал от ребят во дворе, что вчера приезжала милиция ловить какого-то страшиого

зверя. Искалн по чердакам. Не нашлн. Почему по чердакам — ннкто не знал. Вовка расстронлся н нспугался. Раз посуды не было, значнт, искалн там. И еслн не нашлн, значнт, рысь убежала. Мало лн что она могла натворнть... Вовка вспомнил, как оиа шипела на него, н обомлел. Со всех ног броснлся в дом, к чердаку. Подходя к двери, волновался, сердце колотнлось. Конечно, сбежала. Ои быстро раскрутил проволоку, открыл дверь. Пнща была съедена н вода нз бндона отпнта. У Вовки отлегло от сердца.

Но тревога его еще более обострнлась. Во-первых: где она прячется? Нет лн у нее еще выхода? Во-вторых: рысь не собака, зверь опасный. Так что Вовку за молчанне по головке не погладят. В-третьих, прнручнть ее вряд лн удастся, хотя такая надежда у иего втайне была. В общем, надо было соображать.

Ребята тогда правду сказалн: Вовка в зверях разбнрался, он почтн два года ходнл в кружок юннатов. Вот он н решнл разыскать знакомого зоолога, который несколько раз бывал у них на занятнях кружка. Фамнлню ученого он знал. Когда разыскал его по телефону, тот долго не мог понять, какой такой Вовка ему звоннт.

— Вы к нам в кружок прнходнлн, кружок юннатов помиите?

— Да, ну н что? Что мне, к юннатам прнходнть нельзя?

Вовка слышал в телефонной трубке явную нронню.

— В общем, ие в этом дело. Я по поводу рысн.

— Какой рыси? У меня нн одной знакомой рысн нет.

— Мы тут рысь нашлн.

— Как нашли? Рысь ведь не кошелек!

— Нашлн на одном чердаке.

— Как так? А ну поподробией. Слушаю.

— Сиачала малышн заметнлн. Потом я прншел. Осветнл фонарем — лежнт в углу и глазамн сверкает. И уши с кисточками. Здоровеиная...

— Оиа сейчас там?

— Да. Навериое...

— Как это наверное?

— Оиа куда-то прячется. Но пищу съедает.

— Сейчас я прнеду. Ты где? Тебя зовут Вовка?

Вовка объяснил, где иаходится. И остался ждать своего знакомого ученого. Машииа подошла через

полчаса. Это был закрытый «уазик». С зоологом приехали еще трое. У них были какие-то приспособления в парусиновых чехлах.

— Ты Вовка? — спрыгнув с машины, спросил Вовкин знакомый. Он был высокого роста, с густой черной бородой. Спокойный, говорил серьезно, но казалось, что он все время шутит.

Они открыли дверь чердака и молча вошли туда. Вовку на чердак не пустили. Через минуту бородач торопливо вышел:

— Быстро в соседний подъезд, Вовка!

Дверь в чердачное помещение соседнего подъезда была открыта. Рыси нигде не было...

Незадолго до прихода этих людей она спокойно дремала, лежа за балкой. Как вдруг снаружи открыли дверь, и вошла женщина с ведром, от которого шел едкий запах. Женщина поставила ведро с краской и вышла, оставив дверь открытой. Риса, замерев, внимательно смотрела ей вслед. Вот тогда-то и пришли те, кого привел Вовка. Риса слышала, как ее снова искали, ходили, осматривали чердак, освещали фонарями стены. Они не шумели, но их было много. И Риса вспомнила вчерашний шум и крики там же, за стеной, где ее искали. Вспомнила и цепь, и удушливый ошейник, и выстрел... Быстро скользнув к двери, она бесшумно и стремительно сбежала вниз по лестнице. Ей никто не встретился, хотя был день. По улице мимо подъезда прошел человек. Риса прижалась к полу в тени подъезда, затем, когда он ушел, бросилась по улице в другую сторону. Она не успела сделать и десяти прыжков, как раздался громкий и визгливый лай. Сначала одна, потом еще несколько собак побежали за рысью. Они скандально лаяли, захлебывались визгом, изо всех сил преследуя ее. Самая большая их этих собак была в два раза меньше Рисы и в десять раз слабей. Но они чувствовали свое городское право преследовать чужака — и лаяли так, словно всю жизнь ждали этой минуты.

Риса бежала длинными мощными прыжками. Собаки, конечно, отстали, но их визг выдавал ее путь, направление ее бега. Стараясь оторваться от назойливых преследователей, Риса перемахнула через каменную стену, довольно высокую, в два прыжка

перебежала небольшой дворик. Перепрыгнула еще через два деревянных забора и, обнаружив темный проем между каменным домом и деревянной пристройкой, скользнула в этот проем и залегла в его сумрачной тишине.

Собаки лаяли где-то далеко. Они потеряли след Рисы, потому что прыгать через высокие стены и заборы не умели. Сначала Риса лежала — готовая к прыжку, к дальнейшему бегству. Но постепенно она успокоилась, нервная дрожь в теле улеглась. Рысь, не шевелясь, смотрела на светлую узкую полосу выхода. Потом закрыла глаза, задремала, настороженно держа острые уши с длинными кисточками на концах.

Когда светлая весенняя ночь окутала город тишиной, Риса мягко вышла из укрытия, прислушалась. Не уловив ничего подозрительного, поискала выход со двора, нашла. Вышла на улицу, не на ту, по которой убегала днем, на другую. Быстро и осторожно пошла.

Почти всю ночь бродила она по пустынному городу, два раза пряталась в подъезд и в подворотню от случайных прохожих. Улицы были пусты: ни людей, ни собак. Только перед самым восходом солнца Риса поняла, что идет правильно. Через некоторое время она услышала шум леса. Прошла последний ряд домов и бросилась к соснам, шумевшим у дороги.

Деревья росли вдоль шоссе, которое уходило прочь из города. Потом придорожная лесополоса расширялась, переходя в широкий лесной простор. Города на севере имеют такую особенность, что лес, узкими клиньями примыкающий к дорогам, подходит вплотную к домам. Но это настоящий, дикий лес, который, отдаляясь от города, из узкой придорожной полосы превращается в глухие, темные и мрачные, подчас непроходимые чащобы, где густой можжевельник зеленеет на обомшелых склонах, меж стволов елей лежат огромные валуны, наполовину ушедшие в землю и покрытые серебряным лишайником, где из-под корней сосны упорно выгребает песчаный грунт сосредоточенный барсук, а по золотистому толстому суку неслышная куница крадется к сказочному глухарю, важно восседающему на этой сосне...

Лес, наконец-то настоящий лес!

11. ГОСТЬ ИЗ ПРОШЛОГО

Как только Риса вбежала на пушистые мхи придорожного сосняка, на нее пахнуло таким родным запахом, что закружилась голова. Она боялась остановиться, ей все казалось, что эта страшная западня — город с его огромными каменными и деревянными глыбами-домами — может снова лишить ее свободы, снова заставит плутать по своим голым, одинаковым и запутанным просекам, которым нет конца.

Риса не останавливалась, шла и шла, углубляясь в лес. Только когда усталость навалилась на нее тяжкой ношей, словно тесным ошейником охватила горло, она выбрала удобное место в густом можжевельнике и улеглась на дневку.

В глубине леса еще лежали оплывшие под солнцем, но достаточно глубокие пятна снега, а на возвышенных местах, на склонах холмов и у дороги было уже сухо. Пробивающаяся свежая трава расцвечивала светлыми ярко-зелеными всплесками зеленовато-темный, глянцевый и жесткий брусничник, она раздражала острым молодым запахом жизни ноздри Рисы и успокаивала ее шелестящим уютом родного леса.

Весь день Риса крепко спала, не обращая внимания на крики сорок и свист рябчиков. Это был свой, родной, привычный лесной шум.

Когда белая ночь озарила деревья голубовато-бледными лучами и серебряный ягельник засветился изнутри, Риса уже скользила неслышными шагами сквозь прозрачную дрему майской ночи. Она мягко ступала, останавливаясь и превращаясь в слух, ожидание и поиск. Это была ее первая охота после долгого перерыва. Ее немного беспокоило, что она не в своем лесу: ведь законы леса не позволяют охотиться в чужих угодьях. Но у Рисы не было выхода. В крайнем случае она надеялась на свои силы.

Иной зверь, даже и крупный, оказавшись на чужом участке леса, не только не охотится, но в страхе крадется, прячется за каждый куст, чтобы его не заметили, пока он не доберется до своих угодий, до своего леса.

Риса не пряталась. Это было не в ее характере. Осторожно, как и подобает на охоте, она высматривала добычу. Но ее тревога была не напрасной.

Огибая отлогий холм, она почувствовала неладное, уловила: навстречу движется опасность. Риса пересекла холм через вершину и зашла на противника сбоку. Но ее уже ждали.

Немолодая рысь, тоже самка, оскалив пасть, чуть присев на задние ноги, изготовилась для прыжка. В ее немигающих глазах, во всей ее позе сквозила предельная злоба. Она защищала свои права. Это была ее местность, и Риса не могла этого не знать, потому что проходила через ее «метки», оставленные во время ночных охотничьих обходов участка. Но когда Риса оказалась совсем рядом, бесстрашная и могучая, то рысь не напала. Может быть, ее остановили внушительные размеры Рисы, может быть, смелость ее, не частая в таких случаях. Она зашипела на Рису, злобно зарычала и осталась стоять в угрожающей позе.

Риса немного выждала. Столько, сколько требовалось, чтобы рысь поняла: ее не боятся. Затем не спеша, мягким вкрадчивым шагом, прошла дальше, все время, однако, искоса наблюдая за своей новой знакомой. Так, на всякий случай... Сразу же после неприятной встречи Риса поймала зазевавшуюся у корней сосны полевку и в скором времени схватила вальдшнепа, который даже не успел взмахнуть крыльями. Рису всегда кормила ее мгновенная реакция, стремительный бросок, а не сила. Сила ее защищала от врагов. И, конечно, осторожность.

Утолив голод, она продолжала идти спокойно, но достаточно быстро. Ее тянуло в родные места, где она всегда охотилась, где воспитала своих рысят, где знала каждый овраг и склон, где любила пить из быстрого широкого ручья и помнила то болотистые, то крутые и скальные берега многих озер своего леса, своих угодий. Но они находились не в том направлении, куда вышла Риса из города, хотя и не так далеко. В двух-трех ночных переходах. И, едва попав в лес, рысь сразу сориентировалась, узнала своим тайным знанием, неизвестным человеку.

Это одна из многих непростых загадок природы. Почему почтовый голубь, выпущенный из совершенно незнакомого места, доставленный в это место в закрытом садке, в машине или в вагоне, взлетев, тотчас определяет направление и в считанные часы долетает за сотни километров прямиком до своей голубятни?

По каким приборам, переплыв бескрайние моря, семга иаходит свою единствеииую родную реку для иереста? По каким указателям кошка, отвезенная иедобрымн хозяевамн на другой коиец огромиого города, возвращается домой?

Риса увереино шла в свои родные места. Днем оиа отлеживалась, где ее заставал восход, ночью продолжала путь. Шла к своему прошлому н будущему.

На третью ночь оиа добралась до своих угодий. До восхода побродила по склоиам и иизииам, обошла заячьи тропы, побывала около человеческого жнлья. Подойдя с подветреиной стороны, издалн поияла, что жилье не пустует. Пахло дымом, свежеструганным деревом, свежевырытой землей и еще разнымн запахамн, которые всегда сопутствуют человеку в лесу.

Несмотря на ночиое время, Риса постояла на довольно почтительиом расстояиии. Блнже не подошла. Слишком много непрнятиостей, волиеннй н страхов прииеслн ей людн. Издали, с холма, через просветы между деревьямн смотрела она на жнлнще человека. Подняв морду, долго втягнвала запахн, которые прииосил ветер, пытаясь разделить нх, отлнчнть одни от другого. Пахло еще н собаками.

Риса повернулась н пошла. Еще немного побродив, она поднялась на скалу, к брошенному ею логову. Может быть, ее прнвела сюда тоска по маленькнм рысятам, которых у нее уже не было. Вместо ннх броднлн теперь две, ставшие уже чужимн, взрослые рыси. А может быть, еще что-то... Каждое живое существо — человек нлн зверь — это целый мнр чувств, желаиий, впечатлеиий. Мир, который полиостью позиать, видимо, иевозможно.

Риса вошла в свое бывшее логово, обнюхала углы, прошлогоднюю сухую траву на полу. Легла на бок, вытяиув лапы. Глубоко вздохиула. Вздох зверя очень похож иа человеческий. Когда слышишь, как тяжело вздохиет, иапример, собака, лось нли рысь, кажется, что иелегкие думы одолевают нх. Но это, наверное, только кажется...

Глубоко вздохиув, Риса задремала сладкой дремотой уставшего после долгих страиствий бродягн, который накоиец вериулся домой.

Люди что-то строили. Они всегда, приходя по весне в этот домик, стучали, строгали, делали какие-то деревянные ящики, коробы, клетки, приспособления. Но на сей раз стучали целыми днями. И людей было больше. Видимо, расширяли жилье.

Этот постоянный стук беспокоил Рису, тревожил ее.

Издали наблюдала она за работой людей, которые вставали с восходом, таким ранним в эту пору. Риса различила среди них своего старого знакомого, с бородой. Того самого, который дважды спас ее. Среди новых людей внимание привлек небольшой худенький человек. Это была девушка, почти подросток... Что-то знакомое видела Риса в ее движениях, в походке. Животные, особенно дикие, внимательно подмечают и помнят мелочи: интонации голоса, звук шагов, походку, характерные жесты — то, что, как правило, остается с человеком на всю его жизнь.

Когда Риса смотрела на эту девушку, издали слышала размытый расстоянием разговор, расплывчатые воспоминания шевелились в ее звериной мозгу. Что-то далекое и приятное смутно всплывало в памяти, но так смутным и оставалось. Четкий зрительный образ не возникал. Риса наблюдала за людьми, за девушкой, слушала отдаленные звуки человеческого жилья, старалась различить запахи. Потом уходила подальше и ложилась на дневку.

12. ЛАЙКИ

Вечером неожиданно пошел снег, он быстро покрыл уже зеленевшую траву, кусты, отяжелил ветви деревьев. Риса отдыхала на вершине лесного бугра, в небольшой ямке, и ее тоже укрыло снегом, как одеялом. Не часто, но снегопад в конце весны и даже летом случается в этих местах, и Риса не удивилась. Она дремала, а к ночи, когда не стало слышно шума леса и дышать стало тяжелее, она забеспокоилась.

Зимой глубокий снег нарастает за несколько дней и ночей, спящий в снегу зверь и слышит хорошо, и дышит легко. Потому что постепенно, от теплого его дыхания, в снегу появляются пористые отдушины. А если сугроб наметает сразу, то под ним можно и задохнуться. Риса выбралась наружу. Крупные

хлопья продолжали плавно опускаться. То там, то тут на деревьях под тяжестью снега обламывались ветки. Идти на охоту было бессмысленно. По такому снегу ни один зверь не выйдет из своего убежища. И Риса снова улеглась, свернувшись кольцом и уткнувшись головой в пушистую шерсть своего живота.

К полудню снег растаял. Толстые сугробы, наметенные за сутки на уже прогретую землю, быстро осели, потемнели и превратились в бурные мутные потоки, хлынувшие со всех склонов, бугров и холмов. Гул бегущей воды шумел по всему лесу. Оживший после зимних холодов зеленый лес снова дышал, шумел, звенел птичьими голосами. Рысь выбралась на высокий бугор, где росли старые сосны и землю сплошь покрывали сосновые иглы, быстро подсыхающие на солнце. Слегка парило. Было тепло, и Риса дремала под добрыми солнечными лучами.

В конце следующей ночи, после охоты, Риса снова была около человеческого жилища. Наблюдала, как на рассвете люди выходили из домика, умывались, разговаривали. Когда они начали работать, Риса поняла: что-то изменилось в их делах. Стук, шум, перетаскивание деревьев (без коры и сучьев), срубленных и подсушенных,— все это переместилось ближе к воде, на берег озера. Паводок, вызванный обильным снегопадом, поднял уровень воды в озере и смыл плотину, благодаря которой водоем и стал озером, а не мелкой лужей. На этом озере летом бывали утки и гуси, даже лебеди. По берегам жили норки. Ондатры хорошо освоились здесь. Их было немало, иногда Рисе удавалось поймать ондатру. А в воде обитали не только окуни, щуки и лещи, но и сиг, ряпушка, судак. Людям нужно было большое глубокое озеро, и они начали возводить новую плотину. Конечно, Риса не понимала того, что произошло. Но она чувствовала, что в работе людей наступила перемена. Теперь никто не уходил в лес. Только собаки — две крупные лайки — отлучались. Риса видела их следы сегодня на рассвете и, наблюдая за людьми с бугра, замечала, как собаки убегали от них и углублялись в чащобу. Она решила их подкараулить — не ради охоты. Ведь собаки служат людям, она это понимала. Но живет давняя вражда между кошкой и собакой. И война между домашними кошкой и собакой — только одно из проявлений этой

вражды. Дикие кошки, в том числе и самые крупные, тоже не жалуют собак. А Рнса нх всегда иедолюбливала, еще с времеи детства, когда жнла у лесиика.

Однако подкараулить лаек было непросто. И ие потому, что они былн чуткнмн. Рнса могла их обмануть, зайти с подветреиной стороны, затаиться в засаде. Трудиость заключалась в том, что у собак не было постояиных троп. Каждый раз оии убегали от дома в разиых направлеинях, и предугадать, куда онн пойдут, было невозможио.

И все-такн она высмотрела, что собаки часто убегают, даже порознь, по человеческой тропе, проложенной вокруг озера. Через несколько дней после паводка, на рассвете, Рнса залегла у этой тропы в сухнх камышах. Был теплый деиь. Лес наполннлся гомоном птнц, но Рнса не обращала на ннх виимаиия. Другне звуки нитересовалн ее: собачий лай или шлепаиье собачьих ног по тропе.

Солице уже подиялось высоко, давно высохла роса, а собак все не было. Но Рнса знала: каждое утро оин пробегают здесь, одиа собака или обе, но пробегают. Побродив по округе, по опушкам н полянам, обязательио отправляются вокруг озера. И она ждала.

Густая и пушистая шерсть Рисы, в летнюю пору на животе почти белая, на спнне принимала сочный корнчиевато-серый окрас с едва заметным зелеиым отливом. И пятиа, четкие и темные, завершалн узор. В такой одежде Риса легко смешивалась с разнообразиыми краскамн леса, еслн не шевелилась, если лежала ие шелохиувшись. А это оиа умела.

Не заметив засады, крупиый кобель бежал по тропе, но вдруг иасторожился, зарычал. Риса поияла, что ближе ои ие подойдет, что иапасть надо немедленно, пока иет второго, пока этот ие успел гавкиуть.

Бывалый охотннчий пес не боялся рыси. Не раз она стаиовилась трофеем его н хозяииа. Но этот зверь, выскочивший из засады, был чуть лн не в два раза крупнее тех рысей, которых ои встречал прежде. И он уднвился. И нспугался. Потому н рваиулся в сторону, и позвал на помощь. Рысь схватила его, сжав своими широкнмн н цепкимн лапамн. Этот рывок в сторону и лай спаслн псу жнзиь.

Тотчас из-за поворота выскочнл второй кобель. Уже издалн, заливаясь громкнм н злобным лаем, он звал на помощь людей. А первый пес отчаянно бнлся

со зверем. Он знал, что нельзя подставлять холку — это смерть. И всячески изворачивался; напрягая крепкие свои ноги, пытался добраться до горла рыси, не обращая внимания на боль в боках от ее когтей. Однако рысь была сильнее. Неожиданным ударом лапы по голове она свалила собаку. Риса понимала, что сейчас здесь будут люди. И она не стала добивать побежденную собаку, не стала вступать в бой со вторым псом. Быстрыми прыжками рванулась в глубь леса.

Человеку с его логикой трудно понять дикого зверя. Почему Риса решилась напасть на собак, долго поджидала их, с завидным упорством наблюдала, караулила и вот неожиданно бросила охоту, отступила? Ведь она не боялась собак и понимала, что до прихода людей сумеет уж наверняка убить и унести одну, покалечив другую, чтобы не могла преследовать.

И все-таки Риса углубилась в лес. Она знала, что на лай охотничьих собак быстро приходит человек с ружьем в руках. Черный глаз ружья она помнила хорошо. Подоспевший пес бросился было за рысью, надрываясь от лая, но быстро отстал и, опасливо косясь вслед ушедшему зверю, вернулся на тропу к раненому кобелю.

А тот, оглушенный ударом по голове, с окровавленными боками, попытался встать, упал, потом с трудом поднялся. И принялся зализывать раны.

А люди бежали, заряжая на ходу ружья,— ученый-зоолог с черной бородой, давний знакомый Рисы, с ним еще один человек, рабочий экспедиции. По первому лаю, который оборвался — как будто псу заткнули глотку,— все поняли, что случилась беда. Лай слышали все — напрямую, через край озера, было совсем близко. Злобный лай второго кобеля подтвердил, что нужна срочная помощь. И они спешили. Правда, по озеру не побежишь напрямик, пришлось огибать заливчик по тропе. Потому они и опоздали. Впрочем, все произошло так быстро, что успеть они никак не могли.

Осмотрели раненого пса, скулившего не столько от боли, сколько от обиды и досады: вот, дескать, хотел поохотиться, в лес пошел, чтобы вам, людям, удружить... А что получилось?.. Все это читалось в его выразительных собачьих глазах. Ковыляя,

побрел раненый пес к дому. Второй тщательно обнюхал следы рыси и, поглядывая на людей,— мол, разберутся,— тоже двинулся за первым.

— Это опять она...— задумчиво сказал бородатый.

— Кто?

— Рысь одна тут. Да ты не знаешь... И зачем она на собак напала?

— Может, сами ее выследили?

— Да нет. Вот, видишь, здесь она лежала в засаде, как раз у тропы. А тропа наша. Значит, именно их ждала. Не нас же!

— А может, нас?

— Да ты что? — зоолог рассмеялся.— И давно в засаде была, с самого раннего утра,— добавил он,— вон как примята осока, да и лапы в песок глубоко вдавились.

— А почему ты решил, что это и есть твоя знакомая рысь? Может, другая?

— Она. Очень след крупный. Большая она. Такие редко встречаются.

— Давай капкан поставим. Я ее поймаю. А?

— Не надо.

— Или ловушку?

— Я же сказал: ни в коем случае. И не вздумай тут без меня! Понял?

— Понял. Но не нравятся мне эти засады...

Бородач достал записную книжку, что-то записал. Потом вынул рулетку, измерил рысий след на влажном грунте около тропы. Снова сделал запись в книжке.

Негромко разговаривая, они ушли к своему лагерю, откуда не переставая раздавался стук топора, который отдаленным эхом доносился и до Рисы, лежавшей в пушистом мху темного и сырого старого ельника...

Немало прошло рассветов и закатов, прежде чем люди восстановили плотину. Но они ее восстановили. Озеро поднялось до прежнего уровня, смочило корни уже подсохшего камыша. Полноводная речка, впадавшая в озеро, не давала ему быстро обмелеть и сразу, едва сделали плотину, наполнила его до краев.

Стучать люди продолжали, но теперь уже около жилья.

Риса часто слышала стук топора и, подходя, улавливала запах свежесрублеииых деревьев.

Лето было в полиом разгаре, пнща — то полевка, то птнца или ондатра — добывалась легко. Иногда Риса лакомилась птичьнми яйцами, разоряла гиезда. Чаще всего это были гнезда дрозда-рябнннника, которые она после тщательных поисков находила иа кустах нлн в траве, н травяные утииые гиезда, запрятаинные в прнозерных кочках.

13. ВЫХОД ИЗ ОГНЯ

Был пасмурный, сухой и тихий день. Рнса отдыхала в густой березовой порослн. Оиа лежала иа боку, вытянув ноги н откииув голову, белая шерсть иа ее груди н шее шевелилась под слабым ветерком.

Неподалеку виезапио гряиул выстрел. Риса тотчас подобралась, выждала, огляделась. Быстро, крадучись, двииулась к месту выстрела. Перебежала овражек, обогиула склои бугра, вышла к поляие и затаилась за деревом.

Снльио пахло порохом. На тропе у края поляиы стоял человек. В руках у иего была куропатка. Он расправил крыло птицы, растяиул, разглядывая перья. Повертел в руках. Нашел место попадаиня, издал довольио глухой хмыкающнй звук и стал заталкивать птнцу в сумку, висевшую у него иа плече. Едва увидев его, Рнса вздрогнула. Ее волиенне, возиикшее после выстрела, ее беспокойство перешло в тревогу. Этот силуэт, эта манера стоять чуть иаклоиившнсь вперед и отставнв в сторону иогу, это ружье за плечом, откниутое иазад!.. Рнса узнала его, еще не учуяв запаха. Нервная дрожь словио иапружииила ее мышцы. За короткие мгиовеиия в ее памяти возинклн былые картины: Большой Уг и окровавлеиные следы иа сиегу, ствол ружья, направленный в глаза Рнсе, двор с самодовольиым петухом и мнска с воиючей водой. И иад всемн этими картннами мрачно иавнсла фнгура одиого человека. Беспощадного ее врага, который — всему причииа. И вот он стонт здесь, рядом...

Ои ие заметил иападающего зверя. Риса почти бесшумно преодолела расстояиие, разделявшее их. Четыре стремнтельных прыжка — и она ударнла его

в спниу грудью н лапами, свалила, однако не сумела сразу вцепиться в шею.

А человека обуял панический ужас немииуемой гибелн. Жестокне люди часто трусливы. И он закричал. Вот и пришла расплата за его грехи перед лесом! Если не от человеческого закона, то от самого леса...

Минуту назад он озирался: не слышал ли кто выстрела, не видел ли кто, а теперь кричал душераздирающе:

— Спаси-и-и-т-е-е!..

У иего был охотиичий нож, он мог бы бороться. Если рысь сразу не схватила зубами за шею сзади, то хладнокровный охотник, вооруженный ножом, вполие может с ней справиться. Но этот, катаясь по земле, закрывая руками горло и голову, только кричал. Неестествеино и одииоко металось по лесу эхо его воплей. Риса рвала когтями одежду своего врага иа груди, на спине. Вата телогрейки повисала у рыси на лапах и еще больше бесила ее. Оиа рычала и шипела, пытаясь добраться наконец до тела ненавистиого ей человека. Но тут произошло нечто более неожиданное, чем внезапный выстрел, который вывел Рису сюда, к ее врагу.

— Риса!

Это прозвучало сильнее выстрела — настолько ошеломляющим был для нее окрик. И не столько сам окрик, сколько голос человека: издали знакомый, добрый голос. И тотчас в ее памяти появилось веселое, смеющееся лицо девочки, когда-то давшей ей нмя — Риса. Девочки, которая жила в том лесном доме, сгоревшем давно, еще там, в ее, Рисином, детстве.

Хотя прошло уже четыре зимы и четыре лета, девушка сразу узнала зверя по четкой пятнистой окраске, по характерному белому оттенку шерсти синзу на шее.

В жизнн бывают очень сложные ситуацнн, почтн невероятные встречи. Хотя в данном случае неожиданная встреча объясняется легко: все события происходили в одной местности, около небольшого северного города. А злосчастиый браконьер охотился в одних н тех же местах. Да и девушка оказалась в экспеднции ие случайно, она хотела стать зоологом — вполне понятное увлечение человека, выросшего в лесу, в семье лесника.

В этот день девушка вместе с ученым (помните, тот, бородатый?) обходила участок леса. Они медленно шли, ученый рассказывал ей о своих наблюдениях на этом участке, как вдруг неподалеку ударил ружейный выстрел, а потом раздались крики. Через несколько секунд они уже были там, где рысь и человек катались по влажной траве березовой рощи.

Едва рысь услышала свое имя и голос, который она узнала, ее словно бичом ударило по ушам. Бросив человека, продолжавшего кричать, она шарахнулась в сторону, но в нерешительности остановилась, глядя на людей. Рядом с девушкой стоял человек с бородой, Риса его тоже узнала. Оружия у них не было.

— Риса! — позвала девушка еще раз, очень спокойно и ласково.— Риса...

Рысь стояла в растерянности. Она не могла подойти к людям или подпустить их к себе, но и уходить не решалась. Тот, кто лежал на земле, перестал кричать. Рысь видела, как он сел, как продолжал смотреть на нее круглыми от страха глазами.

Потом она ушла с опушки. Девушка еще раз позвала ее. Рысь остановилась, оглядываясь, и несколько секунд стояла. Затем снова пошла и еще оборачивалась, с каким-то сожалением поглядывая на людей.

Солнце стояло уже высоко, когда Риса насторожилась, услышав близкое потрескивание сучьев, шуршание травы и кустов. И главное — урчание. Она приподняла голову, осторожно выглянула из кустарника. Еще не увидев, по запаху почувствовала — медведи.

Мать-медведица сидела под сосной и, покачивая головой вверх-вниз, наблюдала за игрой детенышей. А ее малыши — каждый поменьше Рисы — клубками катались по земле и урчали друг на друга. Все это вдруг напомнило Рисе, как она вот так же следила за игрой своих рысят, так же все время была настороже. Риса понимала: если сейчас выдать себя — придется испытать все унижение позорного бегства. Медведица, защищая детей, бросится на любого.

Один медвежонок влез на дерево и сидел на суку. Он все время показывал свой темно-серый с фиолетовым оттенком язык, глядя на брата и свесив в его

сторону переднюю лапу, как бы приглашая: ну давай, чего же ты? А тот забавно подпрыгивал, пытаясь ухватиться за сук березы. Но сук был высоко, а медвежонок то ли не догадывался, что можно влезть до сука по стволу, то ли ему нравилось подпрыгивать.

Медведица, высокая, бурая, встала и прошлась по поляне. Густой длинный мех ее шубы переливался на крутой холке, под ним угадывались бугры плотных мускулов. Лапы медведицы глубоко вдавливались в сочную траву поляны, оставляя вмятины от пяток на влажной почве. Она принюхивалась. Крупный черный нос ее, влажный и блестящий, все время шевелился. Но лежавшую неподалеку рысь не обнаружила — та находилась с подветренной стороны.

Медвежонок с дерева пополз вниз, обхватив ствол всеми четырьмя лапами, как любимую игрушку. Спускаясь, он сел на сук, попавшийся на пути, потом повис на нем, свесив голову вниз, и опять показал брату язык. Сухой сук вдруг треснул и обломился. Шлепнувшись на землю, медвежонок взвизгнул — от боли и страха. Высота была не опасной, но падение не понравилось. Мать тотчас бросилась к нему.

Риса знала: этот огромный и спокойный сейчас зверь может стать свирепым и стремительным. Она бесшумно скользнула в чащу шумящего под ветром березняка.

После долгой неудачной охоты — за ночь поймала одну маленькую полевку — Риса отдыхала на склоне крутого скалистого холма.

Она зашла далеко, на самый край своего участка, где бывала не часто. Устроилась довольно высоко и удобно между двумя валунами на пушистой обомшелой кочке. Камни закрывали ее убежище сверху и сзади, щель, в которой она лежала, была темна и похожа на пещеру. Высунув голову, можно было смотреть вниз и видеть все, что происходит у подножья холма в лесу.

...Запах дыма она почувствовала сразу. Он ее испугал. С ним были связаны самые страшные воспоминания. Риса пугалась даже костра. Но у него дым всегда бывал прерывистым, то появлялся, то исчезал. А этот запах был постоянным, он медленно усили-

вался, нарастал. Риса не знала лесных пожаров, но сразу поняла, что это не костер — кучка мертвых кусков дерева, подожженных людьми, а что-то совсем другое, опасное.

Неосознанное чувство тревоги погнало Рису с холма. Она бросилась в лес, наткнулась на густой едкий дым, выскочила обратно на холм, где дыма почти не было, спустилась на другую стороны вершины. Дым уже заползал и сюда, обнимая легким туманом ветви берез, смолистые лапы елей. Рысь бросилась наугад через лес, подальше, как ей казалось, от приближающегося огня. Но ветер гнал пламя лесного пожара. И оно разливалось все шире. Прогретый летним солнцем, хорошо просохший лес быстро вспыхивал, расплавленная смола с обожженных стволов сосен и елей разлеталась огненными брызгами, словно деревья, умирая, в отместку пытались зажечь само небо.

Риса видела, как, ломая ветви и кустарники, пронеслись ей наперерез лоси. Они бежали, вскинув морды, длинными прыжками перемахивая через кочки, ямы, кряжистый валежник,— лось-бык, лосиха и худой стройный лосенок,— хрипя, пронеслись, не заметив бегущей Рисы. Затем появился медведь. Он бежал быстро и почему-то ревел, возможно, огонь уже опалил его. Рису он увидел, но не обратил на нее внимания, исчез в дымной мгле.

Рысь двигалась быстрыми перебежками. На мгновение замирала, выбирая направление, выискивая, где не такой густой дым. Но вскоре она почувствовала жар, который надвигался на нее сзади, догонял. Был слышен треск пылающей хвои, гул пламени и ветра, все это давило на уши, и Риса понеслась как обезумевшая, уже не выбирая направления.

Раз она оступилась, упала, кувыркнулась, зацепившись лапой за куст, тотчас вскочила на ноги, не задерживаясь ни на миг, помчалась дальше. Она спасала жизнь.

Жар сзади ослабел, отстал, но Риса бежала с прежним напряжением. Страх, огромный, неудержимый, гнал ее. Гнал, хватая за хвост, за спину, и задние ноги вязкими, душными, дымными щупальцами.

С ходу Риса влетела в озеро, и вода, холодная и обычно неприятная для нее, показалась спасительной.

Она переплыла узкий залив большого озера, выбралась на крутой берег. Здесь жара не чувствовалась совсем, но дым стелился так же, как и на другом берегу. И она снова бросилась бежать, весь свой вековечный звериный страх перед огнем вкладывая в длинные и быстрые прыжки.

14. ПОГОНЯ

Ветер налетал порывами. Он подхватывал пепел сгоревших деревьев, уносил его, швырял на живой лес. И едва этот пепел касался зеленых игл сосен и елей, как вздрагивали деревья.

Здесь, на безмолвном и безжизненном просторе, где черными тенями еще стоят обгоревшие стволы, снова возникнет жизнь. Сквозь удобренную золой почву пробьется невзрачный, но упорный вереск. Прямой стебелек его проткнет спекшийся поверхностный слой земли и резво потянется к солнцу. И зашевелятся под землей его корни, и к ним неслышными путями хлынет подземная влага. Вокруг оживет, задышит почва и закипит, запульсирует жизнь. А на песчаных склонах, рядом с зелеными островками вереска, вскинутся к солнцу лиловые вспышки иван-чая. Но все это произойдет не сразу, только следующим летом проклюнутся первые живые, яркие и упорные ростки...

А сейчас, хотя дни летели и уже приближалась осень, пожарище оставалось черным и безмолвствующим. Прошли дожди. Зола, покрывшая омертвелое пространство, постепенно смешалась с землей.

Риса обходила стороной выгоревшие места и, чтобы не уходить со своей территории, волей-неволей охотилась не очень далеко от людского жилья, где поселился ее знакомый бородатый человек и где вместе с ним жили другие люди и те самые две собаки, с которыми Риса познакомилась достаточно близко.

Ей еще раз довелось вплотную столкнуться с ними, когда они однажды обнаружили ее на дневке. Собаки сопровождали кого-то из людей и, углубившись в сосняк довольно далеко от тропы, наткнулись на рысью лежку. Они бросились на зверя со злобным лаем. Но Риса уже готова была их встретить: она выпрямила крепкое тело, устойчиво напружинившись на ши-

роких лапах. Собаки неожиданно остановились, словно встретили невидимую стену. В глазах рыси уже светился тот пронзительный огонь, который загорается на миг перед безжалостной атакой. Псы узнали рысь. Их испугало, что эта крупная кошка не обороняется, а готовится напасть, словно не они, собаки, ее выследили, а она сама их подкараулила.

Оба пса, приседая и поджав хвосты, пятились, скалясь и продолжая лаять. Шерсть на их холках вздыбилась, пожалуй, от страха, а не от охотничьей свирепости. В звонком лае звучал тревожный зов, обращенный к человеку, которому они служили: «Скорей сюда, здесь враг!..» Риса понимала и интонации собачьих голосов, и все их поведение, и то, что они поняли — насколько она сильней. Но рысь не напала — люди были слишком близко.

С тех пор Риса не встречала этих собак, только иногда попадались ей их следы. Она проходила, не задерживаясь, тревожно поводя усами, и с неприязнью морщила нос, чуть оскаливая длинные, слепяще белые, острые верхние клыки.

После того случая в лесу, когда она напала на браконьера, Риса сторонилась людей. В ее памяти теперь смешались тревожные, пугающие воспоминания и приятно волнующие, тоже связанные с человеком.

Ей вспоминалась дочь лесника, правда, смутно, но вспоминалась. Добрая, ласковая, играющая с маленькой Рисой. И возникал в памяти облик девушки — такой чужой, незнакомой и — знакомой... И звучал ее голос — ласковый голос из прошлого.

Этот голос звал ее.

То вдруг во сне ей слышался выстрел, потом она задыхалась от запаха железа, человека, собак... И, начиная рычать еще во сне, просыпалась в испуге.

Как-то быстро прошло это одинокое ее лето. Лето без рысят. Она приходила к своему ручью, пила, просто лежала у воды, вслушиваясь в ее журчание. Ручей был по-прежнему быстрым и чистым, но по нему уже скользили опавшие листья. Алые, желтые, оранжевые. Они проплывали мимо рыси, яркие, нарядные, как летние дни, которые давно уже уплыли вниз по ручью, унося с собой тепло, изобилие, бурную жизнь земли.

Да и сама Риса стала спокойнее, чуть мягче, медлительнее от этой осенней прохлады. И только глаза оставались быстрыми и пронизывающими.

Лес готовился к зиме. Осины и березы сбрасывали листву — все равно она померзнет, тонкая и не защищенная от ветра и мороза,— плотнее сжимали свою кору, укрепившуюся за лето. Им предстояло встречать стоя хлесткую, жгучую северную вьюгу, трескучие морозы, свирепые ветры февраля и марта.

Ручей сначала подернулся тонкой корочкой у берега, затем неожиданно, за одну ночь, затянулся ровным прозрачным льдом, сквозь который кое-где пока еще виднелось дно. Вмерзли в лед камышинки у берегов. Желтые и звонкие, они трепетали на ветру, словно не желая покоряться всеобщему запустению и неподвижности.

Камыш шелестел, позванивал, напрягал свои сухие певучие стебли. Этот звон завораживал Рису и радовал. У каждого зверя есть влечение к музыке природы. К этой естественной и разнообразной музыке, которую мы, люди, часто вовсе не замечаем.

И если бы случайный охотник обнаружил на подмерзшем берегу оттаявшую и вдавленную почву, где, судя по глубине вмятин, долго лежала рысь, он был бы удивлен и вряд ли смог бы объяснить, что она делала здесь, у самой воды, зачем так долго пробыла вдали от звериных троп, в такой позе, лежа на животе, положив большую голову на передние лапы...

Холода в этом году пришли рано. Осень была необычно ветреной и стылой. Снега намело не так уж много, но он успел смерзнуться и поскрипывал даже под мягкими лапами Рисы.

Ручей давно замело, и вся округа притихла, оцепенела, словно в ожидании беды. И лес, и опушки, и замерзшие озера побелели, по склонам лесных холмов посвистывала поземка, скручивая свои длинные белые свивальники, проползала между стволами сосен и осин. Но деревья стояли прямые и высокие, словно не замечали ни поземки, ни ранних холодов. Они давно приготовились к зиме, внутренне укрепились и задумчиво покачивались под ветром, теперь уже в ожидании будущего тепла.

Вместе с холодами пришли волки. И хотя Риса еще не видела их и даже не слышала волчьего воя, какое-то шестое чувство подсказывало ей, что они здесь,

во главе со свонм старым вожаком. Волкн молчалн. Но вой вьюгн, так похожнй на суровую н печальную волчью песню, каждый раз напоминал о них Рнсе.

В эту ночь Рнса вышла на охоту, когда немиого ослабел снегопад. Ветер продолжал метаться по лесу, но вьюгн ие было. Порывы ветра хваталн поредевшие хлопья сиега н зло швыряли нх о стволы сосен. Прояснилось, сиег уже ие залеплял глаза. Рнса шла по склону лесиого холма, пытаясь услышать сквозь гул ветра шорох нлн скрип шагов своей будущей жертвы. Но ннчего, кроме шума деревьев, поскрнпывання их стволов, не ловнло ее чуткое ухо.

Риса обогнула холм н вышла к озеру, тому самому, около которого жнлн людн. В предрассветной сумеречной мгле хорошо просматрнвался домик иа протнвоположном берегу, за небольшнм залнвом. На озере сиега было мало, только поземка, свиваясь кольцами, облизывала лед длиниымн свонмн языками.

И вдруг Рнса остро почувствовала опасность. Резко обернулась, прыгиув в сторону. Волки стояли здесь же, иа берегу, совсем блнзко. Оин расположились полукольцом — все семеро, во главе с Воем. Теперь в его стае было семь волков. В прошлый раз на глазах Рисы погиб однн нз этой семьн. Но прошел уже целый год, а это немалый срок...

Теперь они ее тоже выследнлн. Не случайно же онн оказались здесь, со стороны леса, едва только рысь вышла к озеру.

Нет, не случайио...

Риса стояла у самого льда на краю отлогого берега, среди мелкого кустариика. Лес был отрезан от иее стаей врагов. Ее не испугалн жадиые их глаза, ио она знала, что сиова решается ее судьба. Волки остановились лншь иа мгиовенне. Быстрым шагом, почтн бегом, спускалась волчья семья к озеру. Но Риса уже бежала туда, куда лесные звери не ходили,— к жилнщу людей.

Отставая от рыси иа пять-шесть прыжков, неслась стая.

Вой, высокнй н широкогрудый, бежал впереди. В каждом броске разжимаясь, как пружина, и распластываясь в полете иад сугробом, ои мчался, распустив длиниый хвост по ветру. Серая со светло-рыжим отливом шкура, топорщась на загривке, стремительио перекатывалась по его мускулам. Крупная

морда Воя, холодные и острые глаза выражали сосредоточенность, предельную устремлеииость к цели. Шерстинки трепетали под иапором встречного ветра, и от этого шерсть на спине и загривке шевелилась. Словно каждый волос зверя был живой и помогал волку иастигиуть и победить.

Длинными быстрыми прыжками Риса пересекала залив. Хотя лапы скользили по льду, едва покрытому тонким слоем сиега, все-таки Рисе было легче бежать, чем волкам. Ее широкие лапы позволяли сильио отталкиваться, и прыжки получались мощиыми и длинными.

Волки ие отставали. Злость и упорство позволяли им буквально вплотную гнаться за ией. Они зиали, что к жилью человека она не пойдет, повернет к лесу, и тут они ее перехватят...

Но волки ошиблись.

Риса чувствовала, как ее настигают. Она слышала шумное дыхание волков, удары их иог о замерзший берег, иа который оии уже выскочили за ией. И в утреннем сумраке оиа хорошо видела дым, уходящий в небо из человеческого жилья. Только там, у человека, было ее спасеиие. И оиа поияла это.

Риса бросилась иапрямик к дому. Распахнув лапами приотворенную дверь в сеии, она в два прыжка взбежала по лестиице, ведущей в жилые комиаты. Бревенчатые дома иа севере строят так, что иижние пол-этажа занимает сарай, выше — жилое помещение, куда ведет широкая лестница из сеней.

Волки преследовали Рису до самого крыльца, но в дом не вошли. Последние броски их были особенно стремительными, уж очень старались они схватить рысь. Но ие успели. Рысь пулей влетела в дом. И старый Вой замер у самых дверей. Никакой азарт погони не мог обмануть его. Слишком опытеи, умен и осторожен был старый вожак. Он-то зиал, что люди — это верная смерть. Дальше иего ие ступил никто из его стаи...

Когда Риса оказалась у входа в самую глубь человеческого жилья, в глаза ей ударила узкая полоса света, пробившаяся через щель в двери, за которой былн люди. Стремительно распахнув эту дверь, рысь вбежала в комнату.

Человека оиа ожидала увидеть, ио все-таки шарахнулась от иего в угол, дальиий от двери. Прижалась

к стеие и затаилась. Человек был одни. Собак уже отвезли в город, а ои задержался.

Это был тот самый, бородатый.

На столе желтым глазом горела керосииовая лампа. Топилась печь, и блики огня из раскрытой топки метались по стенам.

Человек сразу понял, что произошло. Он слышал, как вечером выли волки, дием видел их следы. Зиачит, имеиио волки заставили рысь иаиести ему этот удивительный визит.

Человек ие стал выходить из дома, чтобы разогиать стаю. Тогда ему пришлось бы взять ружье, а это могло испугать гостью. И ои остался сидеть у стола, задумчиво глядя иа крупиого красивого зверя.

Ои зиал, что волки иикогда ие войдут в его дом, разглядывал Рису и улыбался. Рысь лежала в углу, чуть подобравшись. Еще иасторожеииая, оиа уже успокаивалась. Оиа слышала, как волки уходили. Их вой раздавался в отдалеиии. Оии выли от досады, от обиды иа свою волчью долю.

Риса видела, что человек спокоен, ои ие бросился на иее, не схватил ружье, ои сидел и улыбался.

Звери понимают улыбку. Они чувствуют ее ободряющее тепло. По телу Рисы разливалась приятная волиа покоя. Нервиая дрожь прошла. Рысь жмурилась, глядя то на огоиь в печи, то иа человека. Теплое дерево пола согревало ей лапы, живот, грудь. Удары сердца стаиовились все ровиее.

Когда раздался голос человека, чериые кисточки на ушах Рисы тревожио дрогиули, ио голос был спокойиым и добрым, и кисточки иа ее ушах сиова замерли.

— Ну располагайся, раз пришла,— сказал человек.

Будто поияв его, рысь мягко положила голову иа передние лапы. И вздохиула. Этот глубокий вздох показался человеку печальиым. Словио зверь хотел сказать ему, человеку, что иелегка одинокая жизнь в лесу, что холод и голод постояиио рядом. Да еще волки. И что было бы совсем плохо, если бы одинокие в этом мире ие могли хоть изредка прийти друг к другу за помощью.

ОСОБЫЙ МИР

Было бы легче, если бы рассказы Леонида Крохалева были просвящены одной теме, «привязаны» к одному месту, рассказывали бы о людях одной профессии или одного возраста. Тогда можно было написать, что автор в своей прозе верен своим героям или тому-то месту. Нет, здесь очень хороший случай, когда каждый рассказ вводит нас в особый мир.

В прозе Леонида Крохалева я, как на рентгене, вижу его жизнь, его пристрастия, его позицию. И то, что он отстаивает, защищает, близко мне и дорого. Город и село, взрослые дела и детство, студенты и крестьяне — во всем видна достоверность описания. Автор пользуется не чьим-то, а своим жизненным капиталом, пишет, что называется, из первых рук.

Не хотелось бы влиять на впечатление, которое испытают читатели, но помню, как поразил меня рассказ про дядьку Селёму и мальчика-инвалида. Истинно русская жалость и сострадание к обездоленному судьбой пробуждается в наших сердцах, затвердевших от впечатлений нервной, торопливой жизни.

Предисловие к публикации — как дверь перед домом, населенным родными людьми. Прошу открыть эту дверь, ибо войти в «дом», созданный Леонидом Крохалевым, интересно и, как писали раньше, душеполезно.

Владимир Крупин

Леонид Крохалев

ДЕНЬ ПОЗАДИ, ДЕНЬ ВПЕРЕДИ...

ЗАГРАНИЧНАЯ ИГРА

Наверное, уже часов двенадцать, а они все лежат в кроватях и стараются не вставать, даже заставляют себя глаза не открывать: вдруг сон переборет эту тянущую пустоту внутри и, как наркоз, избавит от нее хоть иа полчаса, хоть на пятнадцать минут еще... А солнце бьет в окио их комнаты на втором этаже, и Надины глаза открываются сами собой, взгляд скользит по колеблющимся теням веток иа стеие, по двум стоящим у дверей аккуратно заправлеиным кроватям соседок по комиате, и эти две подушки иа тех кроватях, взбитые, пухлые, положенные «уголком», мешают уснуть больше всего. Они прямо кричат, вопят о том, что на свете есть сытая жизнь и есть пирожки, которые умеет печь только мама.

Надя крепко смежает веки, но воображение тут же рисует театральный буфет: подносы с бутербродами — и с колбасой, и с белой, и с красиой рыбой, пузатые кувшины с разиоцветиым соком, бурые ряды бутылочек с водой...

— Хорошо сейчас Гальке со Светкой! — вздыхает Леиа.— Уехали иа каиикулы домой и правильно сделали! Это только мы, дуры, могли дом иа театры промеиять. Ну еще бы! Хоть раз в жизии вволю походим! А то пролетят пять лет в Москве, да так ничего и не увидим!..

Надя вскидывает голову, встречает сердитый Лении взгляд и опять тыкается затылком в утрамбованную за иочь лепешку общежитской подушки. Молчит. Хотя камеиь — в ее огород. Это она уговорила Лену в эти зимиие каникулы походить в театры.

Ничего подобного за два с половиной года учебы иа филфаке оии себе ие позволяли. Бывали, коиечио, изредка и в театрах, и иа концертах эстрады. Но больше — читалка, читалка: боялись вылететь из университета. А тут вроде как сошлось: обе удачно,

без «хвостов» сдали сессию, и деньги остались. И что-то стало жаль их Наде тратить на дорогу. Ну что дом? Все туда да туда. Проездишь двадцатку, и все. А тут столько еще интересного!.. И она предложила Лене не ездить. «Давай лучше все самые хорошие спектакли посмотрим! Хоть раз в жизни...» Лена сначала отнекивалась: «Мама расстроится...» Но Надя уговорила. И все шло хорошо. Ходили в театры каждый день. Не в тот, так в другой. И действительно посмотрели несколько лучших спектаклей в разных местах. Билеты, правда, пришлось «ловить» перед началом у дверей и даже за сто метров от входа — в кассе-то не достанешь, но зато впечатлений сколько! А вот за позавчерашнюю «Таганку» эту — теперь получай...

Ведь все было бы нормально, если бы не билеты с рук, у парня — и откуда он только вывернулся?! «Кому?» — Поднял кулак. «Мне!» — откликнулась Надя. «По червонцу! Для такого спектакля — дешевка! Но и это только потому, что вы берете! Я бы с вами сам пошел, причем с большим удовольствием!» — И уже сунул билеты ей в руку. Она смешалась, но и отказываться было стыдно: сама напросилась. «Быстрей, быстрей, девочка! Я спешу! — торопил парень.— К сож-жалению!» А ближе ко входу она опять услышала его голос: «Кому?!»

Ведь если бы не он, дождались бы они стипендии спокойно. Два дня, сегодняшний считая, и осталось-то всего...

— Ну что молчишь? Уснула, что ли? — ворчит Лена.

— Уснешь с тобой...

— С то-бо-ой! Что делать-то, говорю, будем?!

— А ты чё кипишь, как холодный самовар?! Что делать... Бери вон в кошельке последний рубль и беги в столовую! — отвечает Надя и вдруг неожиданно для себя, к в детстве, громко, обиженно всхлипывает, кричит, кривя губы: — Я что, виновата, что все деньги у меня были, а он по столько запросил?! Спектакль-то какой! А когда бы мы его еще посмотрели?!

Лена молчит. Засопела подозрительно. И Наде вдруг становится так жалко и себя, и ее, что она рывком отбрасывает одеяло и в один прыжок оказывается на Лениной кровати, тыкается в острые лопатки мокрой щекой.

— Ну, хватит! Ну не сердись... Ладно?

Лена молчит. Но Надя чувствует, как расслабились мышцы на ее худенькой спине, и крепко обнимает подругу.

Несколько минут в комнате стоит тишина. Слышно, как за узорчатым от мороза низом оконного стекла с неравными промежутками скрежещет ослабевшая жесть. Ветер... И холодина, наверное... А на печке дома валенки, поди, горячие. Вот бы надеть сейчас... Вздохнула. Думать об этом — только зря расстраиваться. А сейчас — хочешь не хочешь — вставать придется. В шкафу — ни крошки, вчера все подчистили. Можно бы, конечно, в магазин сходить, купить картошки, хлеба... Мяса, масла! Она грустно улыбается. Заварки с сахаром и тех нет.

Шевельнулась Лена. Говорит тихо, почти шепчет:

— Мама, наверное, расстраивается, до сих пор, наверно, меня ждет. А я ей с этими театрами даже не написала, дура... И продуктов в этот раз никаких не послала. Думала, сама поеду... А что ей этот килограмм мясных продуктов на месяц по талону? Твоим хорошо, они в деревне живут. А у нас в городе сама знаешь, в магазинах шаром покати. А на рынок идти, ей на неделю пенсии не хватит. А она еще и мне шлет... Работать пошла, убираться...

Это откровение звучит так неожиданно и так непохоже на Ленку, насмешницу и хохотушку, что Надя резко приподнимается на локте, хватает ее за плечо и трясет, заглядывая в лицо:

— Лен! Ты чё, ты чё?

Лена осторожно убирает с плеча ее руку.

— Да ладно, ничего, пройдет сейчас. Так, вспомнилось чего-то, тоскливо стало... А-а! Не обращай внимания...— Она растирает лицо ладонями.— Все! Уже прошло! Ну дак ты что молчишь? Что, спрашиваю, делать-то будем? Может, купим пакет картошки да булку черного, нажарим, наедимся!

— Нет, Лен, я уж думала. Не выход это. Если бы хоть денег чуть-чуть побольше, тогда выкрутились бы. А с этими... Сама понимаешь, сильно-то не разбежишься. Занять бы где-нибудь?

— Где?! У кого? Наших в общежитии, между прочим, осталось раз-два — и обчелся! Я знаю, из семнадцатой двое не поехали да двое в третьей остался. У Сереги вряд ли... А в семнадцатую идти, я представляю: «Девочки, одолжите, пожалуста, два

рубля», а они тебе: «Ой, а мы к вам собирались идти». Нет уж! Извините! Ты же знаешь, кто там — Воробышкина с Салиной! Домой не поехали, потому что все каникулы друг перед дружкой будут сидеть, курсовые писать. Гениальные! Хотя деньги у них, конечно, есть — это точно.

— А может, все-таки попробуем? Давай я к ним схожу...

— Да перестань ты! Давно не краснела, что ли?

Надя откидывается на подушку и чувствует, что действительно краснеет: так ясно представилось ей вдруг, как встретят ее в семнадцатой: глаза их бегающие, но все видящие — и нерешительность ее, и неловкость внутреннюю; и слова, которые скажет находчивая Салина, будут, если уж и не точно такими, как пророчит Ленка, то примерно такими.

Она опять поворачивается к Лене, обнимает ее и растроганно говорит:

— Молодец ты все-таки у меня! Что бы я без тебя делала?

А та вырывается из-под руки, притворно сердито ворчит:

— Ну вот то-то же! — И тут же, сильно прогнув панцирную сетку, проворно садится на колени, хватает Надю за горло, грозно рычит: — Рас-трат-чи-ца!

Обе хохочут. Ленка босиком спрыгивает на пол.

— Ну что, будем одеваться? Давай-давай, живо! А то ишь разлеглась! Зажала рупь, а тут, между прочим, жрать хочется — до не могу! Гадство такое...

Теперь это опять прежняя Ленка, какой Надя помнит ее с первых дней знакомства.

А познакомились они еще перед вступительными. И видно, судьба свела их тогда в одной комнате пятиэтажного корпуса филиала Дома студентов МГУ, куда приехали они поступать учиться на один и тот же факультет — филологический, как оказалось, из одной и той же области. Землячки! Для них это слово тогда прозвучало почти как родня...

Лена ушла умываться, и Надя задумалась. Вспомнила про дядю Егора... И тут же мысленно поправила себя: дядю Жору! Теперь она все время путает эти имена. Увиделась просторная прихожая, застланная узорчатым соломенным ковриком. Длинноногая Людка — ее двоюродная сестра, в отличие от белобрысого дяди похожая на цыганку...

Грохает дверь. В комнату влетает Лена. Завитушки ее волос мокро блестят. Она вытирается полотенцем и вдруг опять будто мысли читает:

— Слушай, Надь! А может, мы сегодня день визитов устроим, а?

У нее в Москве, где-то возле аэропорта «Внуково», тоже живут родственники, но какие-то дальние, она их никогда не видела и так за все время учебы не была у них, только собиралась, да все ей что-то мешало — то одно, то другое.

А Надя была у родного материного брата уже раза три-четыре. Первый раз, исполняя строжайший материн наказ: «Зайди обязательно! Слышишь? Сразу как только приедешь!» — она отправилась на другой же день после поселения и знакомства с Ленкой. Была суббота. Она выехала часов в восемь утра и, проплутав в метро, нашла наконец и станцию «Маяковская», и нужную улицу недалеко от театра «Современник», за китайской гостиницей, и нужный дом.

Дом оказался не очень большим, но таким внушительным, что у нее сразу неровно забилось сердце, она долго топталась перед подъездом, прежде чем войти. В просторном вестибюле ее остановила старуха вахтерша, осмотрела подозрительно: «Вы к кому?» — «К Щучьеву»,— неуверенно сказала Надя. Старуха еще раз осмотрела ее с ног до головы, кивнула: «Пройдите!» И уж в спину добавила: «Георгий Владимирович живет на седьмом!» Надя, не поняв, о ком она говорит, удивленно оглянулась, но, встретив недоверчивый взгляд старухи, ничего не спросила.

Дядя открыл сразу, как только она позвонила. Высокий, стройный, в красивом сером костюме, он стоял, готовый к выходу, с пузатым портфелем в руке, и недоуменно смотрел на нее. Она пролепетала: «Дядя Егор?.. А я вам привет от мамы привезла...» Дядя сразу широко улыбнулся, даже руки в стороны слегка развел, будто обнять хотел: «О-о! Наденька! Вот ты какая стала! Спасибо, спасибо за привет! Как там?» — «Да все нормально»,— смущенно улыбнулась Надя. «Ну вот и прекрасно! Так и должно быть!» Дядя говорил все это радостно, но тут же как будто помрачнел: «Ты извини, Надюша, я не приглашаю. Сам только на минуту заскочил. Если хочешь, пойдем, подвезу тебя на машине, по дороге поговорим. Тебе в какую сторону?» Надя смутилась, сказала нереши-

тельно: «Может, я потом приду...» — «Смотри, как тебе удобно. Сегодня и завтра меня не будет. А по рабочим дням я бываю дома после девяти вечера. Постой, постой! А ты в Москве-то как? Каким образом?..» Надя опустила глаза: «Да поступать приехала... На филфак, в университет...» — «О, молодец! В общежитие уже устроилась? — Надя кивнула. Дядя засмеялся, потрепав ее по руке.— Давай-давай, обязательно поступай! Будут сложности, сообщи, что-нибудь придумаем. Ну мне пора!»

Она и не помнит теперь толком, о чем они говорили дальше, пока спускались на лифте, выходили из подъезда на улицу: вся была как не своя. Видит лишь: дядя обгоняет ее, идущую по тротуару, на черной «Волге», оборачивается и машет с заднего сиденья рукой... Когда она вернулась в общежитие и рассказала обо всем Лене, та даже присвистнула: «Везет же тебе! Ты теперь, считай, уж поступила? А я...» Она махнула рукой.

Но ничья помощь им не понадобилась, обе хорошо сдали экзамены и набрали проходной балл...

Надя лежит, закинув руки за голову. Взгляд ее неподвижно прикован к матовому плафону под потолком. Она почти не видит и не слышит Лену.

— Ну, хватит, хватит! Вставай!

Лена уже надела свое единственное выходное темно-красное шерстяное платье и теперь безжалостно теребит густые светлые волосы ежом массажной щетки. Лоб ее при этом морщится, глаза страдальчески прищурены, уголки губ уползли вверх, а на щеках проступили ямочки — вроде и плачет и улыбается одновременно. Наконец бросает расческу на квадратный стол, стоящий посередине комнаты, приказывает:

— Вставай!

— Да щас, щас!

Лена подходит к окну, прислоняется к подоконнику, скрещивает на груди руки. С минуту молчит, смотрит на улицу, потом роняет:

— Ну так что? Разбежимся по гостям?

— Неудобно...

Лена опять молчит, опять смотрит в окно, не меняя позы, и вдруг говорит бодро, даже весело:

— А чего тут неудобного? Я наконец-то познакомиться приду, а ты навестить!

— Хм, навестить... Я у них, считай, уж года полтора не была.

— Ну и что? Некогда было! Семинары, сессии, стройотряды, то да сё!

— Ле-ен! Что они, глупые?

— Брось ты! Они и не подумают! Пришла и пришла...

— Ну ты же сама меня только что в семнадцатую не пустила! А к родственникам лучше, что ли?

Ленка снова задумывается, но через минуту пружинисто отталкивается от подоконника, все так же со скрещенными на груди руками поворачивается спиной к окну, садится на низкий подоконник, выпрямив длинные ноги; из-под платья выглядывают острые коленки. Она хитро улыбается.

— Ты, конечно, права-а... Но! — Ее правый кулак с напряженно выпрямленным указательным пальцем взлетает к виску.— Это все-таки ро-одственники! Тут есть нюанс... Салина откажет — и все. С нее взятки гладки. А тут... Тут, между прочим, сложнее... Понимаешь?

— Понимаю, что и тут и там стыда не оберешься!

Ленка неожиданно кричит:

— Да я тебя что, сотню посылаю у них занимать?! Чего стыдиться-то?! Придешь да уйдешь, и ни копейки не попросишь!

— А чё идти-то тогда?

— Да хоть поешь, и то дело! Что ж они, нелюди, что ли, и не накормят уж?!

Нервный смешок, будто электрический заряд, сотрясает Надину грудь и плечи.

— Ну ты чертовка! — Надя мотает головой.— Накормить-то уж, поди, накормят...

— Ну и все! Нам больше ничего и не надо! Собирайся давай! Давай-давай, живо! — Лена подскакивает к кровати, тормошит Надю и припевает: — Давай-давай, живо! Купи бутылку пива! Да выпьем поскорее, чтоб было веселее! — Она подталкивает Надю к умывальнику, потом за руку тащит обратно в комнату, беспорядочно кидает ей то платье, то сапоги, вот распахнула пальто, придерживая его за плечики, как швейцар в ресторане.— Обслуживание — высший класс!

— Откуда у тебя что и берется? — ворчит Надя.

Ленка смеется:

— А-а! Не знаю! Мамка у меня в молодости тоже

заводная была! На гулянках плясала лучше всех; как рукой поведет да каблуками ка-ак даст! Вот так. Ну? Скоро ты?

— Да постой... Дай хоть расчесаться!

— Нет, это ты постой! — Ленка кидается к столу за расческой, взбивает Надины русые, коротко стриженные волосы.— Все! Прелесть! Хоть сейчас в партер! Пошли!

Пока Лена, закрывая дверь комнаты, возится ключом в скважине плохо работающего замка, Надя смотрит направо-налево по коридору. Пустой и тихий, он похож на тоннель. И шаги их в этой тишине звучат непривычно гулко. Нет ни всегдашнего грома музыки, ни смеха — ничего...

В холле первого этажа справа, у входной двери, стоит вахтерский стол с телефоном — он пуст, а слева, за колонной,— узколистая раскидистая пальма в кадке и ящик для писем. Они сразу хотят пройти к нему. Но из-за массивной квадратной колонны вдруг выворачивается вахтерша тетя Клава. Она наставляет на них «лентяйку», мокрая тряпка на ней угрожающе мотается.

— Ку-уда шары задрали?! Не видите, мою?!

Надя невольно пятится — тряпка может задеть пальто. Ленка кричит:

— Да вы чё, теть Клав, с ума сошли?! Замараете же!

— А вас и надо!.. Стойте!

— Да нам письма же!

— Стойте! Кому сказано! Домою, потом хоть лопатой их, свои письма, гребите!

Делать нечего. Прислонились к стене, заложили руки за спину.

Внутри у Нади кипит, она взглядывает на Ленку:

— Ну это уж вообще!

— Я же говорю — спятила,— негромко, но так, чтобы слышала и вахтерша, говорит Лена.

В быстром косом взгляде тети Клавы чувствуется желание сжечь их, испепелить, но она молчит и только сердито возит «лентяйкой» по влажно лоснящемуся кафелю.

Наконец путь свободен. Но переводов из дому, на которые втайне надеялись, в ящике нет, и девушки выходят на улицу, быстро шагают по морозно хрустящей дорожке к троллейбусной остановке. До метро

едут «зайцами». Молчат. И лишь внимательно вглядываются в лица пассажиров, входящих на остановках: не контролер ли?

В полукруглом вестибюле станции «Университет» Лена смущенно просит:

— Дай мне хоть копеек двадцать на дорогу.

Надя открывает кошелек, достает металлический рубль и некоторое время держит его на раскрытой ладони, рассматривает:

— Юбилейный, Лен... Последний. А щас разменяем, и все...

— Надька! Хватит нюни пускать! Раньше думать и жалеть-то надо было... Когда праздновали!..— Лена решительно берет с ладони рубль и идет к кассе.

На эскалаторе Лена стоит ступенькой ниже, положив голову ей на грудь. А она машинально скользит взглядом по фигурам людей, движущихся навстречу. Одежда разная, а лица одинаково непроницаемы, равнодушны. Они сплошным, непрерывным потоком плывут мимо, вверх, и редкое лицо задерживает взгляд, а если и задерживает, то все равно уплывает, как пейзаж за окном железнодорожного вагона: был и исчез навсегда...

Надя хватает Ленку за плечо, та вскидывает голову, смотрит удивленно.

— Да ты не на меня, ты туда смотри!

Лена поворачивается к ней спиной и сразу приветственно крутит ладошкой. Снизу к ним приближается «дрын» — так они с Леной называют между собой Серегу Коробкова, баскетбольного роста парня с их курса. Он наклонил голову и не видит их. Вот поравнялся. Перекрывая рокот эскалатора, Лена кричит:

— Коробков!

Серега вскидывает голову, и Лена мелко трет большой и указательный пальцы. Серега нервно крутит головой, потом высоко поднимает плечи, втягивает в них голову, выпячивает нижнюю губу и широко разводит руки.

Делать нечего, надо ехать...

Внизу, на станции, они расходятся. Их поезда идут в разные стороны: Лене — до «Юго-Западной», Наде — до «Проспекта Маркса». В вагоне она торопливо, чтобы никто не опередил, занимает одиночное сиденье в конце вагона, прячет подбородок в воротник пальто. С пересадкой — около часа езды...

Дядю Егора, когда она думает о нем, она всегда представляет не таким, какой он сейчас, а почему-то маленьким бойким мальчишкой: чумазым, с цыпками на руках, с царапинами на грязных коленках, торчащих из-под закатанных штанин не по росту широких брюк. Брюки перешиты из взрослых и держатся на широком солдатском ремне с одним «гвоздиком» в пряжке. Этот ремень до сих пор лежит в маминой сундуке.

...Тобол стремительно плетет длинные космы водорослей возле свай дощатого моста. Шестилетний мальчик и девочка постарше — по пояс в воде. Рыбачат. Таскают чебаков, нанизывают их за жабры на кордовые нитки, привязанные к поясам. Стараются наловить побольше: мамка на работе в совхозе, папка совсем недавно помер.

Вот мальчишке крупный попался, одной рукой он удочку тащит, другой к рыбе тянется — вдруг сорвется! Ползет под пяткой песчаный донный уступ, мальчишка удочкой неловко взмахивает и исчезает под водой. Девочка сразу ныряет за ним. Всплывают оба через несколько метров ниже по течению. Она тянет его на мелкое за руку, отгребается одной рукой часто-часто, хорошо хоть, ноги до дна достают, а у мальчишки на шее зеленая, толщиной в палец, веревочка водорослины, как галстук, в струе полощется. Мальчишка судорожно кашляет, брызги рябят воду, белые точки уплывают, а вокруг них уж вскипают бурунчики — рыбы пробуют.

...Баба Груша прикрывает половиками грядки в огуречнике, чтобы утром иней рассаду не заморозил.

...Жаркий день. Она возле грядок копошится, собирает первый урожай: лук и редиску. Моет и укладывает пучки на дно корзинки, покрывает корзинку чистой тряпицей, идет на площадь возле церкви, садится там на толстый, не расколотый на дрова березовый комелек и раскладывает на тряпице зелень. Вдруг заезжие шофера купят? А ей все лишняя копейка. Соберется сколь-нибудь, вот и пошлет опять Гошке в Москву, в институт этот: поступил ведь все же после десятилетки — башковитый! Вот мама к ней идет. А баба Груша сидит-посиживает. Белый платок на лоб низенько опустила. Жара. Смола из досок выступает. И нос у бабы Груши весь в поту, как в бисере. Жалко маме бабушку. Садится рядом на корточки, спраши-

вает: «Ну чё ты, мама, паришься тут? Нету же никого!» — «А как жо, Валя-матушка? Вот после паужны прикатят, да, может, и купит кто...»

...Молодой дядя Егор с чемоданом по деревне идет. Спешит, только песок из-под ботинок брызжет. С дипломом приехал. Бабе Груше штапелю на платье привез, маме — голубую кофту. Радости сколько! Бежит баба Груша по соседям и всем толмит одно и то же: «Парничкя-то моего в Москве робить оставляют!..» И плачет, и утирает глаза, нос, уголки рта концом белого платка, туго завязанного под остреньким подбородком.

...И опять баба Груша по соседям бежит: «Егорушко эть женился! Повышенне ему дают!» А сама опять плачет.

...И опять дядя Егор идет по улице. Большой желтый чемодан в руке несет. Важный! И опять подарки бабушке, маме. И опять слезы. «Почему один? Почему без жены? Почему Эленьку свою не привез, нам не показал?»

Все это было, когда ее и на свете еще не было. А вот листочек, который ей мама дала и сказала: «Беги, доченька, на почту, подай эту бумажку почтальонше и вот деньги тоже подай. Она сама все знает, как сделать... Да сдачу взять не забудь! Слышишь? Беги ты скорее, родненькая моя!» — Она тот листочек будто до сих пор в руке держит. И зеленую трехрублевку тоже. И бежит босиком по песку, разметывая его пятками в стороны, спотыкается и опять бежит, а дорога плывет перед глазами, деревья двоятся от слез: умерла баба Груша! А на другой день мама держит в руках другой листок. И лицо у нее становится белое-белое, а платок на голове черный-черный. «Не мо-жет!» — стонет она и садится мимо табуретки. Отец подхватывает ее у самого пола, укладывает на кровать. И поднимает с половиков не один, а два листка. «Чтоб он подавился своими грошами!..» — кричит он и ругается матом. Старушки шикают на него, и он замолкает. Больше она никогда от отца про дядю ничего не слышала. Разве только в тот самый раз на первых летних каникулах еще...

Надя вскакивает и опрометью выбегает из вагона: проехала две остановки лишних! Она возвращается на нужную станцию, переходит на другую линию, и опять

ей везет: есть пустое одиночное сиденье в конце вагона...

«Поезжай, дочка. Чем черт не шутит? И Егор, может, поговорит где следует. Все ж таки он тебе родной дядя. Я писала ему...» Она стоит перед матерью в белом форменном фартуке: через час последний звонок! И радуется, что поедет в Москву, и хочет увидеть дядю Егора, маминого брата, большого и очень занятого человека. Если бы не его пример, может быть, никогда не возникла в ее голове мысль об университете. Вот ведь смог же он? И она поступит!..

Когда Надя пришла в гости к дяде во второй раз, дверь ей открыла полная темноволосая женщина. «Тетя»,— догадалась Надя. Она поздоровалась и спросила: «А дядя Егор дома? Я его племянница, Надя...» — «Здравствуйте-здравствуйте, Надя! — Тетя улыбнулась одними губами.— Меня зовут Эльвира Борисовна».— Она низко наклонила голову и в поклоне этом как бы ощупала взглядом Надю с ног до головы.

В прихожую вышел дядя. «Здрасьте, дядя Егор! — обрадовалась Надя.— Я...» Она хотела сказать «поступила!», но вдруг осеклась и спрятала руки за спину, как провинившаяся школьница. Взглянула на Эльвиру Борисовну. Та многозначительно смотрела на дядю, но, поймав Надин взгляд, тут же благосклонно улыбнулась, прикоснулась к ее руке. «Надя, я вас очень прошу, не зовите его больше Егором. Мне не нравится это имя. Оно какое-то грубое.— Эльвира Борисовна все с той же улыбкой посмотрела на дядю.— Его все давно называют Георгием. Правда, это лучше?»

Надя совсем растерялась, покраснела, опустила глаза и боялась их поднять. Дядя спокойно сказал: «Эля, я тебя прошу... Приготовь кофе. Будь любезна...» Тетя ушла, а дядя шагнул к ней: «Что же ты стоишь? Проходи! Ну как? Тебя можно поздравить? — Надя кивнула.— Молодец! Молодец!» — Он потрепал ее по плечу. Потом поводил по квартире, накормил в огромной кухне бутербродами с очень вкусным мясом и напоил кофе. И все говорил о том, какая в Москве сложная жизнь, совсем не то, что в деревне, что к этому надо быть готовым и многое

просто не принимать близко к сердцу. Надя слушала молча, благодарно взглядывала на него, и хотя рассуждения его не совсем понимала, все равно часто кивала.

Вернулась домой Люда, ее сестра-одногодка. Дядя их познакомил. И Люда повела Надю в свою комнату. Переодеваясь из джинсов в халат, Люда кивнула на распахнутую дверцу платяного шкафа: «Последний стон! Предок у меня фирмовый!» И это было так: у Нади разбежались глаза.

А потом они все вместе смотрели громадный цветной телевизор. Надя впервые видела такой: изображение — трудно передать словами, просто хочется смотреть, и все.

Потом тетя Эля и Люда за чем-то вышли. И она, забывшись, опять начала было: «Дядя Егор...» Тут же в комнату вошла, будто ждала под дверью, Эльвира Борисовна и опять сказала: «Надя, милая, я тебя уже просила, зови его Георгий! Неужели это так трудно?» Надя снова покраснела. Дядя весело хмыкнул, потрепал ее по плечу и сказал: «В самом деле, Наденька, я от Егора как-то уж и отвык. Зови меня просто дядей Жорой».

В первый год учебы она была у них еще раза два. «Приветы передать, мать же пишет»,— убеждала себя, не сознаваясь в смутной для себя самой причине, что ходит, пряча неловкость, чтобы лишний раз посмотреть, как живут родственники-москвичи, почувствовать и свою причастность к этой жизни, непонятно чем влекущей и так же непонятно чем отталкивающей.

Хотелось Наде и поближе сойтись с Людкой, тоже студенткой. Но разговор у них как-то не клеился. И Люда, чтобы заполнить пустоту, то включала японский магнитофон и начинала танцевать или сидела в кресле, закрыв глаза, слушала возбуждающие ритмы, слегка подрагивая пальчиками по валикам кресла, то опять принималась показывать новые наряды. Давала примерить и Наде. И она, рассматривая себя в зеркало то в темно-синем вечернем платье с золотистым шитьем на правом плече, то в невесомом и почти прозрачном голубом — для пляжа, даже и не завидовала этому богатству — что толку? И лишь ахала непритворно: как она во всем этом менялась!

Уходила с горьким чувством. А дядя, провожая, неизменно приглашал: не забывай, заходи!

Дома на первых летних каникулах она стала просить у отца деньги на джинсы. Отец отказывал. Тогда она вспомнила московскую двоюродную сестру как доказательство. «Людка, например, папочка, из джинсов не вылазит! Ясно?» — «И спит, поди-кось, в них?» Отец улыбнулся так едко, что она взорвалась: «Да хватит тебе!» Отец стал серьезным: «У Людки-то твоей отец-то хоть знаешь кто?» — «Знаю!» — «Кто?» — «Ну, заместитель в каком-то главке или министерстве, я не знаю точно. Так что из этого? Теперь мне, выходит, и джинсы поносить нельзя?» — «Ну почему ж нельзя? Поносить можно...— Отец снова улыбнулся.— Попроси у той же Людки да и поноси, сбей охотку...» Надя в первый момент даже не нашла, что сказать ему на это, лишь через несколько секунд выпалила: «Ты, пап, что думаешь, Москва — деревня, что ли?! Взял, как тут, на вечер платье у девчонок да в клуб пошел? Ну ты даешь! Это же Москва-а-а!!» — «Что Москва-Москва, я тоже понимаю,— сказал отец.— Да ведь и Людка, как ты говоришь, сестра тебе. Неужели ж посестрински на вечер штанов не даст?» Они долго смотрели друг на друга. Надя только и сказала: «Ну ты, па-апка...» — «Да, папка! — жестко повторил отец.— И запомни! Нам с матерью вдвоем два месяца подряд работать надо, чтобы получить столько, сколько Людкин отец в одну получку приносит. Так что Людка твоя для меня не пример! — Он помолчал и сказал спокойнее: — Мы и так тебя не обижаем. Вон мать опять приготовила на пальто, на всякую шурум-бурум... А штаны эти за сто пятьсят... Ты же девка! Пойми, не в деньгах дело! Но зачем под мужика-то подделываться?.. Мне на эти ваши штаны смотреть тошно...» — «Не смотри! Тебя никто не заставляет!» — «Нет, дочка, на штаны не дам!»

Надя хлопнула дверью. А вечером, вернувшись от подружки, которой жаловалась на жадного «предка», услышала тот самый обрывок разговора. Открыла дверь в дом и поймала обрывок раздраженной отцовской фразы: «...не тесть, дак не видать бы скотине всего это, как собственных ушей!» — «Вы про что это?» — с любопытством бросила она с порога в комнату, где были родители. Там замолчали. Она вошла. «Вы о чем?» Мать, не глядя на нее, торопливо вышла в кухню, вскоре хлопнула дверью в сени. «Что притихли сразу?» — спросила она у отца. Он, насупившись, мол-

ча сидел у стола, ковырял потрескавшимися пальцами в мятой, с темными замаслинами пачке «Беломора», выуживал одну за другой полупустые папиросины, складывал в пепельницу. Наконец нашел целую. Прикурил, выпустил из ноздрей две голубоватые струи, буркнул: «Ничего, ничего...» И отвернулся к окну. Надя хмыкнула и ушла в горницу. Но отцовская фраза запомнилась. Ей стало жаль мать.

К родственникам после тех каникул она не ходила, хотя и не говорила об этом матери. А мать каждый раз, провожая ее в Москву, наказывала: «Будешь у Егора-то, дак уж ты там смотри, привет-то от нас с отцом передавай!» Надя буркала: «Ладно, ладно!»

Вот уж несколько минут она стоит перед знакомой дверью, красиво обтянутой глянцевитой кожей, и все не решается позвонить. Ей почему-то чудится, что дверь обязательно откроет Эльвира Борисовна. Трижды поднимала она руку и уж совсем было касалась пальцем большой розовой кнопки. Но палец подрагивает, а кнопку не нажимает, лишь выбивает на ней осторожную дробь, и от этих касаний по ее спине прокатываются судороги. Страшно... Отчего так страшно? Она вдруг резко поворачивается, чтобы уйти, но тут же вспоминает недовольную мину на лице привратницы, сидящей за столиком перед лифтом, ее сердитое: «Дома!» — а потом Ленкины слова: «Ты же не сотню идешь у них занимать»,— и так же резко поворачивается обратно к двери, вдавливает пальцем розовую кнопку. За дверью слышится приглушенная музыка.

Дверь распахивается широко. На пороге Люда. На этот раз не в джинсах, а в халате. Белый атлас плотно облегает ее грудь и тонкую талию, схваченную поясом с длинными широкими концами; подол халата переливчато сбегает складками до пола, а по белому полю маслянистой ткани пологими спиралями стекают от узких Людиных плеч к соломенному коврику ярко-красные розы, соединенные извилистыми нежно-коричневыми стеблями. Не убирая от дверного косяка руку, с локтя которой вольным треугольником свисает белый рукав, Люда почти так же мелодично, как звонок, тянет:

— О-о! Приве-ет! — И сразу плавно откидывается,

оттолкнувшись рукой от косяка, но не отпустив его, поворачнвает голову в глубь корндора, зовет через плечо: — Па-а! Ты посмотрн, кто к нам пришел! — Секунду-две ждет ответа. Потом смотрит иа Надю.— Что же ты стоишь? Проходи! — И отступает, давая дорогу.

Надя шагает в просториую прихожую и иеожиданно для себя касается пальцем рукава халата.

— Прелесть какая!..

— Н-иу-у! Последний стон! Отец оттуда привез.— Люда неопределенно машет рукой.— А ты очеиь кстатн. Нам человека не хватает. Раздевайся, пойдем. Втроем будет намного интереснее!

Нncего ие поинмая, ио ие решаясь спроснть, Надя снимает пальто, расстегивает «молнии» на сапогах и снизу вверх поглядывает на Люду, смущенио улыбается. Та молча ждет и тоже улыбается одиимн губами. Накоиец Надя распрямляется. В секцин для обуви поблескивают тетины тапочки с загнутымн иосами, Надя лишь скользнула по ним глазами, а Люда уже подталкивает ее в комнату...

Прежде чем войти, Надя задерживается у порога, слегка иаклоняется за косяк, будто заглядывая только на минутку. Это дядни кабннет — большая комиата с широким окном. Возле окна блестит полированной столешницей двухтумбовый письмеиный стол, на ием стоит только телефон. Вплотную к столу придвннуто красивое и, навериое, очень удобное кресло. Его гнутые деревянная спинка и подлокотиики отливают спелой вишней. На стеие висит довольио большая картина: пушистый кот, игриво завалившись иа бок, пытается зацепить лапой клубок ораижевых ииток. Картина завораживает, и Наде каждый раз хочется посмотреть иа иее подольше, чтобы уловить какую-то всегда ускользающую от нее мысль, ио рассматривать долго и сейчас неудобно.

— Здрасьте, дядя Жора! — Оиа улыбается, ио кожа иа лнце будто затвердела, и она с сильной внутренней неловкостью чувствует каждый ее изгнб, каждую клеточку. И так, замерев, смотрит на дядю, боясь сделать какое-лнбо следующее движение. А он со звоном шмякает иа журнальный столик перед собой какой-то мешочек и широко разводнт руки в стороиы:

— Ба-а! Сколько лет!

Дядя тоже в халате, только коричневом. Расставив голые ногн с крепкими икрами, он вольно утопает в

мягком кресле. Напротнв, через столнк, стонт такое же кресло — Людмно. А на столике лежнт иепонятная таблица, оттисиутая на белом целлофаие. Несколько кругов-эллипсов, один в одном, уменьшаясь к центру, разбиты радиальиымн чертами на секторы, и в каждой клетке — цифры: черные нлн красные. Нижнюю половииу первого, самого большого эллнпса образует шнрокая яркая дуга — слева черная, справа красная, а на верхней половиие, поделенной чертой пополам, иапнсаио — «четиая», «иечетная». В квадратнках по бокам этого эллипса нарисованы жирные черные «ноли». На цифрах по таблнце там и сям лежит по одному-два желтых илн синих квадратика. На правом «ноле», с дядииой стороны, желтые квадратики ребрятся столбиком. Возле таблнцы стоит квадратный ящичек из ярко-голубой пластмассы. Середииа ящнчка выдавлена наподобие глубокого блюда. Блюдо это напомнпает и часы: в цеитре его играет никелем похожее на стрелкн металлическое перекрестие, а по дну идет круг цифр, тоже черных и красных, вперемежку, как на таблице.

Смущенная дядниым «сколько лет», Надя хочет выдать Ленкино «семинары, сессии, стройотряды», чтобы одиим махом оправдать пропажу на полтора года, но дядя, вндио, уж н забыл свой возглас. Он прнзывно машет кистью руки.

— Садись, садись! Сейчас мы тебя будем прнобщать!

Люда приносит стул, н Надя садится, спрятав скрещенные ступни поглубже под сиденье, сцепив иа коленях руки. Люда устраивается в своем кресле с ногамн, безжалостно смяв халат. Перегнувшись через валик и достав с пола мешочек, который звякиул так же, как у дяди, она говорит:

— А мы с отцом пообедали н решили устроить малеикое Моите-Карло.— Она показывает рукой на журиальный столнк с таблицей и голубым ящичком. Надя вопросительио вскидывает брови:

— Как это?

— Н-ну-у! — Люда смотрит на нее с наигранной укорнзной.— Про Монте-Карло не слышала?!

Надя отрнцательно качает головой. Она и в самом деле не слышала про это «монтекарло», н ей становится иеловко, как будто ее улнчилн в чем-то нехорошем. А Люда говорнт:

— Ну как же? Там же Федор Михайлович Достоевский в пух проигрывался! Тебе-то, филологу...

Надя чувствует, что краснеет. Она любит Достоевского. Его «Подростка» перечитывала несколько раз и каждый раз над книжкой плакала.

Опустив глаза, Надя говорит:

— Так это город... Но он там вроде не бывал. Что-то я не читала про это нигде... Баден, может?

— Да-а? — На лице у Люды удивление.

— Милые мои, а не пора ли нам к нашим баранам? — говорит решительно дядя и неожиданно подмигивает Наде, как бы призывая ее в союзники, и показывает глазами на таблицу.— Сидим вот с дочурой и на этом детском варианте пытаемся представить, как проводят свободное время гнилые господа капиталисты. Да что-то скучновато вдвоем...

— А Эльвира Борисовна где?

— В Карпатах! В маленьком уютном домике.— Дядя улыбается.— Захотелось, видишь ли, Эльвире Борисовне в Карпаты... Ну к делу? Люда, объясни сестре принцип игры...

Люда как-то странно, не то удивленно, не то осуждающе, смотрит на отца, и Наде становится опять неловко и хочется уйти. Но Люда принимается быстро, с удовольствием описывать правила рулетки: могущество «зеро» (ноля), ставя на которое десять копеек, можно выиграть два с полтиной, более скромное значение «красного» и «черного», дающих только двойной выигрыш...

Надя не может сразу все запомнить, но все же почему-то отмечает про себя, что если и решаться на игру, то лучше всего ставить на второй круг: здесь сколько ставишь, столько и проигрываешь. На всякий случай она говорит:

— Вы играйте, а я посмотрю сперва, поучусь...

— Ну что тут учиться?! — Люда снова смотрит недовольно.— В процессе освоишь! А впрочем, как хочешь... Пап, я банкую!

Вывернув руку, она с силой крутит никелированное перекрестие, и донышко голубой чаши стремительно вращается, цифры на нем сливаются в радужный круг, а по бокам чаши энергично прыгает, тоже вращаясь, маленький блестящий шарик. Надя как завороженная не может оторвать от него глаз. Люда и дядя тоже напряженно наблюдают за его полетом.

Шарик летает все медленней, медленней. Наконец понемножку останавливается, и шарик замирает в одной из выемок с цифрой «семь», Люда хлопает в ладоши.

— Плакало твое «зеро»! Гони фишки, па! — Она смахивает к себе желтый столбик с дядиного «ноля», быстро пересчитывает.— Восемь! С вас двадцать рубчиков, сэр! — Она галантно кланяется отцу. Дядя вскидывает подбородок, прикрывает глаза, мол, что поделаешь? И, запустив руку в мешок, вытаскивает горсть гривенников. Пересчитывает, складывая перед собой, достает еще, потом еще, наконец демонстративно опускает в кучу серебра последнюю монету и начинает горстями «сливать» звонкие струйки в Людин мешок. На все это действо Надя смотрит с удивлением и страхом.

— Ну вот и все! Что тут непонятного? — говорит Люда.— Усекла?

Надя пожимает плечами. Звон монет и этот удивленный страх, не совсем и на страх-то похожий, подействовали на нее гипнотически. Она и верит и не верит, что это она тут сидит и все это видит. Все это как в кино.

— Ну так что, будешь? — спрашивает Люда.

И она вдруг решает: была не была! А вдруг повезет? Тогда все — они с Ленкой живут! А если... Мысль такая неприятная, что сосет где-то под ложечкой. Но она отгоняет ее, успокаивая себя: а если все-таки выигрыш?

— Попробовать можно,— говорит она.— Только у меня денег-то с собой...— Она мнется и тут же, чтобы сгладить неловкость, смешно, страдальчески шмыгает.— С гульким нос...

— Ерунда! Сколько есть! — решительно говорит Люда.— Держи! — Она подает Наде десяток круглых красных фишек.— Это будут твои. Каждая — десять копеек. Ставьте!

Надя кладет свой красный кружок на второй эллипс, прямо на цифры «1—18». Люда опять сильно крутит перекрестие, и они, все трое, впиваются глазами в мечущийся по рулетке шарик. Он опять все замедляет и замедляет бег и останавливается на цифре «12».

— Ну вот, сразу и повезло! — Люда протягивает Наде свою синюю фишку. Это так неожиданно и так приятно, что Наде хочется захлопать в ладоши, но

она сдерживается, и лишь довольная улыбка растягивает ее губы, и справиться с ней нет сил! Она еще раз ставит на то же место красную фишку и снова выигрывает. Потом еще раз. Дядя говорит, улыбаясь:

— Фартит! А как в любви? — Он смотрит на нее в упор, и в улыбке его что-то такое, отчего Надя краснеет, но она так рада выигрышу, что невольно смеется:

— Нормально!

— Тогда порядок! — подытоживает дядя.— Дочура вот тоже не жалуется. А нам, старикам, и в игре не всякий раз. А в любви...— Он поднимает глаза к потолку.

— Хватит вам про ерунду! Ставьте! — В глазах у Люды — нетерпение.

Все опять ставят на таблицу свои фишки. Надя кладет две на прежнее место: оно кажется ей самым счастливым. И точно: снова выигрыш! Это уже кое-что. «В кармане семьдесят пять да пять этих...— подсчитывает она про себя.— Вот бы Ленку сюда!» Она чуть не говорит последние слова вслух. Внутри у нее все так и дрожит. Поверив в счастье, она решительно ставит на «свой круг» — она так и говорит: «Я опять на свой!» — сразу три красных кружочка. Люда со всегдашним сильным вывертом стрижет пальцами по перекрестью, и Надя с замершим сердцем впивается взглядом в шарик. Он, кажется, вот-вот выпрыгнет из голубой чаши, и ей почему-то хочется даже, чтобы он выпрыгнул, хочется устремиться за ним, блестящей точкой, куда-нибудь под стол, как за мячиком в детстве. А он все замедляет и замедляет свои неровные скачущие круги, вот уж стучит боками по гнездам цифр, вот уж цифры можно различить, почти остановился, но еще — цок-цок! — «31». Люда молча забирает у Нади три своих синих фишки. А дядя выиграл целых шесть синеньких. «Спокойно, спокойно,— приказывает себе Надя.— Это только так, это только в этот раз...»

Она ставит еще две фишки на «свой круг» и опять проигрывает. А дядя, правда, немного, но опять выиграл. Люда достает с пола сигареты и закуривает. Надины руки становятся влажными. В уголок рта Люда с силой выдувает струю дыма и приказывает ставить. Надя торопливо кладет два кружочка на «красное» и два — на «свой круг». Шарик в этот раз

кружнтся, кажется, бесконечно. Но вот почтн остановнлся, н Надя крнчит:

— Четырнадцать! — И хлопает в ладоши. А шарнк вдруг опять передвнгается дальше, н Люда холодно говорнт:

— Не четырнадцать, а двадцать пять. Черное. Надо лучше смотреть.

Надя низко склоняется над рулеткой н так напряженно рассматривает цнфры рядом с шарнком, будто хочет передвннуть его взглядом обратно на ту, почудившуюся ей красную, но — он лежнт на «25». Надя откндывается к спннке стула.

— Продуваться начинаю,— говорнт она и чувствует: голос охрнп. Дядя улыбается весело н ободряюще кнвает:

— Ну-ну! Ничего... Фортуна — дама капрнзная, но ты не унывай. Она же на всех одна! Надо только ждать, быть терпелнвым. Но...— Он поднимает вверх указательный палец.— Не бездумным! А главное: учись рисковать. Кто не рискует, тот не вынгрывает.

Смысл дядных слов не доходнт до Надн, она лнхорадочно прнкндывает, куда ей поставнть, чтобы начать отыгрывать свон красные кружочкн, которые лежат перед Людой. Ей хочется даже забрать нх просто так, не нграя больше... Рука ее подрагнвает, а губы хочется скривнть, но она, сдержнвая себя, хмурится, делает внд, что напряженно думает.

Дядя вдруг предлагает:

— Давайте, девочкн, кофейку выпьем?

У Нади прн упомннании о кофе начннает снльно сосать под ложечкой, н ощущение это снльно похоже на чувство только что нспытанного азарта. Люда резко отмахнвается.

— Брось ты, па! Ну его к черту!

— Нет-нет, прнготовь, пожалуйста! Я тебя очень прошу.

Фыркнув, Люда уходнт на кухню. Дядя задумчнво смотрнт ей вслед, некоторое время молчнт, опустив голову н вращая большнмн пальцамн сцепленных рук. Наконец спрашивает:

— Ну как там мама?

Внутреннее напряженне так сильно, что Надя не знает, что говорить. Она коротко взглядывает на него и тут же опускает глаза, поправляет юбку. Дядя тороплнво уточняет:

— Твоя мама... Сестра!

— Да ничего, бьется помаленьку. Болеет только... С желудком у нее что-то.— Надя боится подиять глаза.

— Что ж не лечит?

— Да, говорит, иекогда все. То то, то это... Летом то дрова, то сено. А зимой, сами зиаете...— Надя запиулась, подумав вдруг, что дядя, иаверное, и забыл совсем, как там зимой, в деревне. А ои говорит задумчиво:

— Да-а, в деревне так... То то, то это... Это у нас тут время иногда выдается. Но... тоже...— И вдруг крепко сжимает, почти смииает пальцами мягкий подлокотник кресла.— Надежда! — Дядя Егор смотрит на нее в упор: — Поиимаешь ли, сейчас ты, как ниточка, пос... мотри-ка, что она сотворила! — Ои улыбается, указывая взглядом за ее спииу.

В дверях стоит Люда с подиосом. На нем — три маленькие чашечки. Из медной, чекаиеииой по бокам джезвы вьется тоикая струйка пара. Люда ставит подиос иа столик рядом с рулеткой, разливает кофе по чашечкам. Терпкий запах щекочет в иоздрях. Надя опускает голову. «Ниточка, ниточка, ниточка... при чем здесь?» — Оиа смотрит, как дядя и Люда берут чашечки, берет и свою, делает глоточек, учтиво роияет:

— Вкусно как...

— Пей, пей! — говорит добродушио дядя. После каждого глотка ои ставит свою чашечку иа широкую ладонь.— Такой ие везде попробуешь.

— Господа! Не рассиживаться! Нас ждет рулетка! — Люда уже выпила кофе и смотрит на них, подияв подиос, ждет, когда оии с дядей отдадут ей чашки. Потом ставит подиос иа стол, заносит руку иад перекрестьем, указывает взглядом на таблицу.

У Нади осталось всего четыре фишки, и она бегает глазами по таблице, прикидывая, куда бы поставить теперь?

— Ну? — говорит Люда.

И вдруг Надя кладет все четыре иа «черное». Тут же опять протягивает руку, чтобы забрать обратио хотя бы две, ио Люда строго говорит:

— Ставка делается только одии раз!

Резко, как от горячей плиты, Надя отдергивает руку. Дядя опять ставит столбик на «иоль». Люда крутит ручку. Надя закрывает глаза. «Хоть бы черное, хоть бы чериое, господи, хоть бы чериое...» — повто-

ряет она про себя под звонкий бег невидимого шарика. Он звенит все тише, тише. Вот его и не слышно.

— Вы в ауте, Людмила Георгиевна. С вас... Сейчас, сейчас!

Надя открывает глаза.

Дядя пересчитывает фишки на ладони. Поднимает сжатый кулак и потрясает им.

— Пятнадцать жетонов! — Не размыкая растянутых в широченную улыбку губ, торжествующе хохочет, с хрипотцой растягивая заключительное «хм-м».— Тридцать семь пятьдесят! У вас, Людмила Георгиевна, синенькие еще есть? Да откуда им взяться?! Передавайте банк! И сразу прошу расчет!

У Нади кружится голова. Люда хмуро вытряхивает из своего мешка на стол кучу серебра и долго отсчитывает гривенники, перекладывая их горстями на дядин край стола.

— Можешь не проверять! — наконец говорит она.— Я не люблю оставаться в долгу! А с вас...— Она взглядывает на Надю, потом быстро прыгает пальцем по красным кружочкам перед собой.— С вас, мадам, рубль шестьдесят! Прошу расчет!

Надя откидывается к спинке стула и, не мигая, смотрит на красные кружочки. Становится все безразлично. Дядя хочет что-то сказать, но, мельком взглянув на Люду, начинает демонстративно отодвигать от лежащей перед ним кучи монету за монетой.

— Ты-то, может, долгов и не любишь, да денежки счет любят,— шутливо говорит он. Люда вскидывает голову.

— Обижаете, сэр!

Надя поднимается и, как во сне, идет за своей мелочью. В коридоре она достает из кармана пальто деньги, смотрит на них и чуть не плачет. И вдруг ее охватывает ужас. «Господи, сколько она сказала?! Рубль шестьдесят?! А у меня-то...» — Она краснеет и быстро сует руку в рукав пальто, стоит секунду без движения и поспешно выдергивает руку, вешает пальто на место. В кабинет она входит со сжатыми кулаками: в одном — семьдесят копеек, в другом — пять, на метро. Дядя и Люда сидят, опустив головы, но тут же вскидывают на нее глаза. Она садится на стул, поджав ноги, высыпает перед Людой мелочь.

— Больше нет... Я говорила...

Люда наклоняет голову и медленно, словно заду-

мавшись, начинает сдвигать пальцем в пригоршню, прислоненную к столу, одну монету за другой. И все так же, не поднимая глаз, высыпает деньги в мешок.

Телефон на письменном столе звонит так неожиданно и громко, что Надя вздрагивает. Люда с любопытством вскидывает голову. Дядя быстро встает, оттолкнув ногами кресло, решительно берет трубку.

— Слушаю!.. А-а, это ты. Добрый день...— Он расслабляется, свободной рукой берется за гнутую спинку кресла, отодвигает его и садится, откинувшись, глядит в окно.— Да... Нет, вдвоем с дочкой...— Надя сжимается, будто на нее замахнулись. А дядя продолжает: — Какое?.. А-а, слышал, слышал. Мне кто-то говорил... Я? Никак... Да потому что меня это не интересует... Ну и что?.. В чем?.. Зря рассчитывал! Времена изменились, ты, надеюсь, это понимаешь?.. Никаких «но»... Думай так, как тебе удобней. Бывай!

Дядя кладет трубку и переходит к столику.

— Кто это? — спрашивает Люда.

Дядя пренебрежительно кривит губы.

— Так, старый знакомый... Из тех, кто не умеет ждать... Болван! — Дядя берет мешок, подкидывает его на ладони, будто взвешивая: — Ну-с, можно банковать? Прошу обозначить ставки! — Он смотрит на Надю.— А ты? Ах, да!..— Он запускает руку в мешок и высыпает перед Надей горсть монет.— Выиграешь, отдашь! — И, не дожидаясь ответа, берется за перекрестие. Надя робко, словно поправляя монеты, отодвигает от себя деньги.

— Я...

Опять звонит телефон...

— Ч-черт! — с раздражением говорит дядя. Однако встает так же быстро, как и перед этим. Он берет трубку. Голос его спокоен, уверен, громок.

— Слушаю! — И тут же повторяет изменившимся тоном, быстрее: — Слушаю! Да-да! — И Надя видит, как напряглась его спина, а свободная рука, сжатая в кулак, ложится на поясницу.— Игорю Марковичу? Да-да, могу. Займусь в понедельник... Да-да, сразу же, как только приду на работу... Сколько?.. Хорошо-хорошо... Да-да, я все понял... Всего доброго...

Дядя стоит некоторое время, оперевшись на стол обеими руками, и глядит в окно, затем возвращается к журнальному столику, грузно садится в кресло, кладет на колени мешочек, но смотрит отрешенно,

куда-то в себя. Очнувшись, ои поднимает глаза на Надю и спрашивает так, словно думал только об этом:

— Ты, Надеиька, как будто не в себе? Что-то случилось?

— Да иет, дядь Жора, у меия...— Оиа чуть запииается.— Все ладом...

Дядя секуиду внимательио, будто впервые видя, смотрит иа дочь, потом закусывает верхнюю губу так, что иижняя сильно оттопыривается, а подбородок морщится, высоко подиимает голову, прищуривает глаза; взгляд его тумаиится, ои шумио вздыхает и повторяет протяжно:

— Ла-до-ом... Наше словечко... Сибирское...

— Не только! — говорит Люда. Но дядя вяло машет рукой:

— Сколько же я там ие был? Двадцать?.. Или больше?.. Н-ида-а-с, летит время... Мчит! — Это «мчит» он цедил сквозь зубы. Проводит рукой по лицу, будто смывая что-то.— Ты ведь, Надеиька, иаверное, знаешь, я даже иа похороиы матери не смог поехать... Был, понимаешь, был занят так, что...

Надя быстро, будто перед ударом, иагибает голову, но тут же коротко, исподлобья взглядывает на иего. Он ловит этот ее вороватый взгляд.

— Как там могилка, ты ие в курсе?

— Это мама...

Надя поднимается так стремительио, будто внутри у нее распрямилась пружина. Стул чуть не падает, но она успевает схватить его за спинику.

— Пойду я... Пора... Меия подруга ждет...

Люда взглядывает на отца и говорит Наде почти с вызовом:

— Оставайся! Поиграем еще! Можио же в конце концов и просто так, без денег!

— Нет-иет! — Надя боком отступает к двери. И повторяет зачем-то: — Меия подруга ждет...

Дядя встает, двинув ногами кресло так же решительио, как к телефону, смотрит проиэительно прямо в глаза, лицо почти бесстрастно, лишь губы чуть-чуть тянет непонятная, то ли едкая, то ли скорбная, усмешка ли, улыбка ли...

— Надежда! Может, иадо чего-то? Может, деиег возьмешь? М-м?

Надя густо красиеет, трясет головой.

— Нет-иет! Что вы?! Ничего ие иужно! — И добавляет едва слышио: — До свидаиия...

Дядя молча чуть склоияется вперед, то ли чтобы уловить шелест ее губ, то ли чтобы сиова сесть в кресло — кажется, чтобы сесть...

Надя выскакивает из кабииета в коридор.

Вслед за ией выходит Люда. Надя уже в пальто. И Люда, иатяиуто улыбаясь, щелкает замком, распахивает дверь.

Быстро, почти бегом, Надя проходит по широкой площадке к лифту, иажимает киопку вызова. Виизу звоико, раскатисто щелкает пастуший бич, и лифт, ровио гудя, идет вверх, к ней. Едва двери его распахиваются, оиа опрометью вбегает в кабину, иажимает киопку хода и с маху тыкается в угол, спрятав лицо в ладоии.

Темиеет. Ветер бросает в лицо колючий сиег. И оиа ниже иаклоияет голову, крепче прижимает к груди четвертушку чериого хлеба, который только что купила в булочной иа последиий пятак. Она так с ним и ушла. И по дороге, в автобусе, ие переставала корить себя за то, что ие выложила его перед Людой вместе с остальиой мелочью: пусть бы подавилась! И как было бы сладко еще сказать: «Бери, бери последиий!..» Хорошо, что ие было коитролеров...

Скрипит под каблуками сиег, и очеиь хочется откусить от четвертушки, ио оиа терпит: в комиате, с Леикой...

Вот и корпус. Желтеют заиидевевшие окиа холла и еще иесколько окои иа разиых этажах. В остальиых темио. На втором тоже.

Надя ие успевает придержать входиую дверь, и оиа, спружииив, громко хлопает. Ну все, сейчас опять получит выговор от тети Клавы.

За вахтерским столом иикого иет. И оиа перебирает иесколько затертых писем и почтовых переводов в ячейке иа свою букву, потом — иа Леикииу, хотя и так ясио, что почты ие было.

В коридоре иа втором этаже так темио, что ои еще больше похож иа тоииель. Даже по запаху. На ощупь, по стеике, она пробирается к своей комиате. Вдруг сердце тоскливо сжимается: а если Леики еще иет? Ключ у иее... Но сквозь щель в притворе пробивается свет: дома! Она толкает дверь и устало прислоияется

к косяку. Ленка спала, но тут же вскакивает, точно из кровати ее выбрасывает катапульта.

— Наконец-то! — И, подлетев к Наде, сразу отщипывает от четвертушки корочку, жует.

— Подожди ты! — недовольно говорит Надя.— Давай хоть кипятку согреем.

— Мочи нету! — Ленка морщится.— Знакомство не состоялось. Поцеловала ручку двери и — привет родичам! А у тебя как?

Надя молчит, раздевается и достает из шкафа закопченный алюминиевый чайник. Лена тоже замолкает, наблюдает за ней.

Снова ощупью и все так же молчком они пробираются к кухонной двери и, едва распахивают ее, понимают: на плите варится картошка. От кастрюльки, освещенной снизу голубой астрой горящего газа, идет одуряюще вкусный дух. Ленка стонет:

— Чья это?

— Не наша...

— Ладно, черт с ней! Хорошо, что хоть стоит, а то бы и чайник не смогли поставить. Спичек-то нет...

Лена включает на кухне свет, отрывает от мятой газеты клочок и, запалив его от горящей конфорки, зажигает другую, ставит чайник. Надя забирается на широкий подоконник прямо с ногами и, привалившись спиной к косяку, смотрит на редкие прямоугольники светящихся окон противоположного корпуса. Лена точно так же садится напротив, охватывает колени руками.

— Ну, рассказывай!

Надя долго молчит и смотрит в окно. Потом переводит взгляд на Лену.

— Ты же помнишь, как мы на первом курсе были,— говорит она.— Я же его тогда совсем-совсем другим представляла! Если бы не он, я бы теперь не знаю что. Я бы, наверно, сюда никогда не поехала. Он же был как маяк. Мама мне, когда я еще маленькая была, сколько про него рассказывала...

Она говорит все быстрей и быстрей. Говорит про мальчишку с синяками на коленях, про чебаков, про желтый чемодан, про бабу Грушу, про трехрублевку... Говорит и захлебывается словами...

— Не в том дело, что не покормили, совсем не в том! Это ерунда, это бог с ним! Но ты понимаешь что, понимаешь что?! Это же пропасть ведь! Пропасть,

пропасть! В нее лететь и лететь — и до дна не достанешь! А я ие видела, до сих пор не видела! Ничегошеньки не видела! И только сегодня, боже мой!.. Ты, говорит, ниточка, и тут же — другой!..

Она трясет головой, и волосы веером летают вокруг лица. На щеках блестят слезы. Леиа смотрит иа нее во все глаза и вдруг кричит:

— Перестаиь, перестань, перестань! Слышишь?! Перестань! Хватит! Перестань! Да перестаиь же, я тебя прошу! А то я щас сама разревусь! — Оиа иадувает губы, и в глазах у нее появляются слезы. Она наклоияет голову, потом вскидывает ее и смотрит на Надю так пронзительно, будто хочет заглянуть внутрь: — Ты прости меня, ладно?!

Надя изо всех сил старается выдержать этот Лении взгляд, ио слезы застилают глаза, мешают, она вытирает их сразу обеими руками и шепчет:

— Ты-то тут при чем?

Слышио, как шипит газ в конфорках, побулькивает в кастрюле картошка и тихоиько сипит, закипая, чайник.

Дверь вдруг резко растворяется, и в кухню входит тетя Клава. Она смотрит на них так, будто все про них знает, и качает головой.

— Ох, девки вы, девки! — говорит она.— Драть вас некому и мне некогда! — И сразу без перехода.— На первом этаже плита забарахлила. Мне еще наверх иадо. А вы слейте с картошки воду да отиесите на мой стол. Посидите там на вахте, посмотрите, чтобы кто чужой не зашел.

Леиа, пряча покрасневшие глаза, отворачивается к окиу, бурчит:

— Мы, между прочим, не обязаны.

Тетя Клава незлобиво передразнивает ее:

— Между про-очим... А поесть-то, между прочим, хочешь, поди? Вот и делай, что велят. Да чайиик-то свой захватите тоже, пригодится после картошки. А я щас спущусь к вам.

Она уходит, шаркая в темноте валенками, ворчит:

— Ведь звоиила же днем электрикам...

Оии спускаются на первый этаж с кастрюлей и чайником. Надя остается за столом, а Лена убегает в комиату за хлебом. Возвращаясь, она вырывает из подшивки газету и расстилает ее иа столе, кладет хлеб, ставит кастрюльку с картошкой.

Возвращается тетя Клава, смотрит на газету и осуждающе качает головой, но ничего не говорит, а отодвигает в сторону их четвертушку, достает из тумбочки свою полубуханку.

— Режьте! А этот вам завтра пригодится.

Обжигаясь, перебрасывая картошку с руки на руку, они уплетают ее, горячую, с парком, и картошка эта кажется им самым вкусным из всего, что они пробовали за свою жизнь. Тетя Клава ест не торопясь и рассказывает им, что младший ее, Володька, девятиклассник, был два дня назад на дне рождения у знакомой девчонки; стояли на балконе, он хвалился, что пойдет служить в десантные войска, а эта лахудра возьми и брякни ему, мол, какой из тебя десантник, отсюда, со второго этажа, и то спрыгнуть не сможешь, он, не того слова, сиганул да ногу-то и сломал...

— Дура ненормальная! — говорит Ленка.

— Вот именно, что ненормальная,— подтверждает тетя Клава.— А мне, как назло, сегодня в сутки. Он там в гипсе, а я... Вся душа изболелась. Отец, он и есть отец, спит, а ему и воды подать некому. В больнице-то не остался...

Надя уже любит эту женщину, ей жаль ее, она предлагает:

— Теть Клав, а вы идите к нему! Мы за вас посидим!

Вахтерша качает головой.

— Нет, девочки... А вдруг проверка?

Она замолкает и горестно смотрит в узоры на морозном стекле.

Там, за этими узорами, темная, холодная ночь. И всем троим хочется, чтобы она побыстрее кончилась и наступило утро, а за ним — ясный день.

ДЯДЬКА СЕЛЕМА

Я не знал, сколько мне лет. Мне было все равно сколько. Я жил, и мне было хорошо. Не болела бы ножка, было бы еще лучше. Вот и все...

Больше всего на свете я любил молоко. Мама уходила за ним в погреб. А я садился на лавку в передний угол, ставил локти на стол, на клеенку с полустертыми цветами, по которым ползали мухи, клал подбородок на руки и смотрел на дверь. «Вот сейчас дверь откроется, и мама принесет молоко. Вот сей-

час,— думал я иетерпеливо.— Вот сейчас!..» Дверь сделаиа из двух широких плах и потемнела от времеии, ковaииая в кузиице ручка ее вбита поперек в кромку левой плахи, а иад ручкой — большой крючок, похожий иа утииую голову; по бокам и сверху двери, к косякам, в самом притворе, прибиты туго связанные пучки камыша — это чтобы зимой было иехолодно.

Мие иадоело смотреть иа дверь, и я ловил мух. Старался быстро, как делал отец, махиуть ладошкой по клеенке и зажать муху в кулаке. Потом иес кулак к уху, слушал: пусто или густо?

Неожидаиио и громко скрипела дверь. Я радостно подпрыгивал на лавке и тут же морщился, хватался за колеио, где стаиовилось горячо от боли.

— Тихонько ты! Не прыгай. Сам себя бередишь,— говорила мама и тоже морщилась.

Я спрашивал:

— А ты че морщисся? Тебе тоже больио?

— Тоже,— отвечала мама и долго жалостливо смотрела иа меия, потом спохватывалась, иаливала в стакаи молока из криики, по бокам которой, как слезы, медленно катились капельки влаги.

— Че криика мокрая? Оиа ревет?

— Отпотела, вот и ревет... Пей! Только ие шибко. Глотки поменьше делай. Глотиешь и отдохии. А то горло заболит. Молоко из погреба да квас — вот и простуда в самый раз.

Я ие боялся простыть и медлеиио, ие отрываясь, цедил молоко сквозь зубы, делая малеиькие-маленькие глотки, чтобы иадольше хватило. Держал стакаи обеими руками и то следил, как молоко в ием медлеиио убывает по стеикам, то скашивал глаза в окио, в открытую створку, в стекле которой весело играло солиышко. Вдруг иа высокий дощатый забор ограды шумио взлетал иаш рыжий большой петух. Ои хлопал крыльями; я ставил стакаи иа стол; ои вытягивал шею, иаклоняясь вперед; я замирал и тоже вытягивал шею; ои вскидывал голову и громко орал «ку-ка-реку!»; я быстро, как мог, соскальзывал с лавки и устремлялся во двор, чтобы запустить в иего щепкой.

— Осторожио, ие упади, сыиок! — говорила мама, и опять возле глаз ее пролегали сеточки морщии, у рта появлялись глубокие складки.

— Не упаду! — отвечал я ей и, поджав одну иогу, прыгал иа второй к порогу.

Мать смотрела мне вслед, и глаза ее блестели. Когда я оглядывался, чтобы махнуть ей рукой, она торопливо отнимала от лица запон и оглаживала его на животе руками, расправляла складки, которых на фартуке вовсе не было.

Я слезал по ступенькам крыльца, брал в руки щепку — их много валялось на ограде после плотницких дел отца — и спешил на четвереньках к заплоту, где по моим расчетам сидел петух. Поднимал голову и замахивался: ох ты, варнак! Петух громко сзывал куриц к зернышку уже по другую сторону забора.

Горевал я в таких случаях недолго — попадись мне петух вдругорядь! — и прыгал к густому конотопу, мягким ковром устилавшему часть ограды, валялся на пушистой зелени, а потом лакомился «калачиками», по одному отправляя в рот мелкие, светлые, с ямкой посередке плоды-кругляшки. Когда «подножный корм» — так называл калачики папка — надоедал, я перебирался к стене дома, на горячую от солнца мягкую землю. Отец весной рассыпал завалину, и мне глянулось рыться в этой пушистой пыли. Курицы тоже любили это место. Они купались тут: ворочались с боку на бок, пурхали крыльями, земля брызгала из-под них, и они из белых делались серыми. После куриного купания на земле оставались лунки. В одну из них мостился я.

Здесь, подле стены, было интересно. Тут был мой табун! Он копошился, двигался, ползал. Красные длинненькие жужелицы с круглыми точками на спине медленно ползли, огибая камешки, они собирались кучками на нижнем бревне стены, они ходили в одиночку и парами, сцепившись друг с другом. Я собирал стеколки, палочки и делал пригон. Жучки превращались в коров и жили в пригоне. Потом и это мне надоедало. Тогда я вспоминал о дядьке Селёме...

И мама, и папка зовут его Фоломой. Чужие дядьки и тетки, когда приносят ему подшивать валенки,— Варфоломеем Петровичем. А мне больше глянется звать его так: дядька Селёма. Глянется, и все! Я пробовал один раз назвать его дядькой Фоломой, а у меня все одно вышло — дядька Селёма. Он живет через два дома на другой стороне улицы. С пригорка от нашего палисадника я вижу двери его сеней и по ним определяю, дома дядька или нет. Если открыты — дома, закрыты — нет. Он почти всегда дома. Мне нра-

вится, что он всегда дома. Я хватаюсь за штакетник палисадника, встаю в рост, вытягиваю шею, вижу открытую дверь сеней, сердце мое при этом радостно ёкает, я быстро опускаюсь на «три кости» — это дядька так говорит — и спешу через улицу.

На дороге полнехонько песку. Песок горячий, и я зарываю в него руки. Ложусь на брюхо и засыпаю сперва одну руку до плеча, потом стараюсь засунуть в песок другую, но у меня не получается. Я сержусь, стряхиваю песок и бросаю его ладошками вверх. Подымается пыль. Песок попадает в глаза, я перестаю его бросать. Пыль потихоньку оседает. Я беру землю в кулак и сыплю ее на руку, светлая земля струится по руке с двух сторон, белые песчинки застревают в волосиках, волосики колышутся. Руке щекотно, я улыбаюсь.

— Эй, Колька! Берегись! Зашибу!

Я пугаюсь, оглядываюсь: на меня бегут лошади, между ними виднеются голова и плечи Витьки Семина, нашего соседа, он везет на бричке с колодой зерно с тока и правит к амбару за клубом. Витька натягивает вожжи, конец дышла подается между хомутами вперед, к лошадиным мордам, кони переходят на шаг. Я прыгаю на обочину дороги, оборачиваюсь и кричу:

— Витька, прокати!

Он улыбается и отвечает:

— Щас некогда, Колька. Тороплюся! На обратной дороге, может...

Я смотрю вслед колоде, доверху наполненной зерном, и завидую Витьке: вот он большой, едет на лошадях и правит вожжами.

— Н-но-о, радюма-и! — кричит он, передразнивая цыган, и уезжает.

Терпеливо жду я его возвращения, еще издали, завидев, машу рукой: прокати! Витька подъезжает и останавливается.

— Айда к нам, Колька! — кричат мне из пустой колоды ребятишки-одногодки, которых Витька взял возле амбара покататься.

Витька становится строгим и спрашивает у меня:

— А ты разве туто? Я думал, ты ушел уж...

— Туто! Туто! — радостно приподымаюсь я.

— Айда-айда, Колька, быстре! — машут руками ребятишки.

А Витька хмурится и говорит все так же строго:

— Не, робяты. Кольке нельзя. Мать не велела брать. У ево нога болит. Ишшо разбередим в простой-то колоде... Вот разве с зерном когда вертаться будем, тогда...

— Ага, им можно, а мне нельзя! — Слезы катятся у меня из глаз.

— Нельзя, Колька. Никак нельзя. Не на ток мы... Далеко поедем... В бригаду! — Витька говорит вроде строго, а смотрит растерянно. Потом как бы о чем-то догадывается и радостно улыбается: — Давай лучше завтра прокатимся, а? По рукам?

— А ты не обманешь про завтра-та? — спрашиваю я с надеждой.

— Ну-у! Мое слово — закон! Дак по рукам?

— По рукам,— говорю я и смотрю на удаляющуюся колоду, в которой мотаются головы одногодков, поехавших с Витькой в «бригаду».

Тут я сразу, без остановок, иду к дядьке Селёме. Я всегда о нем вспоминал и шел к нему, если мне делалось дома тоскливо, если, как сейчас, меня не брали покататься на лошадях, если здоровые ребятишки, покрутившись иной раз в нашей ограде, удирали потом за речку, играть в войну. Дядька Селёма всегда выручал меня, он всегда был дома, и у него всегда было интересно. И он меня любит...

Воротца его ограды открывались просто: я дергал за сыромятный ремешок, продетый в дырку, брякало железо, воротца сами со скрипом уезжали влево. Я перелазил через доску, заложенную между столбиками, чтобы в низ ворот не убегали курицы, и смотрел на окно. Там, за горшком с кустистым алоэ, сразу появлялась бородатая дядькина голова. Он распахивал створку и говорил:

— Здорово, Кольша! Давно, брат, не видались. Заходи, гостем будешь! Токо воротцы запри, курицы утянутся, не соберем тогда.

Я закрываю воротца и прыгаю в избу.

На широкой лавке, у окна, как всегда, лежат хомуты, уздечки, валенки. Дядька Селёма не ходит в колхоз на «обчие» работы, он работает дома: шьет конскую сбрую, а пимы заказывают деревенские.

Его деревянная нога, как обычно, валяется рядом с опрокинутой на бок табуреткой. На табуретке лежит фуфайка, ему ловко так сидеть и работать. Я тоже

люблю садиться на эту табуретку с мягкой фуфайкой: похоже на куричью лунку.

— Опять отстегнул? — указываю я на самодельный деревянный протез.

— Опять, Кольша. Мешат проклятая! А ты о чем там, на дороге-то, с Витькой баял?

— Покататься просил. Он сказал — завтра.

— А-а, ну тогда ладно.

Я отодвигаю от табуретки дядькину деревяшку, чтобы она не мешала мне забраться на лавку. Притрагиваюсь к ней осторожно. Мне всегда боязно ее брать, все кажется, что она живая...

Как-то я спросил у него:

— Дядька Селёма, а пошто у тебя друга нога деревянна?

Он поглядел на меня и сказал:

— Немцы мне-ка таку сделали...

— А мне они могут сделать таку?

— Не, парничек, тебе, слава осподи, таку уж не сделают...

— А пошто? Мне надо!

— Пошто-пошто... По то! — сказал дядька сердито.— Вот вырастешь большой, тожно узнашь!

Потом погладил меня по голове.

— Я сам тебе излажу. Да не одну ногу, а две!

— А ты разве умеешь ноги делать?

— А как жо? Умею. Излажу, увидишь вот...

Дядька Селёма скатывает дратву. Зацепил светло-зеленую конопляную нить за гвоздь в простенке, один конец нитки держит в зубах, другой трет ладонями, закручивает.

— Давай подержу,— говорю я.

Дядька улыбается и качает головой:

— Два инвалида собрались, ну, работа, держись! На! Только смотри, не отпусти!

Мы долго крутим нитку. Потом дядька складывает обе половинки вместе, слюнит концы и разжимает кулак. Фырь! — скручиваются две нитки в одну. Дядька Селёма берет кожанку с варом и шоркает светло-зеленую рубчатую дратву, она становится черной, блестящей и гладкой.

— Вдень-ко в иголку, помощник. У меня глаза плохие, а у тебя вострые, быстрее получится.— Он подает мне дратву, а сам тянется к деревянной ноге, достает и начинает пристегивать.

— Ты куда?

Дядька хитро улыбается:

— На кудыкину гору, вот куда! — И со стуком припадая на деревяшку, выходит в сени.

Я высовываю язык и стараюсь вдеть дратву в большущую иголку. Ушко у иголки широкое, но острый конец дратвы все равно загибается и никак не хочет в него пролезать. Когда вошел дядька, я даже не оглянулся.

— Ну-ко, племянничек, гляди, что я тебе изладил,— сказал за спиной дядька и стукнул чем-то по полу. Я оборачиваюсь: в руках у него — маленькие костыли.

— Вот тебе две ноги! Помнишь, сулил? Ходи на здоровье... Поминай дядьку Селёму...

В концы костылей вбиты гвозди, по полу они не разъезжаются, зато выскакивают из-под мышек. Я долго не могу с ними справиться, ковыляю по избе, осваиваю дядькины ноги. А он сидит на своей перевернутой табуретке, смотрит на меня и то улыбается, когда я радуюсь удачно сделанному шагу, то отворачивается и трет глаза, будто в них попала соринка.

— Хватит токо! — говорит он наконец.— Сладкого не досыта, горького не до слез. Потом доучишься, а сейчас работать давай. Умеешь пимы-то подшивать?

Я сажусь рядом. Тут дверь скрипит, я оглядываюсь. Держась за косяк, через порог переступает Дуняшка-бомба. Она живет недалеко от нашего дома и все время сидит на лавочке возле своей избушки. Сидит и греет на солнышке толстущие, как бревна, ноги. Мама говорит, что у нее водянка, и я всегда думаю, что же это Дуняшка кожу себе иголкой не проткнет и воду не выпустит? Сразу бы тонкая стала!

Дуняшка перелезает через порог и, отпыхиваясь, переваливаясь, как утка, проходит в передний угол, садится на лавку, показывает на мои костыли:

— Ишь какой дядька-то у тебя умной. Ловко придумал! Мне бы тоже како-нить приспособленье смастерил, ли што ли? Все бы легче ходить-то было. Фу-у-у...

Дядька Селёма смеется:

— Я тебе телегу сделаю! Запрягешь парой, может потянут. Ну чё, за пимами пришла?

— Да думаю, узнать вот надо... Подшил, ли што ли?

— Эко, хватилась! Неделю назад... Я эть передавал тебе через сестру. Не сказывала разве?

Дуняшка засопела.

— Сказывала, сказывала... Скоко за работу-то запросишь?

Дядька молчит, потом говорит...

— Ты же, Дуня, мою цену хорошо знаешь... На полчекушки!

Дуняшка снова сопит. Она сроду так. Дядька скажет про деньги, она сопит.

— Очумел, мужик! Корыстны ли доходы у меня? Токо яйца в сельпо да картошку кому заезжему...

Дядька беззлобно хмыкает:

— Да я, Дуня, твою экономию не хуже тебя знаю. Токо я эть тебя к себе не тяну. К другому иди, кто за дешевше возьмется.

Дуняшка укоризненно качает головой, потом лезет за пазуху.

— Чемер бы тебя взял! Все не нальешься никак. Захлебнешься жо когда-нить заразой этой!

Она достает из-за пазухи мятую белую тряпицу. Уголок тряпицы завязан узлом. Дуняшка тянет за узелок зубами и, развернув его, бережно берет пальцами сложенные квадратиком бумажные деньги, а на ладонь высыпает мелочь. Отсчитав рубли, протягивает дядьке. Потом берет с ладони железные денежки и тоже протягивает. Дядька сидит не шевелясь. Дуняшка бросает денежки на лавку, но одна копейка скатывается и звякается на пол, под лавку. Я лезу туда и нахожу ее. Хочу отдать дядьке, но он говорит:

— Тете Дуне подай, Коля.

Я подаю.

— Што уж тамо,— говорит дядька.— Мелочь не будем считать.

Берет с лавки денежки, подает Дуняшке. И опять сидит какое-то время молча, опустив голову и прижав седую бороду к груди, потом говорит:

— Вот ты, Дуся, все воспитываешь меня... Не нальешься, мол, да захлебнешься. А я те так скажу. Там...— Он хлопает ладонью по деревяшке.— Жив остался. А здесь...— Он обводит рукой передний угол, где сидит Дуняшка и стоит дощатый стол с квадратными ножками, и куть, где на стенке возле большой печи висит шкапчик без дверки с одной полкой, а на полке стоят рядом маленький берестяной туе-

сок с солью и самодельная жестяная кружка — высокая, узкая консервная банка с приклепанной ручкой.— Здесь уж как-нибудь...

Дуняшка берет свои пимы с разрезанными почти до половины голенищами и уходит. Дядька долго провожает ее в окно взглядом. Смотрю и я, как она бредет по улице, неловко переваливается с боку на бок и загребает ногами песок. Дядька говорит непонятно:

— Ох-хо-хонюшки-хо-хо-о...— и принимается подшивать другой пим.

Я люблю смотреть, как он работает. Коротким острым ножом он отрезает кусок голенища от старого пима, прикладывает его к подошве не совсем старого, прокалывает шилом дырку и продевает в нее две иголки с дратвой: одну иголку снаружи — внутрь пима, другую изнутри — наверх подошвы. Изнутри он долго нащупывает дырку концом иголки — темно там, ничего не видно! — и я всегда с нетерпением жду: найдет или не найдет? Он находит, я радуюсь. Так обходит он иголками один круг, потом другой, поменьше, потом делает строчку посреди пришитого к подошве куска. Таким же манером пришивает и каблук. Наконец обрезает ножом неровные края заплат на подошве, каблуке и протягивает готовый пим мне. Я поглаживаю пальцем ровные-преровные строчки, говорю: «Баско!», и мы делаем перекур. Дядька Селёма отрывает клочок газетки, загибает у четвертушки краешек, насыпает в изгиб махорки, сворачивает цигарку и долго слюнявит ее. Дымит. А я обновляю пим: сую в него здоровую ногу и скольжу по полу, держась за лавку. Скольжу и смеюсь. И дядька смеется. Потом кашляет. Кашляет долго-долго. Я знаю, что в грудь ему тоже стреляли немцы и под рубахой у него, возле левого плеча, две ямки: спереди — маленькая, а со спины — большая, неровная, будто клещами вырвано. Я был уверен, что дядька кашляет только из-за этих ямок. Мама говорила — от какой-то чахотки. Я хотел представить эту чахотку и не мог. Вспоминалась лыковая вехотка [1], какой мама терла мне спину в бане. Но как от вехотки можно кашлять? Как она в грудь попадет?

Когда он перестает кашлять, на глазах у него бле-

[1] Мочалка *(сиб.)*.

стят слезы. Он вытирает их кулаком, смешно кривя рот. А я весело дразню его:

— Слезки на колески! Слезки на колески!

Всегда после кашля он протягивает руку к подоконнику, где в большом широкогорлом горшке растет ядреное алоэ, отщипывает листочек, жует и морщится. Спрашивает у меня:

— Хошь попроведать?

— Дай.

Я жую и тоже морщусь.

— Ой, горько как! И зачем ты ешь?

— Пользу, бают, Кольша, дает. Кашель сымат. Вот и ем.

— А-а...

Я научился ходить на костылях. И даже бегать. Бегать худо. Но все равно с костылями лучше, чем без них. Теперь хожу на речку и купаюсь. Речка мелкая, всего до колена, но купаться лучше, чем в Тоболе. До Тобола надо переться через всю деревню, там глубоко, можно утонуть, а тут спустился под горку и купайся сколько влезет. За речкой растут чилиги, густые-густые и высокие-высокие. Наши деревенские ребятишки играют там в войну. Разведчикам в чилигах прятаться хорошо. Хочешь, ложись и жди врагов, хочешь, стой — все равно не видно. Ребятишки берут и меня играть, но всегда говорят, что я буду часовым. Мне очень хочется быть разведчиком, но я терпеливо стою возле чилижного куста, нашего военного склада, и охраняю его. Охранять не страшно: у меня же две винтовки! Хорошо, что дядька Селёма сделал два костыля — в одной винтовке патроны кончатся, из другой буду стрелять. Если у кого-то из ребятишек нет оружия, они просят у меня костыль, и я даю.

В тот день мама с папкой ушли на покос. Мама сказала: «Захочешь есть, иди к Фоломе, он накормит». Я кивнул и пошел за речку играть в войну.

Ребятишки как раз делились на команды. Генка Синицин и Шурка Рыбин, самые старшие, уже учились в школе, были командирами. Они стояли рядом, а ребятишки расходились попарно в разные стороны и шептались. Потом они подходили к Генке с Шуркой и спрашивали: «Шуба или сапог?», или: «Бревно или топор?», или: «Дверь или замок?», или еще что-ни-

будь, и Генка с Шуркой отгадывали. Если Генка говорил: «Шуба!» — шуба отходила налево, к Генке, а сапог — направо, к Шурке. Потом Шурка говорил: «Топор!» — и топор отходил направо, к Шурке, а бревно — налево, к Генке.

Мне пары не хватило. И Генка с Шуркой заспорили, в какой команде я буду играть. Они решили тянуть жребий: у кого окажется длинный прутик, у того я и буду. Генка отломил от чилижины две палочки и отвернулся, чтобы Шурка не видел, как он зажмет в кулаке прутики.

— Эй, возьмите меня! — послышалось с противоположного обрывистого берега речки. Оттуда машет мешком и кричит нам Витька Баранов. Генка с Шуркой не любят его: он тоже учится в школе и тоже всегда хочет быть командиром. А потом Витька драчун, всегда к чему-нибудь прицепится и давай кулаками махать. Но сейчас обоим, раз они командиры, захотелось взять его в свою команду.

— Айда! Айда, Витька! Айда быстрее! Вон с Колькой хромым разделишься. Ему пары не хватило! — закричали они наперебой.

Витька прыгнул прямо под обрыв, проехал на спине и перебрел речку. Мы отходим с ним в сторону, и он говорит шепотом:

— Я буду этот костыль, а ты — этот.

— Ладно,— соглашаюсь я.

Жребий отгадывать выпал Шурке. Он показал на Витькин костыль, я отошел и встал рядом с Генкиной командой.

У всех уже было какое-то оружие: у кого деревянный пистолет, у кого автомат, у кого винтовка. У одного Витьки ничего нет. Он не собирался играть в войну, мать послала его за кобылятником [1] для поросенка, а он увидел нас и решил поиграть.

— Хромой! Дай мне один костыль!

Был бы это кто-нибудь другой, я бы и думать не стал, сразу дал бы, и все. А Витьку я не люблю. Его все не любят. А я особенно. Он редко зовет меня Колькой, почти всегда хромым. Другие ребятишки тоже так говорят, но я не обижаюсь, они говорят так просто, чтобы понятно было, что это я, а не кто-нибудь. А Витька всегда н а з ы в а е т, и мне обидно.

---

[1] Кобылий щавель *(сиб.)*.

Я насупился и сказал:
— Не дам!
— Это пошто?
— Ага, наша команда в наступление пойдет. А я тогда как?
Витька засмеялся ехидно и говорит:
— Ты и без их умеешь. Я видел, как ты через дорогу прыгаешь,— только пыль стоит!
— Ну и что, что умею? А в войнушку не хочу так играть! Вот!
— Да ладно тебе! Будешь тут выкобениваться! В наступленье ему... Возле склада и так постоишь!
Он схватил один костыль и стал вырывать его у меня. Я не отдавал. Тогда он крутанул костыль, руке стало больно, и я отпустил. Мне сделалось душно от злости, и я дал вторым костылем Витьке по ногам. Он ойкнул, сморщился сперва, а потом занаступал на меня и, вытянув голову вперед, заорал:
— Ох ты, гаденыш! Ты на кого руку поднял? На ме-ня-а?!
Я съежился и видел только Витьку и больше никого. Удар пришелся в нос. Я не удержался и упал на спину — ногу, как из ружья, прострелило. Я стиснул зубы и смотрел снизу на Витьку во все глаза. А он наклонился надо мной, занес руку с костылем:
— Ка-а-ак дам! По сопаткам! Голова отскочит! Хромоножка несчастная!..
Сзади на него налетели сразу Генка и Шурка. Они оттолкнули Витьку и встали между ним и мной.
— Озверел, что ли? — сказал ему Генка.— Отдай Кольке костыль! И убирайся отсюда, без тебя поиграем!
— А вот этова не хотели заместо костыля? — Витька показал им кукиш. Генка шагнул к Баранову, но Витька замахнулся костылем:
— Подойди попробуй!
Генка остановился, а Витька повернулся и побежал с костылем, только чилиги затрещали.
Ревел я взахлеб. Хватал воздух, а его было мало. Ребятишки окружили меня и что-то говорили, я не разбирал слов. Ревел долго. И мне очень хотелось быть Ильей Муромцем, про которого мне рассказывал дядька Селёма. Вот был бы им, изрубил бы Витьку мечом на куски. У Ильи Муромца тоже ноги сперва болели, а после он попил живой воды из ковшика

и вылечился, и стал богатырем, и татар мечом рубил. Я вот тоже попью такой воды и стану силачом, и уж тогда держись, Витька! Так я думал и плакал. Потом встал и, опираясь на один костыль, пошел жаловаться дядьке Селёме. Ковылял, ревел, и все было мало воздуха. Когда я хотел вдохнуть его побольше, меня словно судорогой сводило.

Дядька встретил меня у ворот ограды.

— Кто отобрал? — сразу спросил он. Я сказал.

— Ох он, посельшик, туды его мать! Ну я ему щас! Погоди меня тут! — дядька Селёма, изгибаясь назад, зашагал по улице. Деревянная нога его глубоко проваливалась в песок, а он все шагал и шагал.

Не было его долго. Я успел убить Витьку много-много раз, покамест вернулся дядька. Пришел он без костыля.

— Мать говорит, за травой пошел. Ну, ничё, ты не расстраивайся. Сказал матери, пусть костыль вместе с им принесут. А не придет Витька, я все равно его как-нибудь достану. Не реви, не порти глаза, они тебе и мне ишшо пригодятся — дратву в иголку вдевать...

Он накормил меня вареной картошкой в мундирах с огурцами и молоком. Потом мы работали и ждали Витьку. Дядька Селёма шил хомут и рассказывал про настоящих разведчиков. Я слушал и все поглядывал в окно: не идут ли Витька с матерью?

Мама с папкой пришли с покоса поздно вечером. Дядька Селёма рассказал им про все. Папка встал и хотел идти к Витьке домой. Тут пришла его мать и принесла костыль.

Дядька Селёма спросил:

— А сынок твой где?

— Да ить он бросил в поле костыль-то. Пришлось ждать, покуль сбегает да принесет. А в ограду-то с костылем и не зашел больше. Фурнул через прясло, а сам упорол. Кои поры уж, а его все нетука... Да вы не сумлевайтесь, я ишшо даве за уши его надрала. Уши-то в руках у меня чуть не остались,— затараторила Витькина мать.

Дядька Селёма взял костыль, пристукнул им по полу и, глядя в пол, будто прислушиваясь к звуку, сказал:

— Ты бы, Елена, побольше за парнем смотрела.

— Дак когда?! Днем с самого ранья в колхозе! А вечером... То коровешка, то огород, то то, то сё...

— Вот то и есть, што то да сё... А парень от рук отбивается. Я тебе, конешно, не указчик. Но все ж таки прямо скажу: поболе, поболе надо за парнем глядеть!

Прошло много дней. Я уж и забыл про то, как Витька отобрал у меня костыль. Опять играл с ребятишками в войну за речкой в чилигах. И Витька с нами играл.

Вечером как-то к нам пришел дядька Селёма. Мы ели, и он сказал:

— Я сегодня обидчика твово маленько за ухо потрепал, про костыль ему напомнил...

Я рассмеялся радостно. А мама осторожно опустила ложку на стол.

— Ты чё жо это, Фолома, бог с тобой... Кабы он не сирота был, тогда ладно. А так от людей нехорошо.

— Ну вот! Разобъяснять мне будешь! Я с Василием-то в один день уходил... Да ты не думай: я эть токо так, для острастки, чтобы к Кольке больше не приставал. Сказал ему, мол, оба вы судьбой обиженные. А раз живете в одной деревне, вам не ссориться, а друг за друга стоять надо... Вроде понял...

Мама покачала головой с сомнением.

— Да где-ка там, поди. Корыстен ли ум-от...

Не знаю, сколько времени так прошло, а нога все не переставала болеть и болела все сильнее. Теперь я не мог разогнуть колено, так и ходил с согнутым, и спал так. Сперва мама успокаивала меня, говорила: «Потерпи, пройдет, заживет до свадьбы». Теперь просила: «Вспомни, ушиб где, может?» Я старался вспомнить. Вспоминался теленок возле палисадника. Он лежит и жует жвачку, а я с разбегу — прыг ему на спину, как на лошадь. Теленок пугается, вскакивает, я лечу на землю. Может, здесь ушиб, а может, еще где... Не знаю... И мама с папкой не знают...

Мама плачет, папка ругается: не углядела парнишку! И все мы не знаем, как вылечить мою ногу. Даже наша деревенская медичка тетя Катя и та не знает как. Дядька Селёма тоже не знает, но он все равно говорит: надо лечить!

— А как? — спрашивает мама.— Я уж и то и се прикладывала, примочки делала, не помогает. К бабке Карелье водила править. Как еще-то?

— Как-как... В город надо ехать, к врачам — вот как!

— Дак на чем ехать-то? Была бы своя лошадь, взял бы да поехал...

— Ну неужто в колхозе не дадут?!

— Уборка же...

— Во заладила! Уборка... Ехать надо! Я и твоему Михаилу это же говорил. Просить надо — дадут. Смотрите, загубите парня!

— Ох, братец, братец, головушка кругом идет...

Я стал реже ходить к дядьке Селёме. Больше сижу в избе или у завалины, возле своего «табуна». Зато дядька Селёма стал приходить к нам почаще. Он приносит мне вырезанных из пима зверей и птиц. Дядька с папкой пьют водку и разговаривают, как со мной быть. Я сперва прислушиваюсь, а потом играю с этими зверями и птицами — хожу в лес на охоту.

Потом мне хочется сбегать к кузнице и посмотреть на трактор с большущими железными зубастыми задними колесами. Я беру костыли и говорю папке, что пойду смотреть колесник. Он качает головой:

— Не, сынок, сегодня отдыхай. Завтра поедешь с матерью в город. Дорога не ближний свет, отдыхай!

Мне опять становится интересно, я сажусь рядом.

— А какой он, город?

— У-у,— весело говорит дядька Селёма,— город большой! Сто раз больше нашей деревни. Курган называется. Тамо много больших каменных домов, они высокие, как наша церква.

— Не-е,— говорю я недоверчиво.— Не обманешь! Таких домов нету.

— А вот поедешь, увидишь. Потом сам мне рассказывать будешь,— улыбается дядька Селёма. И папка улыбается. Мне очень хочется увидеть город, и я тоже улыбаюсь:

— Ладно, расскажу!

Лошадь нашу конюх Степан запряг в дрожки. К настилу дрожек смоленой бечевкой привязан ивовый плетеный короб с высокими краями. Он походит на колоду, в какую не посадил меня покататься наш сосед Витька Семин. Только в коробе не пшеница, а сено, сидеть на нем мягко. Вот уж накатаюсь те-

перь, думаю я, до города-то, поди, подальше, чем до брнгады.

Ехали мы с мамой долго, целый день, даже надоело, н все равно до города не доехали. Ночевали в какой-то деревне у тетеньки, а утром опять поехали. Лошадь вывезла нас на высокую дорогу, и мама сказала:

— Ну вот и тракт.

— Трахтор?

— Да не, тракт. У дороги назовь така...

По тракту навстречу нам реденько ехали подводы. А потом показалась сильно большая машина. Я привстал в коробе и смотрел на диво во все глаза — у нас в деревне бывали только полуторки, да и то редко.

— Сядь ладом! Выпадешь! — строго сказала мама и натянула вожжи. Наша лошадь остановилась и задрала голову, прядая ушами.

Машина гудит все громче. Я уж хорошо вижу дядьку-шофера. Машина зеленая, и у нее решетки на фарах. Вот она сравнялась с нами. Бах! Стреляет. Я вздрагиваю. Мама заполошно ухает. Дрожки резко наклоняются н мчат с высокой дороги вниз — лошадь понесла через поле, к лесу.

Дрожки сильно трясет. Мама тянет вожжи и кричит:

— Тпру-у! Стой, окаянная! Тпру! Тпру! Да куда ж ты!.. Тпру-у!

Вижу: лошадь высоко взметывает ноги, бросает копыта вбок, стукает ими в оглоблю, голова ее задрана вверх и в сторону, круглый глаз косит назад, от пенных губ к маминым рукам протянулись струны вожжей. Потом я кубарем качусь к задней стенке короба и больше ничего не вижу: ни копыт, ни конской головы, ни вожжей — ничего, кроме маминых глаз, они мечутся то назад, ко мне, то вперед, к лошади. Глаза у мамы... Я никогда таких не видел...

Дрожки швыряет, они мчат то прямо, то боком и летят к лесу. А перед лесом видно овраг. Он ближе, ближе, ближе. Зажмуриваюсь, вдавливаюсь в сено. Слышу, как мама кричит, дрожки резко наклоняются вперед, я качусь к маме, она хватает меня одной рукой, открываю глаза: овраг совсем рядом, он глубокий, зарос кустами, лошадь присела и дрожит, пе-

редние колеса брички провалились в яму. Мама далеко отбрасывает вожжи, прячет лицо в мою рубаху и трясется вся, а рубаха моя становится мокрая...

Дядька Селёма не обманул: в городе на самом деле много каменных домов. Они совсем не похожи на наш каменный амбар за клубом и высокие, как церковь, и даже выше. Возле одного мы остановились.

Дядька в белом халате больно щупал мою ногу, хотел разогнуть колено, я кричал, а он говорил:

— Ну-ну! А еще говоришь — герой!

Потом он подал маме бумажку:

— На рентген!

Я испугался. А рентген оказался совсем не страшным, даже интересным, только холодным.

Тот же дядька в белом халате долго смотрел у окна прозрачно-темное с белыми полосами гибкое стекло, потом сказал:

— Что же вы, мамаша, так поздно? Туберкулез тазобедренного сустава. И очень запущенный. Будем накладывать гипс. Процесс долгий, конечность придется выпрямлять в несколько этапов...

Мама заплакала и стала говорить, что я жаловался только на коленышко.

— Это ничего не значит,— сказал дядька.— Коленные сухожилия стянуты, это естественно.

Я понял только, что останусь один, без мамы, и заревел. Мама прижала меня к себе, вытирала слезы и мне, и себе и все говорила:

— Ну не плачь, сынок, не плачь. Я туто, туто... Не плачь... Туто я пока ишшо...— и спросила у дядьки: — А может, можно мне с им? Хоть как? На одной кровати, может? Ну, хоть как-нить, маленький жо...

— Нет, нельзя! — сказал дядька сердито.

— Ах ты, господи! Горюшко-то какое...

Ногу мне замазали белой глиной, и она стала каменная, как стена. Я полежал несколько дней в палате. А потом глину разрезали, содрали с ноги, давили на колено, я кричал и кусал теток в белых халатах, которые меня держали, а ногу опять замазали и отвезли меня в палату.

В палате было много народу. Сперва я никого не знал, а потом всех узнал, но все равно мне очень хотелось домой. Я говорил маме, когда она приходила,

что мне хочется домой, но мама все никак меня не забирала, только плакала и говорила: «Сынушко, родной мой, ну потерпи христа ради, да што это за наказание, осподи ты боже мой...»

Приходит она редко. А я ее всегда так шибко жду. Мама приносит всякой еды: сдобных каралек, шанежек, много всяко-разного, но больше всего мне глянутся конфетки и компот в банках.

А еще каждый раз она говорит:

— Дядька Фолома тебе бо-ольшу-ущий привет передает! И тоже гостинец прислал. Наказал мне, отдай, мол, прямо Кольше в руки! — И мама достает из сумки какую-нибудь новую игрушку.

Все дядькины подарки я храню под подушкой: и деревянный наган, как взаправдашний, и маленький деревянный колесник, и медведя, и волка,— лишь лошадь с уздечкой и хомутом, запряженную в настоящую, только маленькую, телегу с колодой, я боюсь класть под подушку и ставлю на тумбочку, чтобы не раздавить.

Один раз я спал, и мне снился сон, что я играю в войну за речкой в Генкиной команде. Я разведчик и ползу по чилигам, чтобы разузнать, где они засели, вдруг сзади меня хватает кто-то за плечо, я оглядываюсь — это Витька Баранов, он нагнул голову и собирается меня бить, и тут на голове у него быстро-быстро вырастают рога, и это уже не Витька, а теленок, он хочет меня забодать, а я не могу пошевелиться, кричу, и голоса нет...

— Просыпайся, разведчик! — говорит кто-то знакомый-знакомый и тихонько смеется. Открываю глаза — за плечо меня трясет дядька Селёма! Глаза его весело щурятся и светятся. Он сидит на табуретке рядом с моей кроватью, деревянную ногу оттопырил в сторону, а на широкое от зимних стежонников колено другой ноги положил большую толстую книжку.

— Чё это?

— Дак книжку вот тебе с цветастыми картинками купил!

— Мне?!

— Тебе! Хватит, думаю, ему лошадей да волков делать, дай-ко книжку с картинками привезу. Пущай смотрит. На, держи!

У меня никогда не было книжек, и я беру книжку осторожно, разворачиваю и ахаю: картинок там

уйма, да все хорошие! Мы вместе с дядькой Селёмой долго разглядываем каждую картинку: большие корабли с парусами и пушками, богатырей, которые выходят из воды в рыбьей чешуе, белку в клетке.

— Почитай-ко!

Дядька читает:

— «Три девицы под окном пряли поздно вечерком...»

Я слушаю, открыв рот, слушаю до тех пор, пока дядька не говорит:

— Все, Кольша! Кончилась книжка.

— Давай сначала!

— Не, Колинька, идти мне пора. Поздно уж, врачи ругаться будут.

Он выкладывает из сумки на тумбочку еду, а я зарываюсь лицом в подушку и начинаю громко сопеть. Мне не хочется, чтобы дядька Селёма уходил. Или пусть меня забирает с собой! Я так ему и говорю:

— Дядичка, родименький, возьми меня отсюдова!

Дядька сперва молчит, а потом отвечает:

— Да как же я тебя возьму, Кольша?

— На ручки возьми!

— Да ты подумай сам, упадем мы с тобой! Подведет меня моя деревяшка, и упадем.— Дядька Селёма говорит вроде весело, но через силу.— Вот стуку-то будет! Свалимся да загремим по полу — я деревянной ногой, ты каменной. Ишшо пол проломим!

Мне не смешно.

— Не упадем! Забери ты меня...

— А врачи остановят, отберут.

— А ты их шилом!

— Да эть я ево дома оставил.

— Все одно забери!

— Коля, а Коля, давай ишо книжку почитаем,— говорит он.

— Не хочу книжку! Домой хочу!

— Да не оздоровел ведь ты ишшо! А тебе крайно оздороветь надо. Ну хто оно тако мы с тобой сейчас-то? А когда оздоровеешь, своими ножками пойдешь...

— Не хочу! Домой! — хватаю я его за пиджак.— Мама не забрала, ты забери. Ты большой, ты с врачами справисся!

Дядька Селёма сидит, молчит и смотрит на меня тоскливо.

Потом спрашивает:

— А хошь, я тебе другой иагаи сделаю?

— Какой? — затихаю я.

— А такой, чтобы горохом стрелял.

— Хочу.

— Обязательио привезу его тебе в следующий раз...

Я опять кричу:

— Не иадо иагаи! Забери меня!

— Не могу я, Коля, ие могу, пойми ты меня!

Я смотрю иа дядьку, а виутри у меия все кипит, и я со злостью говорю:

— Не любишь ты меия! Не любишь!

— Вот те раз, Васеиев Тарас, — тихо говорит дядька. Я хорошо помию Тараса, иашего деревеиского мужика, и хоть ои грозится всем пакостливым ребятишкам оборвать уши, мне все равно хочется домой еще сильнее. А дядька все сидит возле моей кровати и все смотрит, и смотрит в пол. Потом хлопает ладоиью по колеиу:

— Ладио! Я сейчас с врачом пойду посоветуюсь, а опосле, ежели ои разрешит, лопотину твою у сестриц возьму и заберу тебя, раз уж так просишь.

— Не обмаиываешь? — замираю я радостио.

— А оммаиул я тебя хоть раз? — спрашивает дядька Селёма и смотрит строго.

Я ие помию, чтобы дядька меия обмаиывал, вытираю кулаком иос и смеюсь:

— Не обмаиывал! Ну иди, да быстрее вертайся!

Ои встает и, избигаясь назад, идет из палаты, стукая громко по полу деревяииой иогой и ие оглядываясь...

Я ие свожу глаз с дверей палаты и жду: вот придет с моей одеждой дядька Селёма и заберет меня домой. Уж ои-то придет и заберет, ои иикогда меня ие обмаиывал. Вот придет, вот придет... А дядьки Селёмы все иет и нет. Вдруг дверь открывается.

«Дядь!..» — хочу крикиуть я, ио вижу, что входит медсестра. Так повторяется миого раз: дверь открывается, я устремляю иа иее глаза, а входит ие дядька Селёма, а кто-то другой. Наконец я поиимаю, что ои не придет, укрываюсь с головой одеялом и долго тихо плачу: обманул дядька Селёма, первый раз обманул...

Деревья за окном стали опять зелеными. Утром однажды пришла мама и сказала, что мы поедем домой. Я очень обрадовался, и мама радовалась. Но пока мы собирались, на глаза ей нет-нет и навертывались слезы.

— Ты чё? — спрашиваю я.

— А чё? — вскидывается она.

— Чё плачешь-то?

— Да не, тебе померещилось. Чё мне плакать-то? Ты со мной. Мы домой едем.

Мы поехали на попутном бензовозе, который вез в нашу сторону горючее. Когда подъезжали к нашей деревне и увидели белую каменную церковь с двумя куполами, широким и узким, мама сказала:

— Сынок, Фолома же умер... Чахотка замаяла... Северни похороны...

Я не поверил ей. Не поверил и тогда, когда увидел в гробу дядькину бородатую голову. Я хотел подойти к нему, потрясти за плечо и сказать:

— Не балуйся, дядька Селёма! Вставай! Ты чё лежишь-то?

Мама не пускала меня, а когда я вырвался и, растолкав людей, подошел к нему на костылях, которые сделал мне он и которые стали коротки, пока я лежал в больнице, и поглядел на его желтые веки и острый какой-то нос, тут только во мне что-то оборвалось, я стукнулся лбом о гроб и заплакал.

Проплакал я всю дорогу, пока ехали на могилки. Я негромко плакал. Просто сидел на телеге рядом с желтым струганым гробом, который пах смолой, и слезы сами катились у меня из глаз. «Дядичкя, дядичкя, дядичкя...» — повторял я. Перед глазами вставала раскрытая дверь сенцев, гроб и лошадь скрывались в тумане набегающих слез, я стирал их кулаком и швыркал носом. А потом опять видел распахнутую дверь, и опять все было как в тумане.

Когда могилку закопали и мы поехали обратно домой, я сказал маме:

— Вот вырасту большой, буду, как дядька Селёма, шить хомуты и валенки подшивать...

— Ладно, ладно, сынок,— сказала мама.— Вырасти сперва...

Я еще не знал точно, сколько мне лет, и когда меня спрашивали об этом, я терялся, показывал то все пальцы на руке, то меньше, но зато я хорошо

знал, когда смотрел на закрытую дядькину дверь: если я ее открою, уж никогдашеньки больше он не скажет: «Здорово, Кольша! Давно, брат, не видались!»

ДЕНЬ ПОЗАДИ, ДЕНЬ ВПЕРЕДИ...

Одни оставаться дома Колька не любит. И потому сидит за столом, где только что завтракал, выструнив локти и ладони по краю столешницы, исподлобья следит за сборами матери. Она насыпает соли в пустой спичечный коробок, кладет его на чистую тряпицу рядом с куском калача и вареным яйцами, быстро свертывает крест-накрест концы тряпицы и связывает узелок. Взглядывает на Кольку:

— Да не взбуривай ты так! Мы же не на век... А хошь, я тебе от заюшка гостинец принесу?

— Гостинец? А какой?

— А уж это не знаю. Какой он сам даст, такой и принесу. Скажу ему: Коля мальчик умной, один домовничат, дай, заюшко, гостинец получше.

— Мама, а ты попроси у него это, знаешь што...— Колька лихорадочно чешет затылок, в голове его мелькают пряники, конфеты-подушечки, которые иногда привозят в магазин, да все это не то — вдруг видит большой корабль с парусами и квадратными бойницами для пушек по бокам...

За воротами кричат:

— Тоньша, айда! Тоня, слышишь? Мы уж туто!

Мать наклоняется к окошку, заглядывает в него сбоку и стучит в раму кулаком, кричит тоненько:

— Слышу, бабы! Иду-у!

— Ага-а! А я опять один! — Колька срывается с лавки, с маху торкается плечом и бедром в избяную дверь, вылетает в темные сени, оттуда — на крыльцо, дробит голыми пятками по ступенькам. Вымахнув на середину ограды, останавливается растерянно. Сердце сдавливается. Вот мать сейчас уйдет, а ему придется весь день пробыть одному-одинешеньку. Он смотрит на крыльцо с последней надеждой: может, передумала, не пойдет в бор?

Мать показывается на крыльце, в руке она держит за дужки две корзины. Подходит к Кольке, ставит корзины на землю — в одной лежит узелок. Она стя-

гивает с головы синий платок, зажимает уголок его в зубах и, пока перекручивает иа затылке хвост длиных красиых, как медная проволока, волос, завивает их в шишку, закалывает гребенкой, говорит:

— Смотри, иа Тобол ие бегай, а то утонешь... Хлеб на столе. Картошка вареная в чугунке на лавке у шестка стоит. И простокиша там же, рядом, под тряпицей. Ешь! И домовиичивай тут ладом... Куриц в огород, смотри, ие пускай! Да ие забудь, поросеика накорми! Варево в сеиях...

— То-ия-а! Где ты там? — слышится опять нз-за ограды.

Мать оборачивается иа голос:

— Иду, иду-у! — Быстро повязывает платок, подхватывает и вешает на локоть корзины.— Ну, господь с тобой, сынок, пошла я...

— Я с тобой! — решительно говорит Колька и иадувает губы.

— Ну проводи, проводи иас,— соглашается мать и улыбается ласково.

За воротами сидят иа лавочке Поля-почтальонка и Катя-техничка из сельсовета. Колька идет с иими почти до коица деревии — до кузницы. Ои поиимает, что в лес его все равно не возьмут, и дергает мать за кофту:

— Мама, ты про гостииец ие забудешь?

— Не забуду, Колюшка, ие забуду. Ну беги домой...

Ои стоит посередь дорогн и смотрит им вслед до тех пор, пока материи сииий платок ие мелькает последииӣ раз за пряслами огородов, сбегающих к сланке — земляиой плотиике между речкой н ровком. Там, за слаикой, есть трн дороги, одиа из иих — в бор. Ои круто поворачивается и бегом, иарочио загребая босыми ногами землю иа мягких местах улицы и пыля, возвращается к своей ограде и садится иа лавочку возле палисадиика, где иедавио сидели жеищины. Теперь оии и мать идут и разговаривают, идут и, может, уже пришли в лес и ищут грузди. Что теперь делать? Самый хороший друг Витька вчера сказал, что поедет с отцом иа покос, дома его иету. И на Тобол иельзя... Да только иельзя, потому что еще тогда, зимой, отец сказал, что дяде Мише попало... Колька тогда удивился: «Пошто? За то, что я в кабиике сидел, ага?» Отец хмыкиул: «Кабы за то!.. Кое у кого

березовый комель заместо головы! И сам не ам, и людям не дам!..» Колька даже рассмеялся: вдруг увиделись люди с корявыми чурками на плечах. Смешно и страшно тут же: а если такой вечером на улице попадется?.. Неужели с ним даже дядя Миша не справится? Да ну...

И Колька вдруг с короткого разгона врезается шестеренкой в серый штабелек ровно напиленных старых, с трещинами, досок. Штабелек покачнулся, но устоял.

Эти доски они с отцом и готовили вчера вечером. Когда он вытягивал на себя полотно двуручной пилы, она никак не хотела идти обратно, только повизгивала да звенела, а отец говорил: «Да ты на меня-то не толкай, не толкай, ты только на себя тяни. И не прижимай ее в прорез-то шибко, тяни легонько, она и пойдет, не будет вилять. Острая — зубья сами захватят, сколь надо...»

Желтые опилки весело посыпались на зеленую траву. Доска треснула, зажала пилу и распалась на две половины. Колька засмеялся, отец сказал: «Вот! Молодец!»

Отец хочет разобрать тын с одной стороны в огуречнике, а потом зашить эту сторону досками. Низ тына там совсем подгнил, и кое-где образовались дырки. Да еще он недавно выломал в углу огорода две тынины, чтобы можно было пролезать в конопляник. И теперь куры наладились через палисадник выходить на пустырь за пригоном, а оттуда — в огород.

Кольке жалко тына, особенно свою дырку в уголке: через нее так быстро можно оказаться в конопле! А конопля — густая, высокая, на бор похожа. Он клетку там изладил. Вырвал коноплю у стенки пригона, на два кирпича досточку положил, еще два кирпича друг на дружку перед лавочкой поставил — получился стол. А главное — не видит никто. Хоть обзовись! Он там сидит молчком — и хоть бы хóба...

Вспомнив про клетку, Колька припускает к дверцам в огуречник. И только распахивает их, видит кур. Три белых и одна рябая, они роются в огуречной гряде — только солома в разные стороны летит.

— Вот паразитки! Ну я вам щас! — Он выдергивает с корнем высокую полынину у забора и, размахивая корневищем над головой, как богатырской булавой, мчится по дорожке к гряде. Куры начинают беспокойно вертеть головами, трясти гребнями, а когда

он подбегает и шваркает булавой по гряде, стараясь достать ближнюю птицу, куры хлопают крыльями и с гоготом летят в разные стороны. Им откликается из ограды петух: кру-го-го-гом!

— Я вам покажу щас! Так дам! Будете знать! — Колька носится по огуречнику, оставляет кое-где на луковых грядках глубокие следы. Куры, вытянув шеи, с гоготом убегают от него, а когда он прижимает их в угол, суматошно хлопают крыльями и бросаются на забор грудью, истошно кудахча, петух отвечает им звонким, взмывающим к небу тревожным кличем, и этот клич больше всего будоражит Кольку.

— Аг-га-а!!

Одна за другой куры находят воротцы, выбегают из огорода. Рябая взлетела на забор и идет по нему, качаясь и примериваясь, где слететь. Колька издалека запускает в нее полыниной. Курица ныряет в ограду. Он запирает воротцы, накинув на их столбик проволочное кольцо, и по-хозяйски оглядывает огород: порушил немножко, но ничего, зато будут помнить! И с победным видом прислушивается некоторое время к тревожной перекличке в ограде. Потом копит во рту слюну и, вытянув губы, сплевывает под ноги, стараясь сделать это, как Вася Збокач, но такого небрежного и аккуратного, похожего на выстрел горохом из трубочки, плевка, как у Васи, у него не получается — слюна снова брызжет в разные стороны...

С самой войны Вася живет вдвоем с матерью, бабушкой Маней, в склонившейся набок, будто горестно присматривающейся к чему-то, избенке. Разговаривает Вася интересно, не так, как все в деревне: вместо лебеды у него — лябяда, вместо сидит — сядить. Он приходит раньше всех с работы и потом выходит за ворота, садится на свою лавочку возле завалины — в одних трусах и сапогах, и Кольке кажется всегда, что в каждом голенище может поместиться по две Васиных ноги. Вася скрещивает на голой груди тонкие руки и начинает посматривать то в одну сторону, то в другую и поплевывать-постреливать направо и налево. И вскоре возле сапог его, справа и слева, на твердой земле появляется много мокрых пятнышек. Потом идут один за одним с работы мужики и некоторые кивают ему, а некоторые задерживаются возле Васи, спрашивают: «Ну што, сядим?» И Вася им отвечает одинаково: «Сядим!.. А чаво нам? Исде-

лал дело, сяди смело!..» Мужики смеются: «Брось ты, Вася! Дело он иcделал...» И идут дальше. А недавно возле Васи остановился дядя Миша в блестящих от машинного масла штанах, он поздоровался с Васей за руку, а потом спросил: «Скажи честно, скоко ты трудодней за год вырабатываешь?» Вася сплюнул: «А чаво тебя так интерясуить? Усе, скока есть, усе маи... А у тебя многа больше?» Дядя Миша с укоризной покачал головой. Вася вытянул шею, опять сплюнул и быстро, но неширокo развел ладони в стороны: «О-о! Што тябе, што мяне — почти усё ядно: хрен да луковка, хрест да пуговка! Вот уся яда и пасуда!..» Дядя Миша опять покачал головой: «И как ты живешь, не понимаю... Хоть бы мать пожалел! Ты погляди ладом, она уж согнулась вся от тоски по родимым местам...» Вася вскочил, вскинул руки к небу, закричал: «А гроши на пряеездку мяне уся дяревня соберёть?! Али може твой калхоз дасть?!» Дядя Миша шагнул к лавочке, сел. Вася тоже сел и долго рассказывал дяде Мише о чем-то. Дядя Миша слушал, свесив голову, изредка кивал. А Вася все говорил, говорил тихонько. А потом Кольке надоело смотреть в створку...

Колька засовывает руки в карманы и вразвалку шагает в свой угол огуречника — к лазу в конопляник. Ему вольготно и радостно. Припекает солнце. И он почти совсем не думает о том, что не хотел отпускать мать по грибы. И совсем не страшно, а даже наоборот — он не только с курами может справиться, а попадись ему сейчас такой, с комельком, он бы и ему... Как бы вот ему вот так вот!.. Колька сильно размахивается и тыкает перед собой кулаком...

От пригонной стены слабо тянет коровьим навозом. Манька любит, когда ей чешут шею. Шерстка у нее на шее мягкая. Она вытягивает морду, глядит на него темным блестящим глазом и старается мокрым, гладким, как шляпка масленка, носом задеть его щеку — лезет целоваться. Колька садится на лавочке в своей клетке и вглядывается в густые конопляные заросли. Близкие темные верхушки конопляных пик напоминают ему гребень бора. Там сейчас мать ступает по мхам, наклоняется за груздем. Бор шумит, шуми-ит. Колька ехал с отцом на телеге по этому бору к отцу на работу, на лесозавод, и слышал, как он шумит:

будто сильная река течет там вверху и качает высокие зеленые шапки сосен — туда-сюда, туда-сюда, медленно так. Тревожно.

Налетает ветерок, и конопля шелестит, качает темно-зелеными пестиками макушек. Сердце сжимается: может, волк тут рядом, сейчас как выскочит, шерсть на загривке дыбом. Мурашки бегут меж лопаток. Колька пугливо озирается и прислушивается чутко, и понимает тут, что спасаться от волка, если нет ружья, лучше всего в избушке, а у него только лавочка да стол кирпичный.

Он вскакивает и опрометью бежит в ограду — к доскам. Захватывает в беремя сразу три или четыре доски и прет их, поддерживая животом, откинув назад голову, к своему лазу в огуречнике. Надо откинуть проволочное кольцо со столбика. Правая рука, поддерживавшая доски снизу, предательски разгибается, и они с грохотом валятся на землю, бьют по босой ноге. Колька стискивает зубы и с гусиным шипом втягивает в себя воздух. Но тут же бросается к воротцам и с силой распахивает их, вложив в толчок всю свою боль. Собирает доски и, прихрамывая, прет дальше. Так он делает несколько ходок. И досок возле пригонной стены набирается порядочно. Можно строить. Он прислоняет доски внаклон к бревнам сарая, получается накат. Колька залезает внутрь. Здорово, но не совсем ловко: чтобы пробраться к лавочке, надо сильно нагибаться или ползти, и светит с обоих концов. Вот если сделать стоячие стены и крышу да дверку прибить, тогда — да, тогда жить можно!

Колька подпрыгивает и мчится к предбаннику. Там, под лавкой, стоит отцовский ящик с плотницким инструментом.

Ножовка, молоток, гвозди — все это вскоре бережно укладывается возле избушки. Колька стоит и в раздумчивости скребет затылок:

— Хы, а как доски-то торчмя ставить?

Без столбиков и перекладины не обойтись. Надо искать жердину. Он обходит весь двор — ничего подходящего. В сарае его взгляд как магнитом притягивают гладкие перекладины ясель, куда накладывают зимой сено корове. Ишь как Манька шеей жердочки отполировала! Хорошие столбики для избушки получились бы... Но тронуть ясли Колька не решается — вспоминает про солдатский ремень, который отец

всегда вешает иа гвоздь в простенке, почти под самой божиицей. Этот широкий ремень с блестящей виутреиней стороной, иа которой отец правит опасиую бритву, ого-го каким может быть. Пробовал... Игиаша, старший брат, из Магиитогорска в отпуск приехал. Пришел с охоты и положил двустволку иа кровать в горнице. Стволы блестят. Курки, как бараньи рога, назад загнуты. И лежит так, что подиимать даже не надо. Колька двумя большими пальцами взвел курки и нажал. Гром. В жнвот удар. Дым по всей гориице. Сладковато пахнет тухлым яйцом. В углу под потолком куча чериых точек в белой штукатурке. Он стоит и слушает беспрерывиый звои в ушах. Тут его хватают за руку и волокут в избу. Мать причитает. А Игиаша матерится и врезает ему ремнем. Вбегает в избу отец, выхватывает ремень, вытягивает по спиие брата. «Не разряднл?!! Да ты п-поиим-маешь ли што!»...

Руки у отца трясутся... Второй раз отец угостил ремешком Кольку, когда ои развел костерок из лучииы в предбаиинке. Но все равио ремень Кольке глянется, и он любит опоясываться им, когда отца иет дома.

Колька вздыхает, проводит рукой по гладкой ясельиой жердочке н идет за ограду, к трем бревиам, что лежат горкой возле задней стеиы баии. Из-под бревеи, вытянувшись вдоль банной стеиы, торчит конец жердииы — серой, тресиувшей вдоль, ио еще крепкой. Жердь шатается, зиачит, вытяиуть можио. Поплевав иа руки, как это делает отец, прежде чем взять топор, Колька ухватывается за жердину. Оиа чуть подается, а дальше идти ие хочет. Ои пыхтит — никак! Тянуть неловко, мешают и бревиа, и баииая стеиа. Веревку бы... А ремень-то! Там же пряжка, петлю сделать — проще пареиого! Ои бежит в избу н возвращается к жердине с ремием.

Намотанный иа руку, он режет краем запястье, Колька откидывается всем телом иазад, скользит пятками по·траве, перебирает ногами и опять упирается покрепче, и с натугой вопит:

— Пошла! Пошла!

Длиииый коиец уж выполз, и тут жердииа встает иамертво. Он дергает за ремень то в одну сторону, то в другую — то вдоль жердины, то вбок. Вдоль — оиа даже не шевелится. А вбок — пружиниит и дергает ремень обратио так, что Колька чуть ие трескается головой о баиную стену.

Он бросает ремень и ложится вдоль жердины, равняет пятки по ее концу, а у макушки делает на жердине заметку щепкой. Хочет отмерить второй рост, но затылок упирается в торец верхнего бревна. Ничего — можно будет входить в избушку и немного пригнув голову. Сбегав к пригону за ножовкой, он размеряет вытянутый конец жерди на две равные части и начинает пилить. Пилить неловко. Между банной стеной и жердью прогал всего в четверть, да и то не в большую — с мизинцем, а в маленькую — с указательным пальцем. Ножовка только стучит концом в стенку, а жердь зубьями захватывает совсем мало. Колька то частит ножовкой туда-сюда, быстро-быстро, то сильно прижимает полотно левой ладонью и дергает ручку только на себя. Но желтое пятнышко опилок под жердью все никак не хочет увеличиваться, и прорез неглубок — на полпальца всего. Колька в сердцах шваркает ножовкой по жердине. Ножовка жалобно тенькает, а на сером боку жердины светятся три маленьких желтых клинышка.

И он начинает ширкать без передыху. Стоит на коленях и пилит, пилит, пилит и пилит. Пот бежит по лбу, ест глаза, капает с носа. Слизывая его с губ, Колька чувствует, какой он соленый, но все равно ширкает и ширкает, пока у желтой горки под жердью не появляется острая вершинка. Он только за этой вершинкой и следит все время. Только этого и хотел — чтобы она стала острой...

Колька бросает ножовку и опрокидывается на спину, раскидывает руки. Рубаха сразу прилипает к спине, а трава приятно холодит. Он закрывает глаза и опять открывает. И кажется: облака неподвижны, а он плывет и плывет в синей бескрайности, и не хочется ничего — только плыть и плыть, плыть и плыть...

Отдохнув, он осматривает прорез — перепилил больше половины. Должна треснуть. Колька отходит к торцу, подпрыгивает и ударяет в край жерди пятками. Жердь пружинит, но не поддается. Тогда он подталкивает под самый прорез обломок кирпича и, опять подпрыгнув, бьет пятками по краю со всей силы. К-р-р-р! — трещит жердина, осев к земле, но еще не до конца отломившись.

— Ур-ра-а!

Как на поверженного врага, он кидается на нее, хватает за серую шею, упирается ногой в стену бани

и дергает со всех сил. И вместе с обломившимся столбиком летит на землю. В колене спичкой вспыхивает боль. Он вскакивает, трет ушибленное место.

Солнце сильно печет, и этот жар успокаивает его. Но тут он чувствует, что очень хочет есть, и идет в избу. На столе под тряпицей лежит половина калача. Он отрывает зубами такой кусок, что трудно жевать. Ставит на стол чугунок с картошкой. Заглядывает в ла́дку с простоквашей. Она согрелась у окна на солнцепеке, и поверх плотного белого круга выступила уже желтоватая прозрачная жижица сыворотки. Лучше холодного молока достать. Мысль о погребе и приятна, и страшна. В жару там хорошо, прохладно, но мокруш под дощечками — уйма. Откинешь досточку, а они, грязно-розовые, так и засеменят в разные стороны — бр-р! И мыши там, мать говорила, нор нарыли, даже прошлогоднее сало подгрызли. Но молока все равно хочется...

Брякают воротца, Колька кидается к створке.

В ограду входит Вася. Он в тех же сапогах, но в штанах и залатанном пиджаке, надетом на майку. Кольке боязно, он не знает, что делать. Вася хитро подмигивает ему и кланяется:

— Здрастя — не хвастайтя! — Голос вроде веселый, а глаза — мутные.

— Здрасьте...— В горле у Кольки перехватывает. И он не знает, как его назвать: Вася или дядя.

— Тецка Антанида у дваре?

— Не-а, за груздями пошла.

Вася хлопает рукой по бедру:

— Как жа быть-та мяни? — Он тоскливо смотрит на Кольку.— А можа, ты мяня выручишь? Знаешь, где у мамки деньги ляжать? Дай мяни двадцать пять карбованцев. Я вечером с мамкой дагаварюсь, два пуда зерна принясу. Вот тя хрес! — Вася божится.

Кольке страшно.

— Я не зна-аю, куда их мама кладет,— тянет он, чуть не плача.

— Ежки-марошки! Как жа быть-та?! Так выпить хоца, дажа вот здесь жгёть! — Вася ударяет кулаком в грудь и, морщась, смотрит на Кольку. И Колька только сейчас вдруг видит, что Вася еще молодой, и вот-вот заплачет сам. Кольке становится жалко его, и он не знает, что делать. А Вася вдруг упирается в стену локтем, прячет в сгиб лоб и скулит:

— Усе пагибли, усе! Бацкя пагиб! Старший братка пагиб! Средний тожа пагиб! Хата сгарела! Куда ехать?! Иде каго искать?! Иде ани сваи-та, каторые памогуть! Ему саветавать легко! А вона ана какая большая, Расея!..— Вася мотает головой и указывает мокрыми глазами куда-то поверх оградного заплота.

Вася резко поворачивается и уходит. У Кольки теснит в груди. Он то смотрит на воротца, за которыми скрылся Вася, то взглядывает поверх заплота, и все повторяет про себя последние Васины, неведомые ему раньше слова: «Вона ана какая большая, Расея, вон она какая большая, вон она какая...»

В животе бурчит. Он протяжно, шумно, глубоко вздыхает, берет на всякий случай нож и идет в погреб. Откинув тяжелую крышку лаза и поглядывая — не видно ли мышей? — начинает спускаться по лестнице. Расстояние между ступеньками большое, приходится долго нащупывать пальцами ноги нижнюю ступеньку, а колено другой упирается почти в подбородок. На третьей, последней ступеньке он замирает, чутко прислушивается и остро вглядывается в сумрак погреба: вроде тихо, никого не видно. За дощатой стенкой засеки кудрявятся длинные белые ростки прошлогодней картошки. Кринки с молоком и ладки со сметаной темнеют в самом дальнем углу погреба.

Колька осторожно щупает большим пальцем ноги земляной пол, он влажный, холодный. Его передергивает, но он все равно спрыгивает со ступеньки. И в тот же миг его кто-то хватает за руку — скользкий, холодный, противный. Сердце прыгает к горлу. Колька сдавленно вскрикивает, прядает в сторону, замахивается ножом. Никого нет. Только качается, свесившись с верхнего края засеки, длинный картофельный росток. Колька подскакивает к нему и в сердцах, как саблей, рубит ножом, смотрит в засеку: не зашуршит ли где в невидимой норе мышь, на цыпочках, будто подкрадываясь, делает несколько полуприседающих шагов и берет наконец темную кринку за холодное волглое горлышко. Белый кружок молока в горлышке качается и оставляет на глиняном краю кринки глянцевитое желтоватое полукружье. Держать кринку неудобно, мешает нож, зажатый в кулаке. Колька прижимает кринку одной рукой к животу и, обернувшись, кидает нож к лестнице. И туда же бегом переиосит криику, ставит возле первой ступеньки. Теперь

он опять на свету и боится меньше. Но как теперь сразу поднять наверх и нож, и кринку? Он берет нож и бросает его наверх, в лаз. Нож почти вылетел, но стукнулся ручкой о доску закрайка и падает прямо в кринку. Колька двумя пальцами берет нож за конец деревянной ручки, вытягивает из кринки и облизывает. Вкусно. Бросив нож на землю, он обеими руками берет кринку, ставит ее на вторую перекладину лестницы и, оперевшись о стояк локтем, заносит на первую, нижнюю, перекладину ногу и начинает распрямлять ее, стараясь поднять тело. Нога дрожит, не хочет распрямляться! Колька краснеет от натуги. Потом чуть приседает на другой ноге и отталкивается от земли. Кринка чуть не вырывается из рук, молоко заливает глаза, но все равно он как-то — как, сам не понял — поднимается на ступеньку. Проморгнвается, слизывает молоко с губ и переносит кринку на верхнюю, последнюю, ступеньку.

Выбравшись наверх, он пробует отряхнуть рубаху. Куда там! Рука только шлепает по ней, а материя прилипает к телу. Морщась, Колька снимает рубаху, вытирает сухим подолом грудь и вешает рубаху на плаху, которая прибита одним концом к крыльцу, а другим — к стене сарая и отделяет ограду от палисадника — это чтобы корова к сирени не лезла и чтоб еще не упала в погреб. Колька представляет вдруг, как Манька падает туда и ломает ноги, из темных глаз ее текут слезы... Подбегает к лазу и с силой захлопывает крышку. Не пройдет за доску, но все же...

Можно идти и есть, но что-то такое мешает двинуться с места, вроде как что-то забыл... Ох, да это ж Борька заливается! Как он не слышит-то!.. Он хватает кринку и бежит в избу, оттуда — в сени, где стоит ведро с приготовленным пойлом. Ведро тяжеленное, и приходится, чтобы снять его с крыльца, ставить поочередно на все три ступеньки. Кое-как, то одной рукой, перегибаясь на бок пополам, то сразу двумя он дотягивает ведро через ограду к загородке между огуречником и пригоном и, помогая коленями, опрокидывает бадью в выступающий в ограду край корыта. Поросенок, только что крутившийся волчком, с визгом кидавшийся передними ногами на доски загородки, замолкает. Что-то хрустит, булькает — за загородкой не видно. Колька слушает некоторое время, и в груди у него непонятное — и радость, и грусть сразу.

— Ешь-ешь,— говорит он.— Я-то могу подождать, а ты же не понимаешь. Тебе же к зиме вырасти надо.

Ему видятся большие листы с морожеными пельменями, которые приносит из чулана мать, чтобы варить гостям, а еще — вкусные ошурки, пострелнвающие капельками жира на раскаленной сковороде. И немножко жалко Борьку...

Протиснувшись между лавкой и столом к своему любимому месту у створки, он проворно ест: поочередно откусывает калач, картошку, запивает молоком. Прежде чем вонзить в калач зубы, он мгновение любуется им: калач играет витками полосок — румяно подпеченных и белых, мучнистых. Корочка похрустывает во рту, дух свежего хлеба щекочет ноздри. Молоко не помещается в полном рту, течет струйкой по бороде, Колька закидывает голову, чтобы меньше вытекло, а бороду вытирает рукой, руку тряпкой. Иногда слизывает с пальцев муку, что пристает к ним с нижней, подовой, стороны калача.

Наевшись, Колька накрывает крынку с остатками молока и недоеденный калач тряпицей, бежит на улицу, к бревнам.

Солнышко приятно жжет плечи. И Колька радуется, что он теперь без рубахи. Как это он раньше не додумался ее снять? Хоть не облил бы... Но надо работать. И он, согнув руку в локте, кулаком к плечу, сильно надувает щеки, оценивает, прибавилось ли после еды силы. Прибавилось! Берется за ножовку. Отширыкивает-таки и второй столбик. Переносит оба к будущей избушке. Находит лопату. Что дальше-то? Как он крышу будет крыть? Перекладина ведь нужна... А, можно доску пустить! Отмеривает доской расстояние между лунками. Копает. Вот, одна готова. Ставит в лунку столбик, засыпает землей, притаптывает землю вокруг столбика пятками. Начинает копать другую лунку. Пот бежит по лбу, по спине. Лопата становится тяжелой. Он приседает рядом с недокопанной лункой на корточки, ставит на колени локти, а в гнездышко ладоней опускает подбородок. Земля в лунке сухая.

Кольке становится скучно.

Отец с лесозавода придет еще не скоро, мать из бору, наверное, тоже. А может, идет уже? Он вскакивает. Бежит в ограду. Поднимается по лестнице на

земляиую крышу сарая, карабкается по дощатой крыше сеиника. Доски темно-серые, потрескаиные, шершавые, кое-где облеплены темно-зелеными валиками плотиого мха. Вот и конек. Ухватившись за него, усевшись попрочиее иа колеики, Колька вытягивает шею и всматривается в стороиу бора. Туда уходит, теряясь в желтом просторе хлебов, серая веревочка дороги. На дороге пусто. Недвижны выступы темной кромки бора, но почему-то кажется, что вот сейчас на мысу одного из этих выступов покажутся фигурки трех женщин, и на одной будет синий платок...

Нет, никого не видать. Только зубатится, как редкий гребеиь, верхушками сосен ие такой уж далекий бор, а перед ним, будто подбежав к деревне, расфуфырила темные космы сосна-одиночка с коротким, толстым стволом. И плывут, плывут за бор большие белые облака. Вот-вот одно из иих, похожее иа слона, зацепится хоботом вон за ту, самую высокую вершину, сядет на лес и скроет его, как ватой закутает. А хобот ползет уж вверх и становится похож на крыло какой-то огромной птицы, и у птицы этой даже клюв вои появился. Как у орла...

Руки устали. Колька съезжает к земляиой крыше сарая и садится, охватив руками колеии, лицом к бору, чтобы ие пропустить, когда покажется мать. Ои провожает взглядом череду диковиниых, ио совсем ие страшных белых облаков, плывущих далеко-далеко — за самый бор. Туда, где ои еще иикогда-иикогда не бывал. Кто там живет? Какие люди? Вот у иих там есть, иапример, Катя-иемая или иет? Ои побаивается ее, этой Кати. Она всегда, даже в самую жару, ходит в теплом платке. Лба под платком не видать, только малеиькие глазки блестят да нос шелушится. Наклоиится к тебе, тычет пальцем в грудь и мычит. А что мычит, ие разбери-пойми. Хоть и не шибко, а все же страшно. Хочется улепетнуть, да засмеют, скажут: Кати испужался!..

Колька опрокидывается иа спину, перевертывается на живот и начииает смотреть в другую стороиу, в ту, откуда плывут облака.

Они плывут из-за реки, из-за высоких тополей, которые растут вдоль боровлянского берега Тобола. За тополями — большущий луг. По лугу там и сям — острова камышей: озера. А за лугом — длиниая-предлииная гора. С двух сторои по горе — темиая лента

леса, а посередке, на лысом месте, домики приткнулись один к другому, как дикие утята темные.

Колька до рези в глазах всматривается в Боровлянку, там он еще ни разу не был и один туда, конечно, ни за что не пойдет. Там одни варнаки живут. Арбузы воровать в деревню ночью ходят. Вятиль[1] папкин из Тобола уперли. Папка так и сказал: «Это боровлянские варнаки напрокудили! Кроме их, больше некому. Неуж наши позволят?..»

Звякает щеколда оградных воротцев.

— Ма-ма!!! — кричит Колька и кидается к лестнице. Лихорадочно ищет ногой ступеньки, оглядывается, дрожащим голоском поскуливает: — Мамонька, мамонька, мамонька...

Наконец спрыгивает на землю и, раскинув руки, бежит к углу дома. Из-за него с кирзовой сумкой в руке выворачивается отец.

— Па-апка-а!!! — Он с размаху тычется лицом в полы пиджака, обхватывает отца руками. Отец похлопывает его ладонью по спине.

— Ну-ну, хватит, хватит, перестань. А мать где?

— За грибами ушла. А чё у тебя в сумке?

— А чё там может быть? Бутылка из-под молока да яичко вареное не съел. Ну кусочек хлеба еще остался...

— Дай мне! — Колька выхватывает у отца сумку и бежит на крыльцо, садится, заглядывает в сумку, будто там клад, который отец утаил, выхватывает яйцо, чистит и ест с остатком калача. Отец присаживается рядом, поставив серые от пыли кирзовые сапоги на среднюю ступеньку. Закуривает. И обводит взглядом ограду, будто видит ее в первый раз.

— А пошто я тебя не видел, как ты от бора с лесозавода шел?

— А как ты должен был меня видеть?

— А я на сарае сидел!

— Дак я тебе сколько раз говорил: не лазь, упадешь!

— Я тихонько...

— Тихонько! Вот хлопнешься, башку свернешь, тогда будет — тихонько!..

Колька ест, отец курит.

— Пап-ка...

[1] Рыболовная снасть.

— Ну...
— А за бором есть деревни?
— Ну а как жо...
— А какие?
— Белое, Каминка, дальше Куртамыш.
— А ты в их был?
— Был. А на што тебе?
— А я тоже хочу.
— Подожди... Может, скоро и побываешь ишшо...
— Когда?! — Колька подпрыгивает, так ему хочется побывать побыстрее.

Отец усмехается:

— Ну-ну, сиди. Это я так...

— Па-апка! Возьми меня с собой! А, папка! — Кольке кажется, что отец завтра туда, в Каминку эту или в Куртамыш, поедет, а его не хочет брать.

Звякает щеколда.

— Ну вот, явились — не запылились! — говорит отец. Колька срывается с крыльца и летит к воротцам. Мать без платка, лицо вспотело; на плечах вроде коромысла — березовая палка, обмотанная синим платком, руки раскинуты в стороны, поддерживают корзины. В одной корзине — грузди, другая завязана тряпицей, и что в ней, не видно, и еще запон загнут и подвязан нижними концами к поясу, в нем, как в мешке, тоже что-то топорщится.

— Чё там, чё там?! — подпрыгивает возле матери Колька и хватается за корзину, обвязанную тряпкой.— Это от заюшка? Мама! Ну, мама! От заюшка, ага?

— Да отойди ты! Погоди маленько. Дай хоть с плеч снять-то, горе...

Колька бежит назад, к крыльцу. Мать приседает, снимает с плеч палку, ставит корзины на землю и, схватившись за поясницу, искривив лицо, с трудом выпрямляется.

— Ой-ё-ёй, спинушка моя, вся ровно отвалилася...

Отец сидит, не двигаясь, на крыльце, а Колька срывает с корзины тряпицу.

— Вишенье! Ура! Вишенье! — Колька отправляет в рот горсть ягод и жует, хрустя косточками. Кисло-сладкий сок сводит скулы. Колька морщится, а рука снова тянется к ягодам, и пальцы выбирают самые крупные и самые спелые. Он набирает новую горсть и подскакивает к отцу.

— Папка! Ты посмотри какие! — И саднтся рядом на ступеньку.

Отец берет ягоду, бросает в рот и катает на зубах — пробует.

— Где брали?

— А за согрой, возле Черной ляги наткнулись. Как усыпано кем... Катюшка с Польшей тоже по ведру набрали. Еле приперли. Да груздишек перед этим наломали. Упластались — ноги не дёржат.

— На хрена они тебе, эти грузди-то! Ходи за ними, ломай спииу-то! — Отец выплевывает вишневую косточку. Колька н мать разом взглядывают на него, Колька — испуганно, мать — растерянно.

— Вот-вот, да ты чё боронишь? А знмой-то чё ись?

— Доживем ли до зимы-то, неизвестно! А то, может, соберемся да мотанем к чертовой матери, пропади оио все пропадом!

— Вот-вот-вот, да ты чё засобирался?! Стряслось ли, чё ли, што-нить?

Отец опускает подбородок на грудь. На небрнтых щеках его ходят желваки. Мать молчит, потом испуганно вскрнкнвает:

— Ваня!.. Што стряслось?! Ты чё молчишь, не сказываешь?! — Мать поддерживет руками узелок запона с груздями, будто боится, что он развяжется сейчас сам собой и грузди посыплются на землю.

Отец подннмает голову. Между бровями над переносьем появилась глубокая складка, глаза почти ушли под брови, смотрят зло, губы крепко сжаты.

— Догоняет меня щас, перед самой деревней уж, Аркаша Безуглов на ходке.

— Это новой бригадир?

— Ну да! Лошадь придержал, приглашает: садись. Сел. Он троиул. Молчит. Потом, как обухом по голове: Иван, говорит, Артемьевич, правление приняло решение единоличных коров в деревеиский табун не пускать! Это, значит, нашу да Коли Иванова, Ивана Шукииа да Петра Синицына — в опчем всех, кто на лесозаводе работает... Я ему: какой я вам единоличник? Я рабочий! Плотничаю! Нет, свое: раз в колхозе не робишь, не имеешь права пасти корову на колхозной земле!.. Как так — не имею?! А на какой нмею?! Он на меня зыркнул, шары сразу в сторону: на какой, говорит, хошь, гоияй туда, где работаешь... Я ему:

да я же здесь живу! Он свое: здесь земля колхозная!.. Колхозная?! Я с ходка долой. Он лошадь понужнул и покатил. Во! Порядки, мать их в лоб! Што хотим, то и воротим!

— Вот-вот-вот, сдурели совсем! Ваня, чё жо делать-то будем? Это они чё жо выдумали-то, а? Ну, нисколь не живется людям спокойно! То одно, то другое, то сено не вози, то корову не гоняй! Господи!..— На глазах у матери появляются слезы, она причитает: — Хоть головушку захватывай да беги куда глаза глядят...

— Про што тебе и говорю!..

— Да как все это бросишь?! Где нас ждут-то?! Вот дак Аркаша, вот дак Аркаша... Это хто он такой, што за человек?..

— Хм! Человек!.. Отыскала человека! Какой он тебе человек? Это не человек! Сталинская отрыжка!

— Ваня!..— Мать испуганно оглядывается. Отец тоже резко оборачивается. Кольке становится не по себе: будто в спину ему смотрят... Он тоже оборачивается, и боится, и готов увидеть в кустах сирени человека с березовым комлем вместо головы. В кустах никого нет, и за штакетником палисадника на улице тоже никого нет. И Колька успокаивается: хорошо, когда ты нужен только мамке с папкой, а больше никому. Отец говорит:

— Да ково ты, мать?! На съезде разоблачили, а я-то чё?..

— А вот хоть чё, хоть не чё... Не надо, и все...

— Да ладно, ково ты выдумываешь?! Спомни лучше, как меня в тридцать шестом бригадиром хотели выбрать. Это, помнишь, тогда сразу после Петра Коробыкина было. Скот пал из-за бескормицы — хвоей-то много ли напитаешь? А Петру семерик... Давай меня выдвигать. Я — ни в какую. На любые обчие работы пойду, хоть быков давайте... И ведь исключили же из колхоза, хм! — Отец качает головой.— Бригадиром тогда боровлянский Александра Половинкин стал, потом председателем — на броне всю войну. А чё делал? Сама видела, лучше знаешь, вы тут лямку тянули, бабы да старики, а Катюшка Махова за сумку обсевок на Колыму пошла... Ребятишки в приют!! Во как! Саня-то Половинкин, кобель лягавый!.. Дак вот Аркаша-то второй Саня и есь... Квашня вроде новая, а закваска старая...

Отец громко дышит носом, молчит и тупо смотрит в землю. Колька никак не понимает, о чем это он говорит. Ему видится высокий, сутулый дядя Саша Половинкин, он живет в большом доме на самом краю деревни, всегда держит во рту потухшую папироску, быстро-быстро говорит и много хохочет. И еще Колька никак не может представить, как это кобель может лягаться — жеребец он, что ли? Задними ногами землю роет — это да, это он видел...

— Господи! Да это чё жо оне только выдумали... Где жо нам теперь коровешку-то пасти? — Голос у матери усталый. Отец смотрит на нее сердито.

— Где-где!.. А вот хоть где теперь паси! Хоть на луну гоняй! Дак там трава не растет!..— Отец умолкает, и у него на скулах, под кожей катаются шишки, будто он сосет сразу две конфетки. Колька тоже сжимает зубы и трогает щеку ладошкой — нету шишки. И как это у них все получается — и плевать, и шишки катать? И тут же забывает про это. Ему жалко Маньку. И страшновато почему-то и тоскливо, хотя все вокруг такое же, как всегда: и тын, и пригон, и трава на ограде...

— Мать! Может, Феофанью Хлызову на лесозаводе попросить? Она эть вроде родней тебе доводится? Попрошу завтра, чтобы разрешила денничек пригородить... Как думашь, не откажет?

— Дак пошто, поди, ей отказывать-то? — Мать разводит руками.

— Ну если даст согласие, тогда на ночь у нё можно будет оставлять. А пасти в леспромхозовском табуне. Тоже, поди, не должны отказать — свой же я, рабочий!..

— А доить-то?! — Мать всплескивает руками.— Четыре километра туда да четыре обратно... Это во сколь же подыматься надо будет? Часа в четыре... Да ково там — рание! Пока дойдешь, пока подоишь, а в шесь табун уж поди-кося угонят. У нас вон дак и в полшестого когда уходит...

— Ну а чё заделашь?! Продать — а этова чем кормить? — Отец кивает на Кольку.

— Да ково ты болташь — продать!..

Колька подпрыгивает на ступеньке:

— Не надо продавать Маньку! Я буду на лесозавод гонять!

— Тебя не спрашивают, не сплясывай! Погонщик

какой нашелся! Иди-ко вон в избу! — Отец берет его за локоть и старается приподнять. Колька руку вырывает:

— Ага, а чё я не смогу ли чё ли?!

— Ладно, Коля, пойдем домой. Надо на стол чё-то собрать.— Мать шагает ко крыльцу и подталкивает Кольку к дверям в сени.— Замочи груздешки-то в корыте, а ягоды в чулан поставь,— говорит она отцу.

Колька сидит на лавке. Мать клюкой достает из печи чугунок. Входит отец. Он снимает пиджак, вешает его на гвоздь, отодвигает под верхним голбчиком занавеску, за которой висит рукомойник, долго фыркает, моет шею. Потом вытирается полотенцем и заставляет мыть руки Кольку. Ему не хочется мочить руки, и он упирается.

— Да он же их все с ягодами облизал,— говорит мать.

— Ну да-а! — Кольке хочется доказать, что облизал не «все», он плюет на ладошку и трет ее пальцем. На ладони проступает белая полоска.

— Вот и не все!

— Марш! С мылом! — приказывает отец.

Мать переливает из чугунка в миску жареху, по избе плывет щекочущий ноздри дух упревшей картошки с мясом и луком. Кольке хочется скорее сесть за стол, и он быстро моет руки.

— Што за праздник? — спрашивает отец.

— Да старая курица кластись перестала. Ростится и ростится, парить собралась. Зарубила утресь...

— Вопче-то не ко времени севодня бы,— говорит отец.

— Пошто?

Отец не отвечает и садится на свое место — на короткую лавочку в простенке между божницей и горничной дверью, снимает со стола тряпицу, берет заломанный калач.

— Дай-ко ножик, мать!

Колька пригибает голову к столу.

— Да где жо он? Лешак его знат...— Мать переставляет на лавке в кути ладки, крынки, заглядывает в шкапчик.

— Брал? — говорит отец.

— Бра-ал...

— Куда девал?

— В погребе он...

— В погребе?! — Отец даже к столу приклоняется.— Это-то ишшо зачем?

— От мышей обороняться...— Колька не смотрит на отца, но затылок у него напрягается так, что становится щекотно в волосах.

— Едрит твою налево! А ежели б шею сломал? Или напоролся? А я смотрю — кринка! Неужели, думаю, мать с утра оставила? Прокисло бы... А он ишь чё! Похозяйничать решил!..

— А простакиша-то чё, не поглянулась? — спрашивает мать.

— Ага, там жижа желтая...

— Мыши-то хоть не съели? — Мать улыбается. Колька тоже пробует улыбнуться, искоса взглядывает на отца: лицо у него сердитое, и он опять пригибает голову к столу.— Ладно, ладно, ты-то живой, видим. А вот ножик-то поди-кось до основанья сгрызли...

— Он желе-езный...

Отец встает и уходит на улицу. Мать садится рядом с Колькой, гладит его по голове и спрашивает:

— Больше-то хоть ничё не настроил?

Колька прижимается к ней. Медные волосы ее в закатном окне золотятся, большие зеленые глаза смотрят ласково-ласково и устало-устало. Он прижимает голову к ее груди и трясет головой:

— Больше ничё, только ножик...

Возвращается отец, и они едят. Обжигаясь, Колька ложка за ложкой таскает из миски упревшую за день картошку, прихлебывает жирным куриным наваром, тянет зубами белое мясо.

— Тих-хо! — говорит вдруг отец.— Слышишь, мать? Пищит вроде где-то...

Колька замирает с ложкой во рту. Мать говорит:

— Да как не слышать! Я эть ближе тебя сижу. У Коли за ушами это...

Колька прыскает так, что картошка с хлебом летят изо рта на стол. Мать хохочет, отец улыбается. Кольке становится так хорошо, что хоть пой и плачь разом.

— Ну-ну! — говорит отец.— Значит, на мышей с финкой решил? Герой!

— Кверху дырой! — подхватывает мать. И они опять смеются.

Мать идет в куть, прибирает там. Отец закуривает. Колька распахивает створку и, навалившись на

подоконник грудью, смотрит на улицу. И вспоминает, как плакал Вася.

— Ма,— оборачивается он,— а днем тебя Вася искал. Деньги просил. Сказал, два пуда пшеницы притащит. Заревел тут, а я испужался...

Все молчат. И Колька опять смотрит поверх заплота.

— Запил парень,— говорит отец.— Михаил ему посоветовал в родные места подаваться, а оно вишь как... Жалко их, а чем поможешь? Им, если там хатенку покупать, тыщ пятнадцать надо, не мене. А за эту, ково там дадут... Коровьи слезы...

Слышно, как звенит комар, залетающий в створку.

— Как же завтра с коровой-то быть? — вздыхает мать.— Гнать в табун или не гнать?

— Гони!..— Отец молчит.— Ну а если уж не пустят... Тогда што ж... День самой попасти придется. А я в обед попробую все же с Феофаньей договориться...

Комар все зудит возле уха, нудно, с угрозой. Колька отмахивается, и комар затихает.

— У тебя там, мать, ничё в заначке нет?

— А чё тебе надо?

— А чё спрашиваешь? Сама знаешь!

— Дак а чё ты вдруг надумался? Поели уж... Управляться эть надо!

— У кумы Анны именины севодня. Михаил вчера приглашал, да я все думал: идти — не идти...

— Вот! Дак сразу-то пошто не сказал? И я не ума кума! Штости в голову не пало. Тогда ись не надо было! Если идти дак...

— Пообидятся, если не идти.

— Знамо. А во сколь они собираются?

— Как все управятся и соберутся.

У Кольки приятно щемит в груди: он готов сию секунду бежать к дяде Михаилу и тетке Анне, там будет много сдобных каралек, но ему сейчас придется еще идти встречать Маньку из табуна, чтобы мама успела подоить ее засветло.

— Побреюсь пока! — Отец достает с божницы алюминиевую чашечку, помазок, опасную бритву, наливает в чашечку воды и взбивает пену.

— А ремень где?

Колька обмирает.

— Где ремень, спрашиваю!

— У бре-евен...

— У каких бревен?
— Возле бани которые...
— Ты чё им там делал?
— Жердину тянул.
— Зачем?!
— Надо было...

Отец берет его за руку.

— Ну-ко, пойдем!..

Отец держит крепко, и ему нехотя приходится идти за ним. Возле бревен отец молча смотрит на валяющуюся ножовку, на брошенный тут же ремень, на свежий срез жердины... Кругом виноват! Хочется вдруг оказаться на крыше дома... Чтобы никто не достал!..

— Да я же эту жердину берег! В охлеве матка подгнила! А ты што мне тут!..— Отец хватает ремень, замахивается: — Вот как жварну щас!..

— Па-апка-а! Не бей! — кричит Колька.

— Иван! — кричит из створки мать.— Не тронь его. Христа ради! Корыстен ум у робенка!

Колька вырывается, бежит и слышит, как отец сзади громко ругается:

— Мать их всех в лоб! Доведут — родного сына изувечишь!

Кольке обидно, как никогда. Он, рыдая, залетает в избу, взбирается по приступкам на верхний голбчик, с него — на полати, зарывается лицом в подушку. Следом входит отец.

— Хово он там начебарничал? — спрашивает мать.

— Матку мне для охлева испортил! — говорит отец сердито.

Колька вскидывает голову.

— Я вот вырасту, я тебя тожо тогда!..— И зарывается лицом в подушку.

— Коля!! — Голос у матери звонкий.— Ну-ко, перестань! Разве можно так на родителей говорить!

Протяжно мяукает в кути кошка, выпрашивая у матери косточку. Мать позвякивает посудой. Тикают ходики. Колька изредка вздрагивает всем телом. Слышно, как где-то далеко-далеко мычит корова... Отец сердится и, наверное, не возьмет его к дяде Мише, а может, они не пойдут совсем...

— Ма-а,— тянет Колька.— А Маньку-то надо встречать или нет? Ты чё меня не посылаешь?

— А чё тебя посылать? Ты и сам знашь, што идти надо.

Колька спускается иа пол. Отец добривает подбородок. Не убирая бритву от горла, он подмигивает Кольке и спрашивает:

— Каральки пойдем ись?

Колька выскакивает в сени.

Маиьку он находит в полынище за огородами, которые тянутся к Волшине — ручью, впадающему в Тобол.

Мать доит корову посреди ограды. А ои таскает на место доски, опять укладывает их в штабелек. Приносит к штабельку и обрезки жерди.

Они одеваются в чистое и идут в гости. Крестный встречает их на крыльце. Ои звонко, со всего размаха, шлепает широченной своей ладоиью в ладонь отца и гудит:

— Ну как жись!

— Такая жись, хоть в гроб ложись! Корову пасти запрещают! — Отец сплевывает в сторону. А дядя Миша толкает его кулаком в плечо:

— Ничево-о! Не на тех нарвались!

Кольке весело. За столом уже сидят. Тетка Анна подает ему сразу две каральки, и он бежит иа ограду, угощает дяди Мишиного Верного. Кобель гремит цепью и тянется к Колькиным рукам, Колька прячет их за спину, качает головой и говорит:

— Я сам как следует не попробовал!..

И опять отламывает от сдобного хлебца кусочек и бросает собаке...

В углу, возле сарая, стоит передок телеги с потрескавшимися деревянными колесами без ободов. Колька садится на передок и гудит — едет на машине. Потом он выходит за ограду — на лавочку.

Из открытой створки дома несутся веселые голоса.

Темнеет. В густом синем небе плывут фиолетовые облака. Где-то рядом протяжно мычит заблудившаяся корова. В ближнем проулке кричат ребятишки: «Ага, Витенька, я тебя задела!» — канючит девчоночий голосок. «А вот и не задела! А вот и не задела!» — отвечает ей Витька. Играют в догонялки.

За штакетником палисадника слышатся топающие шаги. Сквозь сирень не видно, кто идет. Из-за угла палисадиика выворачивает к воротам мужик, и Колька сжимается — это дядя Аркаша Безуглов. Увидев его, бригадир останавливается, хочет повернуть обратно, ио передумывает.

— Отец тут?

— Ту-ут...

В нзбе громко сдвигается стол, что-то падает, взвизгнвают женщнны.

— А-а! Явнлся! — Голос отца за спииой из створкн так резок, что Колька вздрагнвает.— Заходн-заходи! Чё у ворот мнешься?! Заходн, ну-ко! Я те тут объясню, на какой я земле живу!

Безуглов молча поворачнвает за палнсаднпк. Отец, еще сильнее высунувшнсь нз створкн, крнчит ему сквозь кусты:

— Я на своей земле жнву! На своей!! Запомнн это! Ты! Безуглов!

— Задний ход! — Дядя Мнша тяиет отца за плечн.— Мы с им завтра разберемся!..

Колька вскакнвает, бежнт в нзбу, припадает к матерн:

— Пошли домой!

Мать гладит его по голове.

— Погоди, сыиок, погодн. Вот поснднм нншо немного н пойдем. Ты нсь хошь?..— Колька мотает головой.— Ну, ложнсь вон тогда на койку, полежи...

Колька ложится н утопает в подушке.

— Давай споем! — громко басит дядя Миханл.

— Вот это дело! Давай! Какую! — крнчат все в голос.

И опять всех перекрывает густой дяди Мишнн бас:

— Иван! Заводн иашу!

Отец смотрнт в стол н вдруг высоко затягнвает:

В воскресе-енье мать-стару-ушка
К воротам тюрьмы прншла-а...

Все подхватывают:

И в платке родному сы-ыну-у
Пе-ре-да-чу прниесла-а.
Передайте хлеб сыно-очку,
А то люди говоря-ат,
Што в тюрьме-то заключе-онных
Сильно с голоду моря-ат.
Ей привратник отвеча-ает:
«Твой сыночек осужден,
Прошлой ночью в час рассветный
На спокой отправлен он...»

Отец бьет кулаком по столу.

— Расстрелялн!! — Ои роияет голову, проводит рукой по глазам. И сиова встряхнвает волосами:

По-верну-улась мать-стару-ушка,
От ворот тюрьмы пошла-а.
И никто про то не зна-ает,
Што в душе она несла...

Глаза у Кольки закрыты, ему видится: строй белогвардейцев с хмурыми лицами поднимает по команде винтовки и целится в босоногого человека в белой рубахе, с руками назад, человек дергается грудью вперед и плюет, стволы винтовок тоже дергаются, человек изгибается, но не падает, и опять дергаются стволы — совсем так, как в кино...

В вос-кре-сень-е мать-стару...

ВЫСОТА

Сперва запокалывало, защемило сердце, потом вспухла в груди жгучая волна боли, поднялась в голову, затуманила на мгновение ум и стала опускаться, уползать в поясницу, в живот, растекаться по всему телу.

Иван Федорович замер, будто прислушался, и как вдавил в землю лопату, так и сполз по ней, осел на колени, сжал немеющими руками, чтобы не упасть совсем, гладкий черенок, положил на сгиб локтя голову. Сморщился, простонал. И вспомнилось, что вот так же вот скользил он ладонями по цевью винтовки, оседая тогда у подножия высоты, возле яблони с покалеченной осколком отвилкой-культей...

«Лечь бы...» Он повел устало глазами, как бы заново увидел комья свежей копанины перед собой и осторожно неглубоко вздохнул. Земля была еще сырая. Иван Федорович кое-как поднялся с колен, добрел, опираясь на лопату, до скамейки и столика под сливой, любимого их с Марией места самоварничанья, и грузно сел, привалился лопатками к спинке.

«Тяжелый-то какой сразу стал»,— подумал о себе, как о постороннем, Иван Федорович. И невольно отметил: до чего нежен нынче розовый яблоневый цвет.

— И копать-то осталось всего ничего,— пробормотал он и удивился: нижнюю челюсть будто сводило, язык не слушался.

Он полез в карман пиджака, где всегда лежал нитроглицерин, и тут только вспомнил, что надел другую одежду. Старый серый пиджачишко, в каком он всегда ездил в сад, Мария собралась стирать и ни в какую не дала сегодня. Он уж сунул руку в рукав, она ухватилась: «Куда?! С грязи лопается!» Он осердился: что, мол, еще надо, само дельно в землю ковыряться. Отобрала и бросила в угол: другой надевай!

«Вот и надел... Лекарство-то в том осталось. Как это я? Рассердила, старая...»

Взгляд его соскользнул с розовой верхушки яблони к белому еще от извести комлю — не смыл дождь, прошелся по глянцевитой, высоконькой уж траве под межевыми деревьями, переместился на соседский, бабушкинский участок: весь перелопачен, вчера и позавчера Вася тут, рядом с ними, ломил, как лось. А сегодня дверь Васиной дачи была, как обычно, замкнута хитрым висячим замком.

Снова сильно толкнуло. Иван Федорович закусил нижнюю губу: худо одному вот так-то...

Подождал, пока схлынет волна боли, пробормотал, как бы пробуя слова на вкус:

— Пропадет отгул... Жалко. Денек как по заказу...

И опять всплыла в памяти, который уж раз за эти дни, пятница. Балуни и Петька...

Щупленького, белобрысого паренька привел к нему в цех месяц назад его старый приятель, тоже токарь, но из ремонтного цеха — Иван Седельников. Когда поздоровались, Седельников, глядя на смущенного мальчишку, хлопнул ладонью по станине, сказал: «Ну вот, знакомься! И молись, чтобы Иван Федорович не отказал. А мы пойдем потолкуем...»

В сторонке без подготовки взмолился сам: такое, мол, тезка, дело, не откажи, возьми парня в основной механический, в свои руки, обучи, сделай человеком, в ПТУ отдавать неохота, разболтают там парня в момент, а ему теперь и опереться не на кого; сирота, родителей прошлым летом шаровой молнией на покосе убило, осталась только старшая сестра да вот он — дядя по матери; сестра замуж-

няя, у самой двое, живет в маленькой деревушке, некуда там мальчишке податься, с грехом пополам восьмилетку в интернате закончил...

Иван Федорович, слушая Седельникова, смотрел на паринишку, как тот, осторожно нагнув голову, под станок заглядывает, и в душе его щемило, уже знал: отказать не сможет, хотя и сказал себе год назад, поздравляя своего Славку Скворцова с присвоением четвертого разряда, что все — этот последний... Спросил Ивана на всякий случай, а сам-то, мол, что же к себе не возьмешь? Седельников скривил щеку: «Уж на что бы лучше-то, да ты же знаешь... У нас все шиворот-навыворот!.. Начальство говорит: родственник, не положено. И хоть в глаз коли, хоть ухо режь!» Он сказал: «Ладно! Уговорил. Беру...»

Подошли к Балунину. Иван Федорович коротко объяснил ситуацию. Мастер будто только их и ждал, понимающе развел руками: о чем разговор, валяйте в отдел кадров...

И вот уж три недели Петька стоит за соседним станком, точит и нарезает болты. В первые дни Иван Федорович на него даже сердился: начинаешь что-то говорить, объяснять, он смотрит в сторону, в одну точку, и неясно: понимает ли? Спросишь: понятно? Пожмет плечами... Покажешь: ясно? Головой мотнет, подбородок в грудь, чуть зубы не брякают. А потом заработается. Плечи расправятся. И все так, как показывал. И Иван Федорович определил для себя: хоть и маленький, на вид тихонький, но смышленый, настырный даже — толк будет...

В груди опять сильно сжало. Иван Федорович застонал и лег на широкую скамейку, скрестил руки на животе, повернул поудобнее голову, чтобы солнце, прорываясь сквозь листья сливы, не попадало в глаза. И опять осторожно, насколько позволило, глубоко вздохнул. Воздух-то! Аромат-то! Живи да радуйся только. Пчелы гудят в цветках, возят в них хоботочками, не спеша взлетают с одного цветка, с достоинством на другой садятся. И нет им дела ни до чего на свете, нет другой радости, кроме одной, самой сильной,— труда... Он закрыл глаза. И прерываемые молотом в груди, опять закопошились те же мысли...

Балуин, новый их мастер, в основном механическом тоже без году неделя — третий месяц. И все это время никак не мог Иван Федорович найти к нему подход. С прежним Василием Платонычем было все просто: спросил — получил ответ. Но Василию Платонычу подарили самовар с гравированной надписью на боку: «Уважаемому ветерану от коллектива ОМЦ». А на его место пришел Боря Балуин, сорокапятилетний, верткий, непонятный... Да что уж там теперь!.. Теперь-то в общем целом как раз и понятный. Пятница эта все прояснила...

К концу дня он зашел в конторку к Балуину: надо было договориться об отгуле на понедельник — закончить дачные дела. В конторку он заглядывал теперь далеко не каждый день, не так как при Василии Платоныче. Чувствовал: Балуину эти его приходы не нравятся. Но пересиливал себя и все же заглядывал, на правах профорга. С Платонычем у них было заведено: он просматривает наряды и сам выписывает, что ему надо для подведения итогов. Сорок человек — не шутка... Балуин в первый раз, когда Иван Федорович, придя в конторку, хотел взять пачку исписанных нарядов, прикрыл ее ладонью: «Народный контроль? Это без надобности! Точность гарантирована». Иван Федорович сдержал обиду, объяснил: дело не в точности и не в контроле, а в соревновании. «Я дам окончательные цифры на отдельном листке!..» — «Да зачем же лишнюю работу делать? У тебя и так ее хватает... Я профорг, я и выпишу, что надо». Балуин руку с пачки убрал. И в другой раз уж не накладывал, а лишь мельком взглядывал и улыбался, опять писал.... Ладно, пусть! — решил Иван Федорович. Но осадок в душе оставался. Что скрывать-то?! Каждый из сорока делает свою работу, какая ему по силам, своего не отдаст, и ты, мастер, только следи за тем, чтобы силы эти не тратились впустую. Конечно, не все силы равны: Меньшикова не сравнишь с Геной Карасевым — пьянь и есть пьянь. Но ты тогда спроси, если сам еще не понял...

В пятницу Балуин как раз писал. Иван Федорович присел, достал блокнотик: «Разреши, Борис?» — «Пожалуйста, Иван Федорович!.. Что вы разрешенья-то спрашиваете? Вы же профорг!..» Иван Федорович взглянул на него поверх очков: смотрит

серьезно, вроде не шутит. Он углубился в строчки, привычно пробегал их глазами. И так же привычно отмечал: вот опять Коля Меньшиков неплохо поработал, вот Витя Семенов... А вот и его наряд: ось, муфта, вал, болты... Болты?.. Иван Федорович даже приблизил лист к глазам. Поднял голову. «Борис, что это ты тут мне понаписал?» — «Где? Что?» Балуин оторвался от писанины. «А вот! Болты... Что за болты?» — «А! Эти! — Балуин посмотрел с каким-то веселым вызовом.— А куда их девать?» — «Как куда? — Иван Федорович опешил.— Да в наряд! Тому, кто делал! Я же их не точил! Это чьи же? Кто у нас ими занимался?..» — «Да Петька ж твой!» — «Петька?..» Тут только до Ивана Федоровича дошло. Он опять посмотрел на Балуина поверх очков, будто увидел впервые. Наконец выговорил: «Ему и запиши!..» — «Ему еще рано! Вот когда сопли высохнут, тогда и запишем. А сейчас не положено, на тарифе сидит и норму пока не делает».— «Ну а мне-то они зачем?» Балуин добродушно улыбнулся: «Помешают разве?»

Ивану Федоровичу стало трудно дышать. Он встал, снял очки, аккуратно положил в футляр: «Ты эти штуки брось! Ты со мной... Ты против меня...— Он не находил слов.— Да ты молокосос еще, чтобы со мной так разговаривать!..»

Балуин тоже встал. Он по-прежнему улыбался. Хоть и не так весело, как минуту назад, но улыбка с губ не сходила. Немного побледнел. Но смотрел прямо, глаз не отводил. «Не кипятись, Иван Федорович! Зря ты так... Зря ты так думаешь... Я же как лучше хотел. Зачем, думаю, работе пропадать? Мало ли что... Парень сирота. А вы ему подкинете... Я и предупредить вас хотел. Да из головы вылетело. Скажи я сразу, как вы вошли, теперь так и не было бы...»

Иван Федорович смотрел на Балуина в упор. И ни единого путного слова не рождалось в голове. Добра хотел... Повернулся и пошел к выходу. И только уж за дверью вспомнил, зачем приходил. Снова приоткрыл дверь, наклонился за косяк: «Разреши мне взять отгул на понедельник».— «Пожалуйста! Какой разговор!» Балуин раскинул руки в стороны...

Переодеваясь в чистое, Иван Федорович смотрел

иа полуголых ребят с мокрымн еще после душа, растрепаииымн волосамн, слушал нх голоса, шуткн и все снлился вспомннть: кто-то что-то уже говорнл про Балуниа в первые дни после его прнхода... Рядом иатягивал майку Меньшнков, тоже его выкормыш. «Коля, в каком то бишь цехе Балунн до нас работал?» — «В штрнпсовом, кажнсь».— «Ну да, это да... Я знаю... А это... Ты не слышал, почему он оттуда ушел?» Коля пожал плечамн: «Наверио, здесь простору поболе... Там-то что у прокатчнков — станков десять-пятнадцать».— «Ну а это...— Иван Федорович выбнрал.— Как там у иего? Ты не слышал? Чнсто? Ребята вроде что-то говорнлн, да я пропустнл...» Коля опять пожал плечамн: «Черт его знат, Иван Федоровнч! Своимн же глазамн ие вндел. Говорят, кого-то он там обндел... А так, черт его зиат...»

По дороге к проходной Иван Федорович перебнрал в памятн бывшнх своих учеников, вспомниал, кто из инх может быть в штрнпсовом. Кажнсь, Петя Грачев... Встречаясь в трамвае, Петя все прнглашал посмотреть новую квартнру, даже как-то дал адрес...

На заводской площади Иван Федоровнч остановился, надел очкн, достал запнсную кннжку, нашел Петин адрес. Жнл Грачев в новом мнкрорайоне, в стороие от его дома, но Иван Федоровнч все равио поехал.

Открыла ему дверь Петнна жена, Вера, сам он еще ие вернулся с работы. Вера провела его в комнату, а сама убежала иа кухню. Вскоре прншел Петя. Поболталн о том о сем, пока Вера собирала на стол, сели ужннать, н внд у него был, иавериое, такой, что Вера решнла, подн: мужикам лучше не мешать, и убежала к соседке. Тут Иваи Федоровнч и спроснл про Балунна: что, мол, за история там с ннм у вас вышла? И Петя сказал: брал Балунн пятерки за выгодные работы. «И давалн?!» — Иван Федоровнч даже задохнулся. «Еще как! — Петя нехорошо усмехиулся.— Даже конкуренцня иачалась: кто иа гривенник больше!.. Перегрызлнсь все как собакн!..» — «И ты давал?!» Петя опустнл голову: «А куда деиешься, Иван Федоровнч?.. Сюда ведь тоже надо! — Петя махиул за плечо кулаком с оттопыреным большим пальцем. Иваи Федорович оторопело посмотрел в ту стороиу, в коридор, ведущий

с кухни в комнаты.— А у него там подпорка в заводоуправлении: не то тесть, не то брат жены...» — «Так он, что же, с шапкой по вам ходил?!» — «Если бы!.. Сами в конторку несли! Да еще оглядывались, как бы никто не помешал *по душам* разговаривать!..» С минуту тягостно молчали. Иван Федорович как наяву увидел строчки своего наряда, улыбку Балунина... У него защемило сердце. «Как же жить-то после этого?!» — горестно вырвалось. Петя глянул на него и опустил голову. Иван Федорович поднялся. Простились они с Петей Грачевым торопливо. Муторно было на душе всю дорогу к дому...

Позавчера, в субботу, он рассказал эту историю жене. Мария рассудила так: «Што уж ты, Ваня, так-то сильно переживаешь? В первый раз, што ли, с людским срамом сталкиваешься?» Он кивнул: «Не в первый... А все равно больно...»

Где-то совсем рядом защелкал соловей. Иван Федорович прислушался к его голосу с радостным каким-то удивлением. Щелчки были редкие, протяжные и такие насыщенные, будто кто-то в пустой еще комнате нового дома прислонил лучинку к оконному стеклу и — щелк! щелк! щелк! Внимая птице, он опять загляделся на розовые яблони у межи...

Дача, дача... Одна, поди-кось, такая постройка во всем саду и есть. А кому вот она?.. Он не решился даже про себя договорить — «достанется»... Ни сыновей, ни внуков... Задумал он построить ее еще в те времена, когда, выполняя госпитальный зарок, выписал на заводе участок. Со строительством не торопился. Поставил для начала навес, разбил рядки яблонек, смородины, крыжовника. И все откладывал сыспотиха деньжонки с зарплаты, ждал удобного случая, чтобы поставить домик, какой хотелось: чтобы и печка-лежаночка, и куть с занавеской, и передний угол с лавочкой и столом дощатым, и горенка — словом, родительский пятистенник в уменьшенном виде, в память о покойных отце с матерью и о той сибирской деревушке, где родился, рос и жил до войны. Такой, как виделся, и сделал домик пятнадцать лет назад, когда еще полноправно работал на заводе и каждое лето живал в подшефном колхозе. Там и купил недорогой домишко на снос.

Перевез, срубил — с резными наличниками, узорчатыми коньком и карнизом, маленьким фигурным крылечком. Над двухскатной крышей у печной трубы укрепил жестяного петуха, который поворачивался носом к ветру и тихонько свистел.

Васька Бабушин, глядя по-соседски на его хлопоты, шутил: «Рискуешь, Иван Федорович! Смотри-и!.. Заведется в твоем тереме красотка, а тебя и сторожем не поставит».

Мария ворчала: «Чего ради ломаешь себя? Здоровьишко-то сиротское. Отдыхал бы, не выдумывал...» — «А вот пойду на пенсию и отдохну... С красоткой!» Смеялся. Знал: Марию хлебом не корми, дай поворчать, и привык, что она против всего, что может затруднить его здоровье...

Пришел Иван Федорович с войны с одной-единственной, но серьезной раной. В саду у той высотки пуля прошла заподлицо с сердцем, только толкнула его горячим боком. И то ли это повлияло, то ли еще что, но стал Иван Федорович носить в кармане нитроглицерин. И Мария всегда была настороже. «Иван, ты куда опять фуфайку начищаешь? В колхоз собрался? Не пущу!» — кричит, бывало, она, вырывая ватник из рук. Иван Федорович не выдерживал: «Вот блажная! Ты чего голосишь по мне, как по покойнику?! Помощь моя тут тебе не нужна! В магазин сходить у самой силы хватит. А там!..— кивал на дверь.— Там другое дело! Ты подумай сама: кому хлеб-то убирать?! А я и трактором, и комбайном владею». Забирал ватник и уезжал...

«Петьку, что ли, усыновить?..— подумал неожиданно Иван Федорович. Мысль эта показалась ему тревожной и привлекательной. Он приподнялся на локте. Представилось: вихрастый, белобрысый Петька смущенно глядит в сторону, в одну точку.— Как бы он, интересно, отнесся?»

Иван Федорович осторожно, чтобы не разбудить боль, встал, кое-как собрал инструмент, понес в домик. В маленьких сенцах, в углу, где была устроена инструменталка (так называл он полки, прикрепленные к стене петельками), бросил грабли и лопату на пол. Запер дверь, вышел.

Солнце било в спину. Высоченные тополя, росшие вдоль ограды, бросали тень в сад, за штакетник. Рябая от солнечных пятен тень манила. Но Иван

Федорович упрямо отворачивался от иее, поглядывал в другую сторону, туда, где в зыбкнх струях колебалнсь окончатые прямоугольникн окраннных городскнх домов. Там, через какие-то три-четыре кнлометра,— трамвайное кольцо. Больше хажнвалн!

Обогнув угол садовой ограды, за которым была автобусная остановка, он грузно сел на шнрокую лавку. Оглядел дорогу. Пусто. Автобусы к ннм сюда ходят через раз... Прорычал трубовоз. Пролетел «газон» с тощнмн коровамн в кузове. Протрещал «Запорожец» с большим кошелем на крыше.

Иван Федоровнч прислонил ладонь к грудн: стучнт н снльно стучнт!.. Но какое-то зудящее нетерпенне толкало его с места, будто шептало: ие опоздай!..

Асфальт был положен недавно, шагать по нему было душно. Разогретый не по-весеннему жарким полуденным солнцем, не остужаемый ветром, он дегтярно бнл в нос; резкнй запах застревал в горле.

Иван Федорович свернул на обочнну. И тут не лучше. Прндорожная трава заляпана грязью: не зелеиая, а серая, прн каждом шаге взрывается фонтанамн пылн.

Сзадн заурчал мотор. Ивана Федоровнча догонял ЗИЛ. Доскн в кузове распиралн борта, моталнсь концамн по земле. «Что ж он без прнцепа?!» — чуть ие выговорнл Иван Федоровнч вслух. Но руку все же поднял. Шофер в ответ махнул куда-то влево, н доскн, снльно прогнувшнсь на выбонне, чнркнулн по асфальту.

Иван Федорович еще раз с надеждой поглядел на шоссе. Длнннная серая лента была пуста. Ои отошел подальше от обочины, туда, где молодая трава зелеиела сочно н ие было пылн, постоял иемного, держась за сердце, н двинулся дальше — к подрагнвающему в мареве трамвайному кольцу. Изредка бормотал сквозь зубы:

— Ннчего, Петро... Как-инбудь... Мы еще повоюем...

И все чаще засовывал руку под пнджак, гладнл ладонью левый сосок, будто успоканвал капрнзного ребенка. Но боль в грудн стала такой снльиой, что ои сначала прнсел, а потом прнлег иа правый бок, примяв желтые медали одуваичнков.

Бабочка опустнлась на одуванчик перед глазамн Иваиа Федоровича, сложила белые крылышки, разве-

ла нх в стороны н опять сложнла. Он увндел на ее радужной головке две тоиюсеиькие чериые палочкн с шишечками на концах — точь-в-точь вязальиые спицы.

Иван Федорович застонал. Бабочка испугаиио вскинула крылышки, часто замахала ими, боком, заваливаясь, улетела.

Такого, пожалуй, еще не бывало. Случалось, прихватывало, сжимало, ио пил лекарство, н расслаблялось, отпускало. А тут зажало в клещи и бьет, бьет так, что плывут перед глазами похожие иа одуванчнки кругляши...

— Эт-ту... нель-зя... эт-ту нель-зя...— Он стал подыматься. Распрямился с усилием. До асфальта было два десятка шагов. Ступнл иесколько раз, за иогу дериула проволока, кулем свалнлся в траву. В голове поплыл иепрерывиый гул. Он опять оперся на руки, подтяиул к животу колеии, встал иа четвереиьки, с трудом, будто иа шею повесили двухпудовую гирю, медленио разогиулся, выпрямился в рост, пошатываясь, пошел к дороге. Напрягся, подиимая тело иа щебеиочиую обочину. Под иогами хрустиула галька. И едва ие упав вторнчио, Иваи Федоровнч ие шагнул, а косо выступнл иавстречу красиой машиие. Нос «Москвича» замер возле иего, чуть не толкиув в пояс. Иваи Федорович не удержался, оперся руками на горячий капот н ощутил масляиый запах, такой зиакомый по цеху. Он с трудом подиял голову, посмотрел иа ветровое стекло. Увидел полиого лысеющего мужчину. Водитель вцепился белыми пальцами в верх бараики, навалнлся на иее грудью. Огромные голубые глаза впилнсь в Иваиа Федоровича.

— Пе-тя... сы-но...

Локти его вдруг подогиулись, н ои ударился щекой о капот, ие почувствовав боли, стал медленио сползать по красиому гляицу, стараясь удержаться сильио растопыренными пальцами.

Последнее, что ощутнл Иваи Федоровнч, было: чьи-то сильиые руки подхватили его и бережно понесли куда-то.

НАДЕВАЙТЕ ТАПОЧКИ

Позже я понял: Ксеня, наша соседка синзу, с четвертого этажа, человек не такой уж простой, но от этого легче ие стало...

Ксения колотила по батарее отопления какой-то железякой, думаю, что молотком, и еще думаю, что лежал он у нее, наверное, под подушкой, не иначе, потому что грохот этот в ночной тиши возникал так внезапно, что я вздрагивал, и тут же слышал, как вскакивает Вера и с пронзительным «о-о-о!» летит к разбуженному грохотом Мишке.

Он плачет. Жена злится. Я подхожу к ним и, вспомнив о недавно вычитанной в книжке аутогенной тренировке, приказываю себе: «Спокойно... спокойно... спокойно...» Закрываю глаза, глубоко вдыхаю воздух, пытаюсь подавить раздражение, начинаю сонным голосом мурлыкать что-то заунывно протяжное, чтобы притворным спокойствием этим усыпить сына.

А Вера мчит на кухню, к аптечке, стучит пузырьками, шуршит упаковкой таблеток.

«Какие мы все нервные, просто спасу нет!» — думаю я сначала про соседей, потом про жену, а потом и про работу — там, конечно, не стучат по батареям, но, когда заводишь с начальством речь о жилье, сердце после этого прыгает тоже очень долго.

Кое-как успокоив сына, я ложусь в постель, закидываю руки за голову и впиваюсь глазами в светлое пятно на потолке. Жду жену, чтобы сказать ей: сын не виноват, что на свете полно дураков. Собираюсь сказать ей это спокойно и, если понадобится, двумя-тремя емкими фразами втолковать: неразумно настроение семьи ставить в зависимость от внешних раздражителей; ведь что же получится — меня отчитает на работе начальник, а я приду и наору на них с Мишкой? Глупо... Но предугадываю Верину реакцию: пошлет к черту! Снова раздражаюсь. И опять призываю себя к спокойствию.

Вера возвращается с кухни, громко топая по полу голыми пятками. Шаги ее набатно ухают в ночной квартире. Я вдавливаюсь в постель, жду, что Ксения ответит на этот Веркин вызов и ночная дуэль не кончится до утра.

Одно время я не на шутку боялся, что Вера, как и Ксения, будет класть под подушку молоток, и спрятал его от греха подальше. Но, славу богу, у жены хватило ума не копировать глупость. Зато не хватало на другое. Бросившись в постель, она втыкала локоть в подушку, приподымалась воинственно и мстительно отчитывала меня за мою мягкотелость, за мой рыбий

характер, потому что его не хватает даже на то, чтобы поставить на место нахалку с нижнего этажа.

— О том, что ты добьешся когда-нибудь собственной квартиры, я уж и мечтать перестала! — доканывала меня жена.

Я злился, но, пропустив мимо ушей убийственную реплику о собственной квартире и кое-как сдерживаясь, пытался все-таки доказывать: нельзя опускаться!

— Это же больной человек, разве не ясно? — говорил я, надеясь, что обойдется без ссоры.

— Не я-яс-но! — передразнивала Вера и, качая головой, выдыхала: — Да ско-лько можно тер-петь?!

Тогда я приставлял к ее лбу, как пистолет, указательный палец, слегка отодвигал ее голову и говорил назидательно:

— Не ши-пи!

— Идиот! — звучно шлепала она по моей руке.

Устав от бесполезных слов, я замолкал. Постепенно остывала и Вера. Но всегда, уже засыпая, я слышал ее ворчание.

Впрочем, все это началось потом, когда мы прожили на этой квартире недели две-три. А сперва жилье нам очень понравилось. Обстановка приличная: мебель, холодильник, телевизор. Но главное — цена семьдесят рэ. По нынешним временам просто дешевка!

Хата — блеск! — решили мы.

Хозяйка, добродушная женщина, передавая ключи, заверила, что нам тут будет удобно, что никто, пока они с мужем за границей, не побеспокоит нас, что соседи — милые люди, да это и неважно, жить не с ними.

И мы стали обживать нашу пятую за последние три года квартиру. Через некоторое время Вере показалось, что мебель стоит не так, она набросала на листочке другой вариант. План тут же осуществили, Мишкину кроватку поставили в маленькой комнатке, там же разместили ящик с игрушками, коробки с книгами. Супружеское ложе устроили на тахте в большой комнате, напротив решили поместить телевизор. Ради этого не поленились передвинуть сервант и шифоньер. Я при этом был коренником, Мишка — пристяжной, а Вера, конечно, кучером. Делали все с шумом, смехом. Нам было приятно «вить гнездышко».

Тут-то и прозвучало первое предупреждение. Стучали так, что наша батарея издавала частые высокие ноты, характерные для чугуна, когда по нему колошматят не жалеючи.

— Это еще что за музыка? — спросила Вера.

— Туш! В честь нашего новоселья,— усмехнулся я.— А в общем-то действительно... Не слишком ли мы разошлись? Дай-ка лимонную корку.

— Зачем? Пойдешь к соседям чай пить? И заодно объяснишь им, что, пока мы переставляем мебель, можно было потерпеть?

— Не угадала. Подложу под ножки шкафа...

Повозмущавшись, да и то скорее для порядка, мы в тот раз решили: мало ли, может, наша резвость помешала кому-то спать, а ему рано на работу... С помощью лимонных корок более-менее бесшумно передвинули мебель на облюбованные места, и остаток вечера прошел мирно. А потом были праздники, и мы на несколько дней уехали. Вернулись, совсем позабыв о том случае.

Вскоре была получка. Я, помню, купил кое-каких продуктов. Сыну подарил маленький синий стульчик. Все были довольны. Вера возилась на кухне. Я читал газету. Мишка пытался прыгнуть со стульчика на пол. Я придержал стул, а Мишка, надувая щеки и шатаясь, влез на сиденье. «Давай, давай!» — подбодрил я. Мишка вцепился ручонкой в спинку стула, осторожно опустил на пол сперва одну ногу, потом победно шлепнул рядом другую — вроде бы прыгнул. И от радости завизжал. Мне стало смешно, я решил помочь ему прыгнуть по-настоящему, подал руки — он смело ухнул обеими ногами. Снова взобрался на стул и снова прыгнул, потом еще и еще...

— Бу-бу-бух! — взорвалась батарея.

Мишка насторожился, подошел к радиатору и приложил ухо. И снова с радостным воплем кинулся к стульчику. Я отказался продолжать игру.

— Они что, с ума посходили?! Ну, я им щас! — Вера кинулась к двери, я едва успел схватить ее за руку.

— Не дергайся! Нам здесь еще жить и жить!

— Жить?! В этой барабанной мастерской?! Да ты чокнутый какой-то! Что ж мы так и будем терпеть этот грохот? Будем терпеть, да? Они будут колотить, а мы подопрем головку кулачком, будем

слушать и наслаждаться? Ты к этому меня призываешь?

— Перестань. Там тоже люди... А Мишка прыгал...

— Подумаешь! Сходи к ним сейчас же! Ииаче они отравят нам всю жизнь!

— Да что ходить?! Что ходить?! Неужели они сами не понимают, что слышим их ие только мы, а все, весь подъезд?

— Не разрешаешь мне, иди сам! — напирала жена.— Это будет даже лучше, весомее!

Я покачал головой. Мне тогда казалось, что это просто недоразумеиие, стечение обстоятельств, не больше.

Одиако трезвон стал раздаваться по любому, самому пустячиому поводу. Неосторожно двинули табуретку — бах! Мишка машину прокатил — тоже бах!

Вера требовала возмездия. И воздать его должеи был я — глава семьи. А я терпеть не могу объяснений! Даже с Верой. Когда оиа начинает на высоких нотах говорить со мной о чем-то, на мой взгляд, невозможном, я долго не знаю, что ей ответить, как убедить. Только мотаю головой и молчу. Нужные слова приходят мне на ум, как в поговорке, опосля. Тут же надо было разговаривать с совершеиио незнакомыми людьми. Бог ты мой, разговаривать... Легко сказать!..

Находчивостью я иикогда не отличался. Это моя вечная мука. Я всегда завидовал тем, кто с ходу с первым встречным-поперечным начииает болтать, ну о таких уж, кажется, пустяках, что дальше некуда. И ничего — острит, смеется. И встречиый-поперечный тоже смеется. Как все просто!.. А у меня... Да вот скажите, бывает с вами такое: вот незнакомый человек, с иим надо говорить ну хоть о чем-нибудь, ну хоть минуту, вы лихорадочио роетесь в голове, а там — пусто, и даже нет, не пусто, а просто все кажется таким незначительным, не стоящим слов... (ну ведь не «как дела?» же спрашивать!..), и вы молчите; тишина, хоть провались; а голова тяжелеет и тяжелеет... Не бывает? А у меня, к несчастью, так всегда — до сих пор...

Я не пошел к соседям. Я поставил «глушители» на табуретки и стулья — прибил к ножкам войлок. Заставил жену купить тапочки на мягкой подошве. Звук у телевизора мы некоторое время включали так, что приходилось к уху приставлять ладонь. Но как

«убавнть звук» у Мншкн? Как? Он, поросенок, мог бы, конечно, вестн себя н потише, да поди втолкуй это человеку, которому едва-едва стукнуло полтора. Я пытался одергнвать его. Но Вера заявнла:

— Не смей мешать ребенку резвиться! Ему необходимо расходовать энергию! А для этого нужны свобода и пространство! Пусть делает, что хочет! И вообще! Не хватало еще, чтобы он вырос тюфтей вроде тебя!

Что я мог возразнть на это? Махнул рукой н сказал:

— Играй, Мншка!

Познакомнлнсь мы с соседом неожнданно. Еслн не ошнбаюсь, месяца через два после новоселья. Да, точно, через два. Был мой день рождення. Прнгласнлн гостей. Как-ннкак круглая дата — трндцать пять. Все было очень мнло: пнлн, елн, танцевалн. Шум, гам я не сдержнвал. Идет он к черту! Я был смел. И сосед это, виднмо, чувствовал — сидел тнхо.

В одиннадцатом часу длннный-предлнннный звонок. Бегу открывать.

Передо мной — коротышка лет пятндесяти в наглухо застегнутом байковом халате. Рукн крепко сцеплены под грудью. Ногн — без чулок, но в толстых шерстяных носках домашней вязкн — сунуты в потертые зеленые тапочкн. Головка маленькая, лицо круглое — без морщин, даже на лбу; гладкне, без еднной седннкн волосы стянуты на затылке, ушки торчат, нос остренький, губы — в ниточку, а буравчики глазок так и вонзнлись в меня.

— Вы што?! Вы што это, а? Известн нас вздумали?!

«Вот он, ворог!» — пронеслось у меня в голове. А коротышка сыпала:

— Шукатурка!.. Шукатурка с потолка валится! А им хоть бы что! У меня там!.. А онн!.. Не-ет, это вам так просто не пройдет! Я вам это так... не разрешу! В домоуправление пойду!

Я растерялся.

— Но... все в рамках... нет однннадцатн...

— В ра-амках?! В рамках, говорнте?! И как у тебя, бесстыжего!..— Она не договорила, покачала головой: — А еще антнлнге-ент! Прн га-алстучке!

Хорошо, что не было на мне шляпы. Но «галстучек» задел все же крепко.

— Извините! — сказал я.— У меня день рождення! — И захлопнул дверь.

Было слышно, как она, спускаясь по лестнице, что-то кричит, но что — я не разобрал. Стоял и тупо смотрел на дверь. И почему-то обнда и стыд одииаково сильно теснили грудь. Меня увели в комнату, пробовали успокоить. Но ее слова «а еще антилигент!» заселн во мне, как гвоздь в стеике.

— «Антилиге-еит»! «Антилиге-еит»! — передразннл я.— Да какое она имеет право?! Что она вообще в этом поннмает?.. «Антнли-ге-ент»... Хм, значеиия даже не знает!

— Перестань! — сказала жена.

— Брось! — поддержал Веру мой друг Володя.— Ну прибежала и прибежала. Бог с ней! Давай-ка лучше вот...

— Как это брось? Да ты понимаешь?.. Она не зиает даже, а говорит!

— Ну что она тебе далась?! Ведь ты-то знаешь!

— Я? А ты?

— Здрасьте! Прнехалн! Да кто же этого не знает?!

— Ну-ну! Объясни! Я послушаю...

Вмешалнсь другне гости, иачали наперебой втолковывать мне зиачеине слова «нителлигеит». Но все их толкования я отметал напрочь. Они казались мне неполны, скудны. Я полез в книжный шкаф за словарем, чтобы доказать им всем, что оии «мелко плавают». Шарил на полках, но словарь куда-то запропастился. Я стал звонить знакомым. Гости начали расходиться без предупреждения. Жена обозвала меия иевежей. Я с досадой махиул рукой — отвяжись! Наконец дозвонился до соседа по рабочему кабинету, у которого, я знал, есть большая энциклопедия. Он прервал меня на полуслове.

— Старче! — сказал он.— Ты совсем охамел! Трезвонишь в полночь, поднимаешь людей с постели, чтобы спрашивать такие глупости!

— Глупости?! Это не я, а ты...

«Пн-пи-пи»,— послышалось в трубке.

— Ну что? Выяснил свою сущность? — язвительно спроснла Вера, разбирая постель. Я не ответил, ушел иа кухню.

— Где словарь?! — крикнул я ей оттуда.— Ты разбирала книги. Куда девала?

Вера появилась на кухне в иочиой сорочке и продекламировала:

— Хва-тит!.. Ии-те-лли-геит! Ложись спать спокойио! Мишке дай поспать, если мие ие даешь!

— Где словарь? — сиова спросил я.

Жеиа махиула рукой и ушла в комиату.

Я согрел чайник. Чуточку успокоился. И иа цыпочках пошел шарить по квартире, искать словарь. Нашел его в Мишкиной комиате, в иераспаковаиином ящике, возвратился иа кухию.

— Так-так-так,— иетерпеливо бормотал я, вороша страницы,— иижир... ииструкция... инсульт... ие то! Вот! Человек, прииадлежащий к иителлигенции... Не густо! Та-а-ак...— Строчки расплывались. Я торопился.— Ну-ка, иу-ка... Ага! Социальиая прослойка, состоящая из работииков умствеииого труда... допустим! обладающих образоваиием... нет спору! и специальиыми зиаииями в различных областях иауки, техиики и культуры... Н-нда-а...— Это было все. Я потер лоб. Задумался. «Специальиыми зиаииями в различных областях...» Во всех сразу, что ли? Ну, иет, это иевозможно... Значит, в каких-то? В каких? Какие зиания делают человека иителлигеитом? Литература, музыка? Но зиаиия ли это? Скорее это то, что дает какое-то зиаиие... А что еще? История, философия, эстетика, этика... Стоп, стоп! Да тебе-то, технарю, кто эти зиаиия мог дать? Школа? С ее литературиыми «типами» от сих до сих? Смешио! Стоит только вспомнить литераторшу Фаииу Игоревиу: «Ребята, кто раскроет образ Фамусова?» И раскрывали, еще как раскрывали: такой, сякой! Садись, «пять». А кто такой Грибоедов? Что думал, к чему стремился? До сих пор тайиа! И вряд ли хватит времеии, терпеиия и желаиия ее раскрыть... А по истории параллельио с «Горем от ума» проходили, пробегали Германиию, Аиглию... Пеиие, рисование? Тоска! О Чайковском, Мусоргском, Бородине до сих пор иикакого представлеиия, кроме отдалеииого. Так... Что-то слышал потом. А что зиаешь? Имена, имеиа... Ни-че-го, кроме иих! Ни-че-го! Принесла хоть раз проигрыватель иа урок ваша певичка? Черта с два! Дальше, дальше... Институт? Там уж ие до истории, ие не до философии, не говоря уж об эстетике... Успеть бы спецпредметы вызубрить, суметь бы экзамен не завалить! Вот и все специальиые зиаиия в различных областях...

А ведь делают! Настоящие-то зиаиия... Должны бы делать...

Я стяиул галстук, брезгливо посмотрел иа иего н швыриул на холодильник. Вспомннл застиранный байковый халат соседки.

— Вышли мы все из народа,— мрачио пропел я.

— Заткиись! — доиеслось из комиаты.

Я будто ие слышал, рассуждал.

— Вышли... Кто-то вышел, кто-то остался... Она вот осталась. А ты? Вышел? Хм, выскочил!.. С печи иа полати на кривой лопате... Как там у Тургеиева? Мой отец землю пахал... Гордишься этим! Приедешь в отпуск, поможешь старикам картошку выкопать, и туда же — кории у тебя крепкие! А здесь чуть что — сразу в кусты! Ну, так уж н сразу? А разве нет? Точио! Что «точио»? А иичего! Забыл? Про доскн со склада шефу иа дачу? Забыл? А кто грузил, кто разгружал? То-то... Да, может, ои их выписал?! А почему тогда кладовщик вахтеру сказал: иа новый корпус? Молчишь? Квартира... А-а, то-то...

Я опять поставил чайник. Поставнл тихо. Она винзу... Подошел к окиу. Из чериоты смотрел на меня раздвоенный стеклами мужнк. Мужнк? Мужнк! Антнллигеит!.. Тьфу!..

Я отшатнулся от окиа. Глубоко вдохиул воздух. Налнл чаю. Сел за стол. Закрыл глаза.

Вечером, когда я пришел с работы и мы селн ужииать, Вера припомиила мие вчерашиее. Начали переругиваться. Тут в дверь позвоинли. Я открыл: человек шесть! Кто в халате, кто в трико. Соседн. Впереди всех довольио молодая жеищииа с высокой грудью под спортивной футболкой. Выражеиие лнца у иее... Ну как бы поточиее это... В общем, такие обычио всегда и везде руководят. Остальиые смотрят иа меия вроде и смущеиио, а вообще не разберешь как.

— Извините, что побеспокоили,— говорит руководительиица.— Вот пришли к вам позиакомнться! Всетаки вы иовые люди, а мы соседи. Надо!

Я смутился, отступил.

— Пожалуйста, проходите... Мы рады... Вот, в комнату... Проходите, пожалуйста.

— Да мы н тут,— обвела взглядом прихожую

руководительница.— Мы ведь только на минутку! — А сама, вижу, смотрит и делает выводы: дебоширы, не дебоширы?

Вера с Мишкой на руках тут же, за моей спиной стоит. Они напротив. Сразу за плечом руководительницы — высокий плотный мужик в полинялом тренировочном трико, левой рукой на косяк оперся, правой подбоченился, ногу на порог поставил. За ним еще мужчина, постарше и пониже, лысоватый, с добродушным лицом, его под руку держит маленькая женщина с косынкой на голове, за ними — еще пара.

Мать честная!

— Да что там, ясно все! — басит вдруг здоровяк в трико.— Наплела божья коровка! Семья как семья. Пошли, Нина! — Он тронул руководительницу за руку. Та сначала досадливо отдернула локоть, а потом, как бы извиняясь, обернулась и сказала ласково, но твердо:

— Ты иди, Федя. Я сейчас. Иди, Федя, иди!

Федя повернулся и пошел, отстраняя тех четырех, за ним повернула задняя пара, а потом и лысоватый с женой в косыночке. Осталась только Нина. Она стала объяснять, что пожаловалась Ксеня, сказала, что у нас каждый вечер оргии, ну вот и...

Я спросил:

— А она, эта Ксеня... Не того?

— Да, в общем, нет,— сказала Нина.— Кажется, все в порядке. Старик у нее там... А так, все нормально.

— А раньше, когда хозяева тут были, она тоже стучала?

— Было как-то, раза два за все время... Но это, знаете, мало ли... А тут ведь каждый день! Что и удивительно!

«Милые люди! Жить не с ними!» — вспомнил я напутствие нашей хозяйки.

— Вы уж постарайтесь, пожалуйста, потише,— сказала Нина.— Я понимаю, но вы постарайтесь. Хорошо?

Мы пообещали.

А вскоре опять случился скандал.

Вера не закрыла на кухне воду, оставив тряпку в раковине. Телевизор, видите ли, ее увлек! Ксеня тут же прибежала. (А кто бы не прибежал?!) Накричав всякой всячины, заявила, что мы оплатим ей ремонт.

— Вот так! Схлопотала?! — крикнул я Вере.— За свою квартиру платишь, мало кажется? За чужую будешь платить!

— За сво-ю-у! — передразнила Вера.

Я замолчал. Успокоилась и жена. И мы стали прикидывать, сколько дать Ксене.

— Надо бы посмотреть, сильно ли там промочило? — сказал я.

— Вот сходи и посмотри,— сказала Вера.

— А почему ты не хочешь?

— Ну, ты же сам всегда меня останавливаешь! Боишься, что я ее обижу!

— Не говори ерунду!

Мы так и не сходили к Ксене. И не собрали ей денег. Встречаясь с ней на лестнице, я скороговоркой мямлил «добрый день» и старался побыстрее пройти мимо. Она же свое «здрасьте» проговаривала всегда с улыбочкой, смотрела прямо, и мне чудилось: в глазах ее светятся злые огоньки. Поднимаясь от нее вверх по лестнице, я хотел и боялся обернуться, а по спине прокатывался неприятный холодок.

В одну из таких встреч она сказала мне в спину:

— И ходите, и ходите по ночам! И что это вы все ходите?

Я вздрогнул и обернулся. Она смотрела мне прямо в глаза. Я опустил взгляд и развел руками.

— К ребенку...

— Ну к ребенку! А топать зачем?

— Мы не топаем. Ходим нормально.

— Да как же не топаете, если грохот стоит? Хоть бы тапочки надевали!

— А мы, по-вашему, босиком?

— Уж не знаю! Босиком ли, сапоги ли надеваете, может, специально, а только слышно очень.

— Мы-то здесь при чем? Строителей ругайте.

— Как при чем? Топают-то не строители, а вы!

— Ну не знаю... На ковер у нас денег нет,— сказал я.— Извините, мне надо идти...

Я повернулся и пошел. Вслед мне неслось:

— А нет ковра, ходите потише! А то топают! Смотрите, я на вас управу найду! Моду взяли, по полу брякать! Ковров, вишь, у них нету. А нету, так наживите! Вы люди ученые! А людей не тревожьте!

Был коиец апреля. Воскресеиье. Погуляв с Мишкой во дворе, понежившись иа весеиием солиышке, мы возвращались домой. Сын карабкался по лестиице, я ему помогал. Мишке хотелось самостоятельиости. Ои громко, сердито верещал, отталкивая мои руки, ио всякий раз резко заваливался иа спииу, я ловил его в последиий момеит. Доползли до четвертого этажа. Тут дверь Ксеииной квартиры распахнулась, иа пороге стояла оиа сама.

— Зайдите-ка ко мие.

Я растерялся. Накаиуие иочью было тихо. Чем оиа еще иедовольиа? Может, про ремоит?..

Мишка был смелее. Он уже переступал через порог, а Ксеия давала ему дорогу. Вдруг оиа иагиулась, подхватила Мишку под руки и так, согиувшись, повела его иа кухию. Что за спектакль?! Я тоже шагиул в прихожую, боясь выпустить сына из виду. Невольио гляиул по сторонам. Двери в комиаты закрыты, в коридоре чистенько, иа полу коврик домашией вязкн, ио запах какой-то специфнческнй. Я остановился у поворота на кухню. Ксеня дала Мишке красиое яйцо и пирожок. Пнрожок Мишка сразу потащнл в рот. А Ксеия проговорила:

— От так, малеиькнй, от так. Ешь иа здоровье, ешь.

— Зачем вы?! У иас все свое есть! — почтн крикнул я.

Ксеия повела Мишку ко мне.

— Есть, да ие тако-ое,— н иаклоиилась к Мишке.— Ешь, малеиький, ешь иа здоровье.

Не зиая, как закруглить наш уход, я промолвил:

— Миша, ты бы хоть «спасибо» тете сказал.

— Какое ему еще «спасибо»-то,— отозвалась, глядя иа Мнршку, Ксеия.— Ему сейчас братство милее богатства.

У меня чуть не вырвалось: что вы имеете в виду? Но я прикусил язык и буркиул:

— Спасибо. Пошли, Миша. Скажн тете «до свидания».

Ксеня кнвнула. Потом закрыла дверь. Я подхватил Мншку на руки и, ошеломленный, быстро прошел два пролета лестннцы, позвонил домой. Едва открыв дверь, Вера спросила:

— Что случнлось?

— Ничего. Ксения Мишке яйцо дала и пирожок.

— Зачем?!

Я пожал плечами. Вера выхватила у Мишки заеденный пирожок и яйцо. Пирожок сунула в карман халата, а яйцо протянула мне.

— Верни сейчас же!

Мишка заплакал, но она, не обращая внимания на его рев, стала снимать с него курточку. Взглядывала на меня снизу вверх.

— Куда ты смотрел?!

Я пожал плечами и хотел пройти мимо, но Вера заставила рассказать, как было дело. Выслушав, подытожила:

— Тоже мне христианка нашлась!

Я не ответил, ушел в комнату. Ксенины слова о братстве, которое для Мишки милее богатства, не выходили из головы. Я встал у окна и заложил руки за спину. В одной из них было яйцо. Я смотрел вниз, на улицу, и странные мысли мелькали, будто кто-то шептал их мне, а я повторял: «Вот деревья растут. Трава зеленая. Человек по траве ходит, топчет ее и не думает даже, что топчет... В трамвае локтем другого толкнет и не извинится. Плечом на тротуаре заденет, даже не обернется. Заставит доски на дачу таскать — так и надо. А потом идет в бассейн и плавает по абонементу. Доволен! Все хорошо!.. А для нее жизнь — как струна: дом — работа, работа — дом и опять работа... Приезжает некто и разговаривает сквозь зубы или не здоровается... Ч-черт! Да ведь стучит же! Но почему стучит, почему?..

Тебя учили в школе, учили в институте и не научили главному: видеть в другом человеке человека, ценить другого просто за то, что он человек, такой же, как ты. До такого предмета, как человековедение, не додумалась еще ни одна академия. А вот она его тебе преподала очень наглядно... В человеке человека... В шефе тоже? Да что шеф?! А ты в себе-то его видишь?!»

В комнату вошли Вера и Мишка. Увидев у меня в руке яйцо, Вера раздраженно спросила:

— Ну что ты его держишь?! Что держишь! Ты его есть будешь?

Ее последние слова поставили меня в тупик. Я представил, как, очистив красную скорлупу, засовываю яйцо в рот и, давясь, жую. Не на подоконнике

же его хранить в самом деле... Я вдруг разозлился, обернулся и крикнул:

— А почему бы нет?! Почему бы нет?! Дело не в цвете! Дело в другом! Но ты этого не поймешь! — Я резко ткнул пальцем в Мишкину сторону.— Вот он понимает лучше!

— Ду-у-рак,— пропела Вера.— Умник нашелся!

Я распахнул форточку и с силой швырнул яйцо на улицу. Описав дугу, оно шлепнулось в траву, и от него брызнули осколки. Откуда-то слетелись воробьи и стали шустро попрыгивать в том месте. Вера молча вышла.

В тот вечер мы почти не разговаривали...

И еще раз увидел я Ксенину дверь открытой. Она была распахнута настежь. В прихожей стоял старик. Он держался рукой за косяк и смотрел на меня в упор. Я невольно замер, будто кто-то уперся мне в грудь. Больше всего поразили его ноги. Не ноги, а кости, обтянутые желтой кожей. Колени ходили ходуном, но не мелко, как это бывает у людей на нервной почве, а медленно, ритмично, словно от перенапряжения. Старик был в белой рубахе, доходившей до половины бедер. Лицо с глубоко утонувшими в темных кругах глазами, с острым, высохшим носом и провалившимися, будто нарочно втянутыми внутрь щеками — сплошная мука.

— Ох, умру... помоги...

Я вздрогнул.

— Как помочь, отец? — Я шагнул к нему...— Я вызову «скорую»...— и побежал вниз, к телефону-автомату.

Когда я возвращался, дверь была уже закрыта. Мне почему-то вдруг представилось, что старик корчится там, за дверью, стоя на коленях... «Надо помочь. Надо...» — стучало в висках. Я спустился на нижний этаж. Хлопнула дверь, и на площадку вышел здоровяк, одетый в линялое трико. Кажется, его звали Федей. Он всегда курил на лестничной площадке. В тот раз, когда соседи приходили с нами «знакомиться», мне понравилось и запомнилось, как он сказал: «Ясно все, семья как семья». И, сталкиваясь с ним на площадке, я останавливался, считая себя обязанным переброситься с Федей словцом. Он любил

футбол, болел за киевское «Динамо» и почти всегда заговаривал об очередной игре. Я не любил футбол, но не показывал виду и поддакивал. Мне почему-то казалось, что признаться Феде, что не люблю футбол, неловко. Он говорил, махал руками. Я стоял, кивал и ждал паузу, чтобы перевести разговор на то, что меня действительно занимало.

Федя, увидев меня, улыбнулся:

— Ну как вы там? — спросил я, кивая на дверь его квартиры и подняв глаза к потолку.

— А-а, да ничего. Терпим!

— Слушай, а они давно здесь живут?

— Кто они?

— Ну, Ксеня с этим... с отцом своим?

— А, ты вон про кого... Да вместе вселялись. Мы с Нинкой тут уже лет десять живем. А что?

— Да так просто... А ты не знаешь, что с ним?

— С кем?

— Да со стариком этим?

— Хрен его знает! Да что он тебе дался?

Я пожал плечами. Федя усмехнулся.

— Плюнь ты на нее! Или пошли разок...

— Что ж она, и так не понимает? Вы бы лучше с ней поговорили. Ты бы вот взял и поговорил.

Федя вытаращил глаза.

— Она же не мне стучит, а тебе!

— Да ты-то тоже небось до потолка подпрыгиваешь!

— Да, это так...— Федя помрачнел.— Ничего-о! Кошелка с крестником! Дождется она у меня! Я ей по-соседски организую травматологию!

Прошли два года. Был февраль. Мы получили открытку от хозяев, что они приезжают через месяц. И опять к бесконечным укорам жены в моей неспособности выбить свой угол, к не менее бесконечным хождениям по начальству, всякий раз завершавшимся обещаниями, прибавилась застарелая забота: надо искать новое пристанище. Взбудоражив знакомых, расклеив на столбах кучу объявлений, я перед самым приездом хозяев нашел-таки комнату в коммуналке. Но был рад и этому. Упаковал чемоданы, заказал машину.

Было часов десять вечера. Последний раз на этой квартире мы с женой пили чай. Вера зачем-то встала и, как всегда, резко отодвинула табуретку. Через

минуту в прихожей раздался знакомый длинный звонок.

— Ну вот! — сказал я.— Достукалась? Готовь деньги на ремонт!

У порога действительно стояла Ксеня.

— Можно, зайду? А то через порог неудобно вроде,— начала она.

— Конечно, конечно... входите...

— Я к вам поговорить...

— Может, на кухню? Чайку...— Я разволновался.

— Благодарствую. Я и тут... Говорят, вы уезжаете?

— Да-а, вот...

— Когда думаете? Завтра?

— Завтра.

— А я узнала... Думаю, надо зайти, успеть. Слышу, вы дома. Ну так вот...

Обычно решительная, напористая, она говорила с запинкой. А я лихорадочно соображал: «Сколько она запросит? Тридцать? Сорок? Что делать? Отказать? Стыд... А где взять? Нет, надо отказать. Морду колуном и — нет денег, и все. Да их и так и так нет. Господи...»

— Вот пришла к вам... Сказать вам... Просить прощения у вас! — сказала вдруг Ксеня и низко наклонилась.

Я оглянулся: Вера стояла, прижав пальцы к губам.

Ксеня стала быстро говорить:

— Мы же люди. Люди все же, а люди должны прощать друг друга. Все прощать. Не поминайте лихом, если что не так делала. Я вам зла не желаю. Простите. И вам бог простит.

Она быстро повернулась и ушла. А мы с женой долго растерянно смотрели друг на друга.

Прошло еще два года. Я стал забывать о Ксене и о всех переживаниях, связанных с нею. Лишь изредка я рассказывал эту историю, как забавный анекдот. Последний раз это было на днях, на нашем новоселье. Да-а! Я получил-таки квартиру! Свою! Собственную! Доказал-таки жене, что я тоже кое-чего стою! И хотя квартира была маленькая, однокомнатная («Буферный вариант! — успокоил меня шеф.— Скоро получишь другую, гораздо больше!»), но это была уже моя

квартира. Я вырос в собственных глазах, стал увереннее в своих силах. Меня всего распирало от радости, гордости, воодушевления, грандиозных планов по дому и по работе и черт знает чего еще, когда я подходил к своему подъезду своего двенадцатиэтажного красавца дома.

Я уговорил жену не торопиться с кредитом на покупку мебели. «Давай подождем, когда пустят лифт! Ведь живем же мы пока без газа, с электроплиткой!» И она согласилась. Мы теперь живем дружно!

А вчера я встретил в своем подъезде Ксеню. И странно, мне было приятно ее видеть.

— Здравствуйте! — бодро сказал я ей. Она поклонилась со своей всегдашней улыбкой. «А не так уж она противно улыбается,— подумал я.— Черт! Что значит обстоятельства!»

— А мы теперь здесь живем! — сообщил я ей.

— Получили, значит, отмаялись?

— Отмаялись!

— Ну дай вам бог здоровья.

— Спасибо! А вы как здесь? В гости к кому-нибудь пришли?

— Нет, домой.

— Как домой?! Вы же там!..

— Была там, а теперь здесь. Тятеньку схоронила, упокой, господи, его душу грешную, и попросила квартирку поменьше. Куда мне одной две-то комнаты?

Сердце мое заныло.

— Если не секрет, в какой же квартире живете?

— Какой тут секрет? В сто шестнадцатой.

Я почти выкрикнул:

— Да это же под нами!

— Ну вот и хорошо,— сказала Ксеня.— Соседями будем...

Я поднялся на свой этаж, достал из кармана ключи, я пытался открыть свою дверь и не попадал в скважину ключом, но почти не замечал этого: ум мой силился вытащить из темноты памяти на свет какие-то Ксенины слова... что-то связанное с Мишкой... какие-то хорошие слова...

СОДЕРЖАНИЕ

Виктор Александрович Потиевский

МАГА УВОДИТ СТАЮ

Леонид Григорьевич Крохалев

ДЕНЬ ПОЗАДИ, ДЕНЬ ВПЕРЕДИ

Составитель *С. Гладкова*

Редактор *З. Радишевская*

Художественный редактор *А. Максимов*

Технический редактор *Н. Кошелева*

Корректоры *И. Лебедева, И. Ломанова*

ИБ № 6478

Сдано в набор 30.01.90. Подписано в печать 03.05.90. Формат 84×108 1/32. Бумага кн.-журн. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Усл. печ. л. 14,28. Усл. кр.-отт. 14,80. Уч.-изд. л. 15,22. Тираж 250 000 экз. Заказ 3733. Цена 55 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Художественная литература» Адрес редакции: 107882, ГСП, Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19

Ордена Октябрьской Революции и ордена Трудового Красного Знамени МПО «Первая Образцовая типография» Государственного комитета СССР по печати. 113054, Москва, Валовая, 28

Леонид Григорьевич Крохалев родился в 1947 году в селе Редуть Курганской области, и в этих некогда природно богатых местах прошли его детство и юность. Среднюю школу заканчивал в Магнитогорске. Там, в многотиражке «Магнитогорский металл» — газете металлургического комбината, начинал свой журналистский путь, там делал первые литературные шаги. Окончив факультет журналистики Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, работал корреспондентом студии телевидения в Норильске, областной газеты в Туле, заместителем редактора городской газеты в Серпухове.

Участник VIII Всесоюзного совещания молодых писателей.

Ответственная за выпуск
Ирина Вититнева

55 коп.
РГО